

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

Б.А. Илюшин

Мухаммед-Эмин – «царь» казанский

Биографический очерк

Казань – 2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
И 49

Исследование проведено в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

*Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»*

Выпуск 28

Научный редактор

кандидат исторических наук *А.В. Аксанов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

кандидат исторических наук *Б.Л. Хамидуллин*

Илюшин Б.А.

И 49 Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 168 с., 10 с. ил.

ISBN

Данный очерк является первым опытом научной биографии одного из наиболее известных правителей Казанского ханства – Мухаммед-Эмина. Написание и публикация очерка приурочены к 500-летию кончины этого в определённой степени выдающегося человека. Ханом Мухаммед-Эмин становился трижды и всякий раз по воле великого князя московского Ивана III, несмотря на то, что имел полное право на казанский трон. Однако, на склоне лет он сумел значительно ослабить, если не ликвидировать эту зависимость от соседа. Книга будет интересна как специалистам, так и всем интересующимся историей России и её регионов.

ISBN

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43

© Илюшин Б.А., 2019
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

При обследовании территории Казанского кремля археологами был обнаружен мавзолей ханских времён. Стало ясно, что тут покоятся представители высшей казанской аристократии, вероятнее даже ханы. Далек не все правители Казанского ханства умерли на татарской земле: пятеро – на Руси, один – на Кавказе, ещё один – в Сибири. В Казани же – только семь. Одним из них, видимо, был мужчина 45–50 лет, чей скелет и был обнаружен в захоронении №2. Датировка погребения (начало или первая четверть XVI в.) и возраст совпадают с данными Мухаммед-Эмина – одного из наиболее выдающихся правителей Казанского ханства¹.

Ханом Мухаммед-Эмин становился трижды, и, несмотря на то, что имел полное право на казанский трон, всякий раз по воле великого князя московского Ивана III. Но на склоне лет он сумел значительно ослабить, если не ликвидировать эту зависимость от соседа. В русских источниках этого хана именуют Магмет Амином, или Махмет Амином. В татарском произношении его имя звучит как Мөхәм-мэтэмин, что могло сокращаться до «Эмин». Кроме того, есть редкие свидетельства, что Эмин имел лакаб² **Иджим**, или **Эджим**, под которым он фигурирует в анонимной истории Крымских ханов и «Ассеб ос-сейар» Мухаммеда Ризы³, а также детское имя – **Багай**.

Он скончался в декабре 1518 г., не прожив и полувека. Тем не менее, он является одной из наиболее значимых фигур на троне Казанского ханства, и в связи с тем, что в декабре 2018 г. было 500 лет с его смерти, был написан данный биографический очерк. Конечно, это не полноценная научная биография, но хочется надеяться, что очерк послужит толчком и опорой в её создании.

¹ Мухаммед-Эмин также является первым казанским ханом, чья биография известна сравнительно подробно. Сведений о жизни и политической деятельности его предшественников на казанском троне гораздо меньше.

² Часть арабского имени, прозвище, почётный титул, возвеличивающий эпитет, псевдоним.

³ Зайцев И.В. Астраханское ханство... С. 106, прим. 10; ссылка на Рамзи М.М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака'и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар. Муджаллад 2. Оренбург, 1908. С. 71 (араб.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

По черепу из погребения №2 удалось восстановить облик погребённого. Это зрелый мужчина центрально-азиатской расы, с уклоном в туранскую (южно-сибирскую), характерную для ряда тюркских народов, что вполне соответствует тому, что мы знаем о происхождении Мухаммед-Эмина.

Но действительно ли это – Мухаммед-Эмин? С уверенностью мы это утверждать не можем. Никакой сопроводительной надписи погребение не имело. Неясно даже, действительно ли этот хан был погребён в Казани – имеются сведения о его могиле в древней столице Булгарского царства – Великом Булгаре. Но чтобы лучше представить биографию человека и эпохи, нужны визуальные образы, поэтому можно допустить, что перед нами – действительно портрет Мухаммед-Эмина.

Источники сведений о жизни Мухаммед-Эмина сравнительно разнообразны. Это русские летописи (как московского, так и «провинциального» происхождения – Летописный свод конца XV в., Свод 1518 г., Холмогорская летопись и др.), дипломатические документы, относящиеся к сфере отношений Московского государства с Ногайской Ордой, Крымским ханством, Великим княжеством Литовским⁴, разрядные книги (их содержание касается в основном снаряжения войск), немногочисленные документы по вопросам землевладения, а также публицистические сочинения русского и среднеазиатского происхождения – «Казанский летописец» и Бабур-наме. Отдельные вопросы, поднимаемые в историографии, рассмотрены в соответствующих им разделах, поэтому в данном очерке мы не стали выделять отдельную главу с историографическим обзором.

За помощь в написании и издании книги автор выражает благодарность А.В. Аксанову, А.М. Гайнутдинову, И.Л. Измайлову, И.М. Миргалееву, М.А. Несину, С.Р. Хамидуллину, а также сотрудникам Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, причастным к изданию очерка.

*Нижний Новгород,
29 декабря 2018 г.*

⁴ К великому сожалению, до нас не дошли существовавшие посольские книги по связям Москвы с Казанью.

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

Прадед и дед

Мухаммед-Эмин был правнуком Улу-Мухаммеда (Олуг-Мөхәммәт), несколько лет являвшегося ханом Золотой Орды¹.

После Великой замятни, разгрома Мамая и Токтамыша, нашествий Тамерлана Орда находилась в глубоком упадке и политическом кризисе. За сарайский престол боролись разные претенденты из Чингизидов (потомков Чингиз-хана), а за реальную власть – также эмиры крупных родов, наместники и др. Долгое время фактическим правителем Орды был мангытский эмир Идегей. По некоторым сведениям, будучи в конце концов разбитым в бою своими степными противниками, этот эмир был выдан им неким огланом (Чингизидом) по имени Ичкили-Хасан, происходившим из крымской ветви потомков Туга-Тимура, сына Джучи-хана². В историографии иногда встречается утверждение, основанное на некоторых источниках, будто Улу-Мухаммед был сыном Токтамыша, но это сомнительно; скорее он был его племянником по отцу³.

В 20-е гг. XV в. сын Ичкили-Хасана Мухаммед стал одним из основных претендентов на сарайский трон, а его главным конкурентом – другой Мухаммед. Поскольку первый был старше, он имел прозвище Улу (Большой, Старший), а второй – Кичи (Младший, или Маленький). Будучи какое-то время ханом в Сарае, Улу-Мухаммед даже выдавал ярлык на великое княжение внуку Дмитрия Донского, Василию II.

Проиграв, однако, в борьбе с Кичи-Мухаммедом, в 1437 г. Улу-Мухаммед вынужден был уйти с тремя тысячами воинов и своей ор-

¹ Вернее, просто Орды. Сочетание «Золотая орда» возникло в восточноевропейских источниках лишь в XVI в.

² Почекаев Р.Ю. Цари ордынские... С. 228.

³ История татар... С. 137.

дой в Среднее Поволжье. Под городом Белёвом он столкнулся с превосходящими силами русских князей, и предложил мир на условиях выдачи своего сына Махмутека в заложники, прекращения взимания дани с Руси и оберегания её от врагов. Но русские князья его речей не послушали, понадеялись на своё численное превосходство, и были разгромлены⁴. После этого Улу-Мухаммед совершил набег на Москву, а в 1444–1445 гг. захватил Нижний Новгород Старый и на некоторое время сделал его своей ставкой. В 1445 г. же году его сын Махмутек разгромил под Суздалем великого князя Василия II и взял его в плен. Выпущен был тот за огромный выкуп и принятие к себе двух других сыновей Улу-Мухаммеда – Касыма и Якуба, которым с их казаками (воинами) за службу выплачивалось жалование. Из-за этого Василия вскоре свергли и ослепили, но затем он вернулся на великое княжение и получил прозвище Тёмный⁵.

Через некоторое время Улу-Мухаммед скончался, или (по заявлению пристрастного позднего источника) убит своим сыном Махмутеком⁶.

По хорошо обоснованной версии, основателем Казанского ханства был не Улу-Мухаммед, а его сын Махмуд, или Махмутек русских летописей (тат. Мәхмүт); от Улу-Мухаммеда же можно вести первую династию казанских ханов⁷. Однако, это было основание не собственно государства, а именно ханства, т.е. обоснование ханов-Чингизидов в Булгарском улусе с новым центром в Казани, поскольку государственность волжских булгар уже насчитывала не менее полутысячи лет истории.

В 1461 г. Василий Тёмный выступил с войском на Казань, но был встречен послами Махмутека, и дело закончилось миром. Вернее, перемирием. К тому времени восточно-русские⁸ князья возоб-

⁴ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

⁵ Похлёбкин В.В. Татары и Русь... С. 79–82.

⁶ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 20.

⁷ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 50–51.

⁸ Так мы считаем корректнее обозначать русских князей восточной и северной частей бывшей Руси (включая Новгород, Московское княжество и др.), в противовес «западнорусским» землям в составе Великого княжества Литовского, населённым предками белорусов и украинцев.

новили начатый ещё в домонгольское время Ростово-Суздальским княжеством натиск на волжских болгар, контролировавших Волгу в среднем течении и шедший по ней торговый путь. Так, в 1431 г. землю болгарскую «пленил» и пожёг князь Ф.Д. Пётрый⁹. Поэтому приход в Болгарский улус «варягов» в лице хана-Чингизида с ордой из закалённых воинов должен был быть встречен населением положительно. Но, тем не менее, это не остановило набиравшее силу Великое княжество Московское.

Родители

Когда в 1467 г. Махмутек скончался, ему наследовал его сын Халиль, но вскоре также умер. Тогда великий князь Иван III послал в Казань своего служилого «царевича» Касима с русско-татарским войском – добывать престол брата. Однако сил с ним было мало (основной расчёт делался на помощь части казанской знати), и на переправе через Волгу его уже встретил новый хан – Ибрагим (тат. Ибраһим), другой сын Махмутека. Пришлось дяде возвращаться ни с чем. В последовавшей двухлетней войне перевес был на стороне более многочисленного русского войска и более упорного Ивана III. Ибрагиму пришлось заключить мир на неизвестных нам условиях. По некоторым данным он должен был выдать русских пленников, попавших в Булгарский улус за последние 40 лет¹⁰. Последующие 9 лет между двумя государствами сохранялся мир.

Став ханом, Ибрагим по существовавшему у тюркских народов обычаю наследовал вдове Халиля – Нур-Султан (Нурсолтан). Детей первому супруга она родить не успела, а вот от Ибрагима у неё было двое сыновей – Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф.

Нур-Султан была дочерью мангытского (ногайского) бия Темира б. Мансура, занимавшего должность беклербека (визиря, т.е. второго лица в государстве) в Большой Орде – государстве-наследнике Золотой Орды между Доном и Яиком¹¹. Вообще-то у Ибра-

⁹ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

¹⁰ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 87–88.

¹¹ Беляков А.В. Чингисиды... С. 56; Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 121.

гима уже была жена – Фатима; она, кажется, должна была считаться старшей женой, и уже успела родить сына – Алегаму (Ильхаму, или Али). Но Нур-Султан успела побывать ханшей, поэтому тоже могла претендовать на старшинство. Этот непростой вопрос предопределил судьбу Мухаммед-Эмина и будет подробнее рассмотрен нами ниже.

Рождение

Когда, собственно, родился Мухаммед-Эмин? Однозначно ответить на этот важнейший вопрос нельзя. А ведь это значит, что невозможно определить не только точный возраст героя нашего очерка, но и степень его вовлечённости в политические коллизии, которые привели его на трон Казани.

Иногда можно увидеть 1468 г. в качестве даты рождения, или указание, что в 1518 г. Мухаммед-Эмину было не более 50 лет, но это лишь наиболее ранняя возможная дата. В «Истории татар» указан 1469 г.¹² А, например, А.В. Беляков не указывает даже приблизительно год рождения¹³, что, как нам кажется, верно с учётом существующей ситуации с источниками. Первый муж Нур-Султан умер в 1467 г., значит, родить первенца от нового мужа она могла, действительно, не раньше 1468 г. Летопись, описывая приезд Мухаммед-Эмина на Русь, замечает, что тот был ещё мал, т.е. было ему лет 10–12. Трудность тут в том, что приезд этот обычно датируется в литературе 1478–1479 гг., хотя Летописный свод 1518 г. сообщает о нём под лето 6993 (1484/1485 гг.), а значит, родиться Мухаммед-Эмин должен был в 1472–1474 гг.

Имя

До XIX в. среди волго-уральских татар преобладали тюркские, не исламские имена. Если посмотреть документы XVI–XVIII вв., то распространены такие имена, как Теребердей, Ишей, Девлеткилдей, Бекбулат и др. И только в начале XIX в. с подачи мулл широко рас-

¹² История татар... С. 32.

¹³ Беляков А.В. Чингисиды... С. 56.

пространились арабские (исламские) имена¹⁴. Но среди золотоордынской и постзолотоордынской знати мусульманские имена имели широкое распространение и раньше. Имена ханов Улу-Мухаммеда, Махмутека (вариант имени Мухаммед), Ибрагима – арабо-мусульманские. Мусульманское имя Мухаммед-Эмин (тат. Мөхәм-мәтәмин, араб. مُحَمَّدٌ أَمِين – двусоставное. Первая часть понятна – это имя Пророка. Вторая – Амин, или Эмин может выступать как самостоятельное мужское имя. В переводе с арабского оно означает «верный», «честный», и связано с многозначным глаголом «? -м-н»). Однокоренными являются слова иман («вера») и аминь («правда», используемая в религиозных текстах иудаизма, христианства и ислама). А имя Мухаммед переводится с арабского языка, как многократно восхваляемый. Таким образом, Мухаммед-Эмин означает: многократно восхваляемый, правдивый/честный/верный.

Братья и сёстры

У Мухаммед-Эмина было несколько братьев и сестёр. Старшим сводным братом являлся Ильхам (Алегам, иногда пишут Али-хан), который родился ранее 1467 г. и на момент смерти отца был достаточно взрослым для наследования ханства. Кроме него у Фатимы от Ибрагима было ещё несколько сыновей, из которых известны Кудайкул и Мелик-Тагир. Имелись и дочери; из них мы знаем Ковгоршат (тат. Гаухаршад). По другой версии её матерью была Нур-Султан, которая, однако, никогда в своих письмах в Москву не упоминала о ней. Родным младшим братом Мухаммед-Эмина был Абдул-Латиф (тат. Габделлатыйф, араб. Абд-аль-Латиф).

Детство

Период 1469–1478 гг. в истории Казанского ханства практически не освещён в источниках. А жаль. В это время родился герой нашего очерка, в те годы проходило его детство...

Хан Ибрагим пытался взимать дань с Вятки (г. Хлынов, совр. Киров), где существовала самостоятельная община русских людей,

¹⁴ Татары / Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2001. С. 357.

управлявшаяся через вече и бояр. Поэтому, когда до него дошли ошибочные вести, что в походе на Новгород в 1478 г. великий князь Иван потерпел поражение, хан совершил набег на Вятку (1478 г.). Это привело к новому походу на Казань русских войск, поскольку только что подчинивший себе Новгород Иван III считал себя хозяином последней русской вечевой республики, да и попросту воспользовался формальным нарушением dokonчания (договора) Ибрагимом. Поход этот освещён в источниках очень путано и кратко; возможно, что русская рать дошла до Казани (в которой тогда мог находиться и малолетний Мухаммед-Эмин), но серьёзного столкновения или не было, или оно оказалось для атаковавших неудачным¹⁵.

А вскоре Ибрагим скончался. Правда, даже приблизительная дата его смерти неизвестна. Обычно считается, что это 1478 или 1479 гг., но, как верно заметил А.В. Аксанов, никаких аргументов для этого не приводится¹⁶. В Устюжской летописи он даже упоминается под 1482 г., но это, скорее всего, ошибка – в остальных источниках в 1482 г. вместо него фигурирует Алегам¹⁷. Во всяком случае, можно датировать смерть Ибрагима в промежутке между 1478 и 1482 гг., что, кстати, заметно сдвигает хронологию жизни его жены и детей.

¹⁵ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 85.

¹⁶ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 86.

¹⁷ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 86; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 49, 95.

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Жизнь Мухаммед-Эмина прошла в основном на землях двух восточноевропейских государств – Казанского ханства и Великого княжества Московского. Приходилось ему бывать также в пределах Великого княжества Литовского (совр. территории Беларуси и Украины) и в улусах Большой Орды (Волго-Донское междуречье), но очень недолго. Основным фоном нашего очерка будут первые два государства, которые стоит кратко охарактеризовать для общего представления.

Казанское ханство и его жители

В рассматриваемое время власть казанских ханов простиралась на территории современных Татарстана, Чувашии, Удмуртии, Марий Эл, примыкающие к Волге районы Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской областей. Западная граница проходила по р. Сура в районе совр. Васильсурска, размытая южная – в районе Волгограда или севернее; на юго-востоке ханство граничило с Ногайской Ордой, захватывая часть Башкирии. Ядром государства были земли вокруг Казани, что тяготели к западной границе. К северу и востоку располагались большие массивы смешанных лесов и тайги. Остальная территория была богата перелесками и лугами. Главной водной артерией была р. Идель (Волга), а также её крупнейший приток на территории ханства – р. Кама (тат. Чулман). Выделялись Горная сторона – высокий правый берег Волги, и Луговая – низменный левый, преимущественно к северо-западу от Казани.

Казанское ханство – наименование русское, причём больше современное. В источниках XV–XVI вв. оно известно, как Казанское царство. Татары называли его Казанским вилайетом или юртом.

Население ханства относилось к нескольким языковым и этническим группам. Государствообразующим народом были **казанские татары**. Так их именовали русские люди. Однако соседи не забыли и старого, коренного этнонима – болгары, или булгары. Собственно,

татарами были те, кто приходил в Булгарский улус из степей, включая окружение Улу-Мухаммеда. Помимо этих этнонимов бытовали и другие: мослимин (мусульмане), казанлы (казанцы) или казан кешесе (казанские люди). Наиболее политически и этнически нейтральным, собирательным было казанлы¹ (мн. ч. казанлар). Их древний тюркский язык болгарской группы, родственный чувашскому, сменился на кыпчакский в XIII–XIV вв. вследствие влияния Золотой Орды, частью которой стал Булгарский «улус», а также начавшейся ещё раньше миграции в Среднее Поволжье некоторых кыпчакских кланов.

К юго-западу от казанских татар проживали **чуваши**. Они начинают отмечаться в русских источниках отдельно от черемисов именно в 1505 году, хотя часто подразумевались под горными черемисами и позже. Около 70% их территории покрывали леса, селения чуваша предпочитали ставить в укромных местах, вдали от берегов больших рек и дорог. Это могло спасти в случае войны. Занимались чуваша земледелием, а также огородничеством, охотой, бортничеством, рыболовством; скотоводство было слабо развито².

В состав Казанского ханства вошла большая часть территории расселения **мари** (марийцев или черемисов). Вне её остались в основном марийцы, жившие по Ветлуге. Черемисы делились на луговых (жителей низменного левого берега Волги, богатого лесами и лугами) и горных (высокий правый берег). Марийцы составляли значительную часть населения ханства, часто участвовали в его войнах. Луговая сторона была житницей ханства. С местного населения брали и ясак пушниной. При этом у луговых марийцев имелись от подчинения Казани и выгоды: рынок пушнины, выход к международной торговле, военная защита. А вот с Горной стороны татары больше брали, её старались сильнее контролировать. Ухудшало её положение и наличие дорог на Русь и в Крым, которые использовали войска, чиновники и др. — они обирали население по ямской повинности, использовали для починки мостов и др., или попросту местных жителей грабили и пленили татары, русские или ногайцы во время похо-

¹ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 135–137.

² Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 167–168, 170–171.

дов. Население Горной стороны (включая и чувашей) менее тяготело в плане культуры и политики к центру, т.к. отделено от Казани Волгой и ближе к Руси. Предания чувашей и горных мари говорят об эксплуатации, притеснениях, произволе, жестокости мурз и князей³. Впрочем, имеются сведения и о жестокостях русских воинов⁴.

К северу и северо-востоку от казанских татар проживали **удмурты**, часть которых входила в состав ханства и выплачивала ясак. Верхушка удмуртов и проживавшие на их землях татарские Арские князья входили в состав социально-политической элиты ханства. Удмуртские поселения располагались по берегам водоёмов, среди лесов, богатых дичью. Южная группа удмуртов испытывала значительное культурное влияние со стороны татар, башкир и марийцев. Занимались удмурты охотой, рыболовством, собирательством, некоторое развитие имели земледелие и скотоводство. Южные общины удмуртов подчинялись Арским князьям (скорее всего тюркского происхождения), имевшим центр в Арском городке⁵.

На юго-западных, преимущественно лесостепных окраинах ханство включало земли некоторых **мордовских** обществ⁶. Юго-восточные лесостепные и степные районы, прилегающие к Волге, были заняты **ногайскими** кочевьями (ногаи вообще играли заметную роль в политической жизни государства)⁷. Подчинялись казанским ханам также северо-западные **башкиры**, проживавшие в верховьях р. Камы, на Среднем Урале⁸. Население ханства могло насчитывать от 200 до 500–700 тыс. чел.⁹

³ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края... С. 29–66; Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 204–216.

⁴ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края... С. 49.

⁵ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 216–221.

⁶ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 223–232.

⁷ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 178–182.

⁸ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства... С. 184–185; История татар Западного Приуралья. Коллективная монография. Т.1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 233–246.

⁹ История татар... С. 751; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России... С. 18–34.

Политическая и административная структуры

Казанское ханство можно считать молодым государством только если приурочивать его начало к появлению хана («царя» по русской терминологии) и установлению военно-политического, культурного и экономического центра в Казани. Основная масса населения здесь сохранялась с раннего средневековья, когда сюда пришли предки чувашей и болгар. Уже в X в. на Средней Волге (правда, ниже по течению, юго-западнее ядра будущего Казанского ханства) существовало Булгарское государство во главе с эльтебером (этот тюркский титул был ниже ханского). Тогда же распространяется ислам, хотя среди марийцев, удмуртов, мордвы и чувашей преобладало язычество. Улу-Мухаммед и его сын Махмутек лишь способствовали становлению Казани в качестве центра самостоятельного ханства.

Хан был главой государства, но его власть была достаточно сильно ограничена своевольной знатью (князьями, биями), без одобрения которой трудно было совершить какую-либо серьёзную политическую акцию. Наибольшим влиянием в ханстве, обладали, видимо, главы традиционных для пост-ордынского пространства четырёх знатных кланов – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, именовавшиеся «смотрящими» (*карачи*). Самый влиятельный из них был *улу карачи* (большой карачи) или *беклербек* («князь князей»).

Значительным влиянием обладал и съезд светских и духовных «феодалов» (куда входили князья, шихзаде, уланы, мурзы, казаки, имамы, муллы, хафизы, сеиты и др.) и верхушки кланов мордвы, черемисы, чувашей. Русские источники именуют это «всей землёй Казанской».

Управление государством осуществлялось силами чиновников, среди которых имелись своего рода министры, секретари-писцы (бакши), сборщики податей и т.д. Для обсуждения важных дел существовал государственный совет (диван). Заметное влияние имели также представители исламского «духовенства» – муллы, имамы, абызы, а особенно верховный сеид, являвшийся главой мусульман Казанской земли и избиравшийся из числа тех, кто был или считался потомком пророка Мухаммеда (сеидов). Функции управления государством и ханским двором не были строго разграничены, и

заниматься ими одновременно поручалось одним и тем же доверенным людям хана¹⁰.

В административном отношении ханство делилось на провинции-даруги (от монгольского *дарга*, «начальник, начальство», русс. вариант «дорога»), восходящие ещё к золотоордынскому времени. По русским источникам известны «дороги» Арская (к северу от Казани – районы расселения удмуртов и владения Арских князей), Ногайская (к югу от Казани), Алатская, Зюрейская (Чувашская), Галичская (Якийская), Крымская (Буртаская), Окречская Атызская. Управляли «дорогами» князья. Например, Арской даругой – Арские или Каринские князья.

Социально-экономические особенности

Как и в других современных ему государствах, в Казанском ханстве население делилось на три основных страты: привилегированные, непривилегированные полноправные и неполноправные. К первым относились аристократия (включая Чингизидов и наиболее знатные кланы – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, верхи «духовенства» - верховных сеитов, имамов, крупных военачальников), придворная и служилая знать, мелкие светские и духовные «феодалы» (князья, мурзы, уланы, сеиты, муллы, казаки, бакши-делопроизводители и др.), а также племенная верхушка нетатарских народностей. Средние, основные по численности, слои состояли из простых общинников, ремесленников, купцов. Наконец, имелось и некоторое число лично зависимого населения и рабов, но говорить об их весе в обществе и экономике затруднительно.

Основным занятием населения были земледелие (большой татарский праздник – сабантуй – «праздник плуга») и стойловое скотоводство. В лесных районах занимались охотой, собирательством, бортничеством, рыболовством. Важнейшее значение имела торговля – внутренняя и международная, в т.ч. работорговля. Также большого развития достигли различные ремёсла.

¹⁰ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй... С. 222–223.

Огромное значение для экономики государства и всей восточноевропейской торговли со странами «Востока» имела казанская ярмарка. Собиралась она ежегодно в конце весны на Гостином острове, что располагался напротив устья р. Казанки. Туда съезжались купцы со всей Руси, там же встречались выходцы из мусульманских стран и местные – татары, черемисы, вотяки и др. Казанцы экспортировали на «Восток» меха, кожи, воск, мёд и др. «произведения» северных земель¹¹.

Столица ханства – Казань

Политическим, экономическим и культурным центром государства, столицей, где пребывали ханы, стал город Казань (Казан), существовавший к рассматриваемому времени уже, видимо, несколько сотен лет. Это был и родной город Мухаммед-Эмина, где он, скорее всего, родился и провёл детство.

Центром Казани был укрепленный ханский двор – Арк, представлявший собой комплекс жилых, административных, хозяйственных, религиозных построек внутри каменных укреплений, располагавшийся на холме, на месте современного русского кремля. К северу от Кремлёвского холма течёт с востока на запад р. Казанка (Казансу), впадающая далее в Волгу (Идель), а чуть к западу от холма в Казанку впадает речка Булак (Болак), соединённая протоками с озёрами к югу: Нижним, Средним и Верхним Кабаном. Вокруг укрепления располагался посад (по русской терминологии). По центру возвышенности к востоку от укрепления с севера на юг шла глубокая впадина, выходившая к р. Казанке через ложбину, отделявшую Кремлёвский холм от т.н. Старого Городища. В этих низинах (или Черноозёрском овраге) существовала система болот и озёр. По русским источникам это озёра Чёрное (совр. пруд в одноимённом парке, к юго-востоку от кремля), Белое (на территории того же современного сада), Банное (оно же Верхнее Поганое, севернее) и Поганое (ещё севернее, в районе совр. Пятницкой церкви)¹², или

¹¹ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока... С. 44–45.

¹² Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 254.

Нижнее Поганое. Озёра эти являлись главным источником водоснабжения города¹³. К востоку от озёр начиналось Арское поле (Арча кыры) – место ежегодной ярмарки (совр. Арское кладбище и Центральный парк им. М. Горького).

От Булака до Поганого озера, что почти у р. Казанки, возможно, уже в последней четверти XV в. шёл глубокий ров. Он дважды был зафиксирован археологами в первой половине XX в.: шириной до 14 м и глубиной от 1,5 до 4 м. Во рву имелись дренажные конструкции и «норы», из которых защитники города делали вылазки. Со стороны же Казанки гора, на которой располагался кремль, была высока и пологая¹⁴.

Арк должен был включать многочисленные здания и локации, которые можно разделить на несколько функциональных блоков. Жилой блок состоял из ханского дворца (*сарай*), гостевого дома, сада, зданий челяди и охраны. В административный блок входили здание Дивана (государственного совета), парадная площадь, судилище (казият), тюрьма (зиндан), казнохранилище, библиотека, архив, гвардейские «казармы». Культовые постройки были представлены ханским мавзолеем (где были похоронены ханы Махмутек, Халиль, Ибрагим) и мечетью. Наконец, хозяйственный блок включал кухни, баню, конюшни и различные придворные мастерские). Несмотря на длинный список, площадь изученного археологами Арка была весьма скромной, как и размеры указанных зданий, а некоторые из них вообще могли располагаться вне Арка или в другой ханской резиденции у озера Кабан¹⁵.

Белокаменный дворец имел скромные размеры – 18 на 24 м. Южнее него на рубеже XV и XVI вв. была построена большая соборная мечеть, позже названная по имени духовного лидера борьбы казанцев против захватчиков в 1552 г. – Мечеть Кул-Шарифа (Кол Шәриф мәчете). По татарским преданиям, она имела восемь минаретов.

¹³ История татар... С. 622.

¹⁴ Курбский, А. История о делах великого князя... С. 35–37, 529–530.

¹⁵ История татар... С. 607–613.

Арк был окружён каменными стенами. Имелись также дополнительные древо-земляные укрепления, создававшие несколько линий обороны города, включая защиту части посада.

В архитектуре ханской Казани преобладали болгаро-татарские традиции, испытавшие сильное влияние Османское империи и других исламских стран. Минареты, купола, арки, башни, редкие поливные изразцы для украшения сурового облика каменных и кирпичных стен... Для представления внешнего вида мечетей, медресе, мавзолеев и других каменных строений Казани, от которых сохранились, к сожалению, в основном только фундаменты, можно посмотреть на руины г. Булгара, минарет в Касимове, постройки Османской империи и Крымского ханства того времени. Но большая часть зданий в городе была, разумеется, деревянной. Простой люд проживал в небольших избах, а богачи и знать могли себе позволить просторные терема. Глинистые почвы Казани приводили к тому, что в дождливую погоду улицы погружались в грязь, из-за чего часть улиц, особенно в Арке, была покрыта деревянными мостовыми.

Виды ханской Казани, как нам кажется, хорошо передают атмосферные картины современного художника Р.Г. Загидуллина («Вечером в посаде», «Призыв князей» и др. работы).

Казань была единственным крупным городом государства. Древний Булгар лежал в руинах, хотя и почитался в народе. Имелись, кроме того, небольшие укрепленные городки – центры даруг (наиболее известный по летописям – Арский городок, *Арча*), крепости, укрепленные поместья, а также простые сельские поселения.

Вооружённые силы

Ядром вооружённых сил ханства была гвардия и «дружины» князей – профессиональные конные воины с полным комплектом вооружения. По статусу и качеству вооружению к ним были близки мурзы и казаки (рядовые воины, несшие службу с земельного надела – *союргал*). Более многочисленным было ополчение из татар, черемис и других народов ханства (тут качеством вооружения выделялась племенная знать черемис и чувашей), в значительной степени пешее. Кроме конницы и «пехоты» ханство могло выставить

судовую рать (пешие воины, посаженные на суда; в значительной степени это были чуваша и черемисы).

В литературе встречается точка зрения, что общая численность вооружённых сил Казанского ханства могла достигать 50 тыс. человек и более, но это только в случае тотальной мобилизации; в реальных условиях она вряд ли превышала 25–30 тыс. воинов¹⁶. Эти цифры видятся нам сильно завышенными и не совсем корректными. Мобилизационный потенциал Казанского ханства нужно сравнивать с московским, который более-менее известен. А даже во времена Ивана Грозного походное войско численностью в 30–50 тыс. собиралось с трудом, поскольку требовало сильного напряжения ресурсов. И это при общей численности населения в 5–6 млн. чел.¹⁷ Причём значительную часть этого войска составляли стрельцы, казаки, пушкарки, послужилцы и кошевая «прислуга» (отсутствовавшие в походной казанской рати), т.е. численность собственно конницы должна была быть ниже – тысяч 20. В Казанском же ханстве к началу XVI в. проживало вряд ли более 500 тыс. чел. (к нач. XVIII в. коренное население Среднего Поволжья исчислялось 700 тыс. – это после полутора веков относительно мирной жизни)¹⁸. Следовательно, выставить для дальнего конного похода Казанское ханство могло от силы 3–4 тыс. конницы.

В случае же мобилизации ополчения из татар, черемис и др. можно было довести численность войска и до 15–20 тыс., но это были не приспособленные к дальним походам контингенты, часто пешие. Анализ же казанских набегов на восточные окраины Мос-

¹⁶ История татар... С. 698.

¹⁷ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. 880 с. С. 328–359; Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. С. 82–83, 90.

¹⁸ История татар... С. 751; Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18–34.

ковского государства, проведённый М.А. Несиным¹⁹ показывает, что в них были задействованы малочисленные и подвижные конные отряды. Даже для обороны столицы конного и пешего ополчения было едва ли достаточно, как это показывает история московско-казанских войн.

Цифра же в 50 тыс., даже включая ополчение, всё же сильно завышена. Это 1/10 населения ханства. Допускать её равносильно утверждению, что при «большой повальной службе» (тотальной мобилизации населения) Московское государство могло выставить 500-тысячное войнство, что, разумеется, невозможно²⁰.

Татарский комплекс вооружения XV–XVI вв. (как и русский) входил в «западно-азиатскую» или «мусульманскую» традицию, включавшую типы доспехов и оружия, возникшие и создаваемые преимущественно в Османской империи, Иране и Средней Азии. Для защиты корпуса состоятельными воинами использовались преимущественно кольчатые (кольчуга, байданá) и кольчато-пластинчатые (бехтерец, колонтарь, юшман) панцири, для защиты головы – мисюрки или полноценные шлемы разных форм. Дополнительные средства защиты – наручи, поножи. Щиты в рассматриваемое время выходили из широкого употребления. Основным оружием конницы и пеших ратей были лук и стрелы («саадак»), для ближнего боя употребляли сабли, боевые топоры, редко – копья. Ополченцы чаще вооружались универсальным оружием, пригодным и для охоты – копьями, луками, ножами; для защиты носили плотную верхнюю одежду и шапки²¹.

О тактике и оружейном комплексе татар сравнительно подробно написал С. Герберштейн. «Их [основное] оружие – лук и стрелы; саб-

¹⁹ Выражаю благодарность М.А. Несину за предоставленную рукопись статьи (готовится к выходу в 10 томе сборника «История военного дела: исследования и источники» на ресурсе www.milhist.info).

²⁰ К сожалению, в недавней нашей работе этот вопрос ещё не был тщательно проработан, поэтому в ней присутствует ссылка на завышенную оценку численности казанского войска [Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 22].

²¹ Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства... С. 196–209; История татар... С. 690–700.

ля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то татары пускают назад в них стрелы; затем внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полёта стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладеет такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют пляской. Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве. В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность легче поворачиваться в ту и другую сторону; если они случайно что-либо уронят, они поднимают (вещь) без труда. Могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копьё, они уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой»²².

Великое княжество Московское

Другим государством, с которым была тесно связана жизнь Мухаммед-Эмина было Великое княжество Московское (далее – ВКМ), иначе – Московское или Русское государство. Употреблять слово «Русь» для его обозначения некорректно, поскольку так именовалось распавшееся на конгломерат полунезависимых удельных княжеств государство с центром в Киеве, в XIII–XIV вв. поделённое между Ордой и Великим княжеством Литовским. Собственно, практически вся западная часть исторической Руси ко второй половине XV в.

²² Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии... С. 168–169.

подчинялась великим князьям литовским (русским, жемайтским и др., как титуловались литовские государи). Только в конце XV в. московский князь Иван III начал оспаривать у Вильны эти владения и претендовать на всю Русь. Во второй половине XV – начале XVI вв. Москвой были завоёваны или присоединены иными путями независимые (или полунезависимые) Новгород (1478), Псков (1510 г.), Вятка (1489 г.), княжества Рязанское (формально только в 1521 г.) и Тверское (1485 г.), из-за чего в историографии употребляется термин «единое русское государство». Более того, была захвачена Пермская земля, начались походы в северное Зауралье.

Успехи московской экспансии во многом объясняются возникновением в правление великого князя Ивана Васильевича III поместного войска. Если раньше вооружённые силы русских княжеств состояли из малочисленных, хотя и достаточно хорошо вооружённых дружин князей, боярских людей и (чаще всего) пешего ополчения городов с прилегающими территориями, то при новой системе удалось создать многочисленное конное войско, зависящее от великого князя московского и находящееся на самообеспечении. Это были дворяне и дети боярские, получавшие за службу земли, обрабатываемые крестьянами. С этих поместий служилые и должны были выступать на войну «конно, людно и оружно» (несколько коней, вооружение и вооружённые боевые холопы).

Трудно сказать, какова была общая численность служилых людей и потенциального ополчения Великого княжества Московского, но даже во времена Ивана Грозного собрать в поход тридцатитысячное войско было делом трудным. Однако и 10–20 тыс. вполне было достаточно для ведения успешных войн с Великим княжеством Литовским, Ливонией, Ордой, а тем более с Казанским ханством.

Для приблизительной оценки численности войск московских князей конца XV – начала XVI в. можно воспользоваться формулой, выведенной при изучении вооружённых сил чуть более позднего времени. Как пишет А.Н. Лобин, «каждый воевода, в зависимости от ранга, руководил «головами» (а с середины XVI в. – «сотенными головами»), командирами подразделений поместной конницы. К 1560-м гг. в полевых войсках в среднем на воеводу приходилось по 4–5 сотенных голов. Вряд ли в начале XVI в. воеводы могли руко-

водить бóльшим числом воинов, чем в годы апогея развития поместной системы»²³. Формула для расчёта численности войска в данном случае проста: количество воевод умножается на 4/5 (количество голов под воеводой) и (факультативно) умножается на 200 (максимальное число воинов в «сотне»)²⁴. Последнее число нужно уточнить. В Полоцком походе 1563 г. «сотни» насчитывали от 96 до 200 человек²⁵. Но их состав мог быть и меньше. Поэтому лучше взять усреднённую цифру – 150. По такой методике будут оцениваться некоторые московские рати в нашем очерке.

В течение XV в. оружейный комплекс восточно-русских воинов (если не считать Новгород и Псков) существенно изменился, уподобившись современному татарскому и, шире, мусульманскому (т.н. процесс ориентализации). Те же кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири у состоятельных дворян и детей боярских, тяжеляи (плотные стёганые кафтаны) или отсутствие доспехов у тех, кто победнее, преобладание лучного боя²⁶. Но в отличие от татар московские войска рубежа XV и XVI веков всё активнее начинали использовать огнестрельное оружие. С последней трети XV в. в ВКМ появляется практика использования артиллерии («наряда») в полевых сражениях. В качестве отдельного подразделения «наряд» упоминается впервые в 1495 г., а с 1506 г. он становится неотъемлемой частью московского войска²⁷. Ручное огнестрельное оружие всё ещё не было характерно для русских ратников, хотя время от времени упоминаются некие пищальники²⁸. Пищали того времени были громоздкими и трудными в использовании, представляя собой скорее миниатюрную пушку. Использовать такие пищали можно

²³ Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года... С. 104.

²⁴ Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года... С. 104.

²⁵ Пенской В.В. От Нарвы до Феллина... С. 67; Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года... С. 133–134.

²⁶ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение... С. 16; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 92–93.

²⁷ Пенской В.В. От лука к мушкету... С. 34, прим. 66.

²⁸ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 92–93.

было, например, для обороны лагеря или на подступе к вражеским укреплениям.

Колоритное описание восточно-русского войска оставил С. Герберштейн: «Лошади у них маленькие, холощёные, не подкованы; узда самая лёгкая; сёдла приспособлены с таким расчётом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плёткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить её и пустить в ход, а если дело опять дойдёт до оружия, то они оставляют плётку и она свободно свисает с руки. Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор и палка [кисть]... Саблю употребляют те, кто побогаче... Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими. Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем. Некоторые носят шёлковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; употребляют они и копьё»²⁹.

Кстати, этнонима «русский» в то время ещё не было (он появился только в XVII в.). Основное (славянское и православное) население ВКМ именовалось иначе – русь (ед.ч. – русин)³⁰, или (официально) «русский человек», «русские люди». В татарском произношении *урус*, или *орыс*. В данном очерке мы будем придерживаться аутентичных этнонимов.

В те времена, когда Мухаммед-Эмин проживал в Московском государстве, численность его населения могла достигать 5,6 млн. человек. В основном это была русь, но всё большее влияние Москва имела в землях мордвы, коми, удмуртов и др., расширялось её влияние на крайнем Севере. Административно государство дели-

²⁹ Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии... С. 114.

³⁰ Так же «литва», «литвин». Этноним «литовец» тогда в ВКМ не был распространён, тем более, что этнические литовцы составляли незначительную часть населения ВКЛ (поэтому под литвинами могли подразумеваться и предки беларусов и украинцев).

лось на уезды и волости, хотя в те годы ещё сохранялись некоторые княжества – как удельные, так и «великие» (Рязанское, Тверское).

Главой государства был Великий князь Московский, происшедший из потомков Ивана Калиты. Мухаммед-Эмин был современником двух великих князей – Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533). В управлении великий князь опирался на бояр, своих родственников и постоянно усложнявшийся административный аппарат (наместники, тиуны, дьяки и др.), а также верхи христианского духовенства. Церковь имела большие земельные богатства и влияние на все стороны жизни государства, а христианство было основой как идеологии, так уже и народной картины мира (в сравнении, например, с XIII–XIV в., когда в восточной Руси князья сохраняли «языческие» славянские имена, а часть сельского населения хоронила умерших под «языческими» курганами)³¹.

Московско-казанские отношения в XV в.

Вытесненный из Большой Орды бывший хан Улу-Мухаммед с 3 тыс. воинов нанёс сокрушительное поражение великому князю московскому Василию II, и обосновался в г. Казань на средней Волге – территории бывшего Булгарского улуса (к 1438 г.). Последующие казанско-московские отношения представляли собой серию войн и мирных договоров. В результате войны 1444–1445 гг. татарам даже удалось захватить в плен Василия II. Отпущен он был за огромный выкуп. Кроме всего прочего, великий князь вынужден был выделить в кормление сыну хана Касиму и его мурзам и казакам (воинам) удел в заокской Мещерской земле (там был образован Мещерский юрт, или т.н. Касимовское ханство, и первая корпорация служилых татар). После этого, однако, Василий II предпринял два крупных похода на Казань, которые, тем не менее, не привели к разгрому опасного соседа.

Рассмотрение историографии вопроса о причинах московско-казанских войн мы опустим – это не раз делали наши предшественники. Из последних таких работ – раздел в книге А.В. Аксанова. Здесь же отметим, что в течение XVIII – начала XX вв. русские исто-

³¹ Никольская Т.Н. Земля вятичей... С. 97–119.

рики практически неизменно преувеличивали роль личности в истории (великого князя и хана) и причиной войн объявляли агрессивность казанских татар в отношении Руси (таким образом, они попросту пересказывали точку зрения официальных летописей). Иную позицию отстаивали представители татарской исторической науки, объясняя войны вмешательством великих князей во внутренние дела ханства и отсутствием единства среди казанских верхов³².

Прогресс наметился только с начала XX в. Объективность, историзм, привлечение широкого круга источников, материалистическое объяснение истории, внимание к социально-экономическим вопросам – основные принципы исторического познания. Последовательное и честное их применение позволяют видеть картину куда более сложную. Было выявлено большое влияние на политику Москвы интересов купечества, заинтересованность купцов в контроле над торговым путём по Волге, дворянства и крестьянства – в плодородных землях Среднего Поволжья. Сама политика Москвы после Октябрьской революции стала оцениваться критически, как пример колониализма. Тут, однако, большинство исследователей «занесло» в другую крайность, а со временем «маятник» опять качнулся в другую сторону – завоевания Москвы хотя и были зачастую вызваны хищническими интересами верхушки, но чаще определялись некой острой необходимостью для обеспечения дальнейшего развития Российского государства, а главное – несли прогресс завоёванным народам, хотя и в будущем. По большому счёту, «маятник» мнений качается до сих пор, хотя в отсутствие жёсткого идеологического пресса взгляды на причины московско-казанских войн (и шире – московских завоеваний) имеют индивидуальную вариативность.

Тема нашего исследования более узкая, поэтому ограничимся перечислением тех противоречий между Москвой и Казанью, тех их интересов, которые толкали обе стороны к конфликтам. Нумерации нет, поскольку мы сомневаемся в возможности точного определения степени значимости тех или иных пунктов.

1) Конкуренция между русским и татарским купечеством; заинтересованность Москвы в контроле над всем волжским торговым

³² Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 8–15.

путём (и Казани – в его сохранении соответственно). О борьбе русских и татарских купцов на восточных рынках и за контроль над волжским торговым путём писали, например, М.Н. Покровский, Н.Н. Фирсов, В.Г. Вернадский³³.

2) Острый интерес московской верхушки, дворянства и крестьянства к плодородным землям Среднего Поволжья. Тут можно вспомнить, например, мнение Э.С. Кульпина, который одной из главнейших причин завоевания Казанского ханства видел в резком сокращении земельного фонда Московского государства к концу XV в.³⁴

3) Развитые работорговля и рабовладение на «Востоке» и желание нажиться на русских рабах у части казанской элиты.³⁵ Хотя мы сильно сомневаемся, что данный вопрос действительно имел такой масштаб, как представляют это официальные летописи и многие исследователи, объявляя тем самым казанцев агрессорами, а московских правителей – защитниками русского народа. По большому счёту, объективно данную проблему в виду отсутствия сколь угодно достоверных источников рассмотреть проблематично³⁶.

4) Религиозные противоречия. Москва – Третий Рим, а Казань – царство «нечестивцев», клятвоотступников, которое иногда выступало в качестве «бича божьего» для христиан, но всё же должно было пасть перед православным царём. Казанский вариант: Москва – царство неверных. Опять же трудно оценить степень влияния религиозного фактора и особенно религиозного фанатизма на московско-казанские отношения; не стоит их недооценивать, как и переоценивать.

³³ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 15–17.

³⁴ Кульпин Э.С. Золотая Орда... С. 114 – 127.

³⁵ Этот фактор считал важным, например, такой исследователь, как М.Г. Худяков, в целом больше симпатизировавший казанцам, сопротивлявшимся московским колонизаторам.

³⁶ Тут можно вспомнить попытки оправдания завоеваний в Средней Азии XIX в. нахождением нескольких сотен казахов, русских и других подданных Российской империи в рабстве в Бухарском эмирате и др. узбекских государствах.

5) Особенности политической элиты Казани, её раскол на группы по интересам и личным симпатиям и их борьба между собой. В Казани сложилось несколько группировок, интересы которых были прямо противоположны: одни хотели торговать с Русью и жить в мире, а также не иметь жёсткой власти хана (что обеспечивалось постоянным вмешательством со стороны Москвы и русским контролем над ханами), другие – напротив, – желали иметь полный контроль над Волгой, торговать с «Востоком», в том числе христианскими рабами. Отсюда возник маятник во внешней политике (между Москвой, Крымом и Ногайской Ордой)³⁷.

6) Исторические «права» и исторические опасения Москвы и Казани. Для Москвы ханство было осколком ненавистной Орды, источник потенциальной военной опасности (а ещё за четверть века до рассматриваемых нами событий являвшийся источником угроз вполне реальных – отец Ивана III и дед Василия III, Василий Тёмный был разгромлен и пленён казанскими «царевичами»). Для казанских ханов Москва была недавней данницей Орды, (основатель ханства и прадед Мухаммед-Эмина, Улу-Мухаммед, когда-то сам давал ярлык на великое княжение Василию Тёмному), а также (начиная с 1467 г.) источником военно-политической угрозы. Кроме того, взятие Казани в 1487 г. русским войском воспринималось как достаточное обоснование прав Москвы на вмешательство в дела ханства в дальнейшем, что и происходило, поскольку в военно-политическом плане ханство было слабее ВКМ.

³⁷ Впрочем, в рассматриваемое время группировки складывались, скорее всего, ещё не по интересам, а по личным симпатиям и антипатиям.

ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ

Первый отъезд Мухаммед-Эмина из Казани

После смерти Ибрагим-хана (между 1478 и 1482 гг.) встал вопрос о наследнике. Нам не известно, кого на своё место прочил Ибрагим, и успел ли он сделать какие-либо распоряжения на этот счёт вовсе. Новым ханом стал Али (Алегам, Ильхам) – сын Ибрагима от Фатимы. Мухаммед-Эмин же оказался на Руси, под покровительством великого князя Ивана, а его мать Нур-Султан и младший брат Абдул-Латиф уехали в Крым.

Мухаммед-Эмину было на момент смерти отца лет 11–12, а, вероятно, и меньше. Разумеется, не приходится говорить о каком-либо серьёзном влиянии ребёнка на ситуацию с престолонаследием, хотя в ранней историографии и встречается мнение о личной борьбе наследников престола меж собой (так считали, например, М.М. Щербатов, отчасти и Н.М. Карамзин¹). Переоценивал степень самостоятельности Мухаммед-Эмина в борьбе за престол и С.М. Соловьёв². Конечно, и подросток мог без реального понимания ситуации требовать престол, топтать ногами и злиться на людей, его обидевших, тем более в обществах, где личность правителя была так важна, что иной раз от лица младенцев подписывались указы и подбирались им невесты. Однако, только по прошествии нескольких лет, проведённых, кстати, на Руси, Мухаммед-Эмин мог вникнуть более-менее серьёзно в политическую борьбу и как-то влиять на её ход.

Причиной помощи Мухаммед-Эмину Н.М. Карамзин считал доброжелательство Ивана III пасынку своего друга (Менгли-Гирея) и плохое отношение к России со стороны другого претендента – Алегама³. С.М. Соловьёв, как и Н.М. Карамзин, считал, что причи-

¹ Щербатов М.М. История Российская... С. 209; Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 183–185.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времен... С. 1418.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 183–185.

ной поддержки Мухаммед-Эмина, было желание Ивана III упрочить союз с Менгли-Гиреем, женой которого стала мать царевича. Мухаммед-Эмин сперва сам приехал к великому князю бить челом, назвал себя его сыном и просил войско на брата. Затем отмечается влияние казанских вельмож, отправивших царевича в Москву на случай, если хан Алегам будет их притеснять. Что и произошло. В результате в 1487 г. Иван III отправил на Казань войско⁴.

По мнению М.Г. Худякова, ещё в 1480-е гг. вокруг малолетнего Мухаммед-Эмина сгруппировались представители «той части торгового капитала, которая находилась в тесной зависимости от русского рынка», т.е. прорусская «партия». Против них выступали те, кто был заинтересован в работоторговле, русских рабах и поддерживал прочные связи с ногаями и рынками Средней Азии. Исследователь считал, что законным наследником был Алегам, а не Мухаммед-Эмин. Проиграв борьбу за трон (чему способствовала военная помощь ногаев «восточной партии»), прорусская «партия» отправила Мухаммед-Эмина на Русь, под покровительство великого князя московского. Этим и определилось, по мнению М.Г. Худякова, отношение будущего казанского хана к западным соседям⁵.

По мнению Б.С. Ишболдина, Мухаммед-Эмин, мигрировавший на Русь, мог рассчитывать на казанский трон, поскольку Алегам был сыном Ибрагима от «малозначительной» жены, а не от старшей⁶. Это позже повторил Г.В. Вернадский. Последний писал, что Нур-Султан была старшей женой Ибрагим-хана, но, несмотря на это, наследовал трон не Мухаммед-Эмина, а Алегам – «сын от одной из второстепенных жён». Став женой Менгли-Гирея, Нур-Султан захотела сместить Алегама и заменить своим сыном, в чём был заинтересован и Иван III⁷. Таким образом, историк-евразиец допускал влияние непосредственно Нур-Султан на политику Москвы в отношении Казани, а не промосковской партии в самом городе или малолетнего Мухаммед-Эмина.

⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен... С. 1418.

⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 45–47.

⁶ Ишболдин Б.С. Очерки из истории татар... С. 60.

⁷ Вернадский Г.В. Россия в средние века... С. 51.

Сделаем небольшое уточнение: Нур-Султан, скорее всего, не сразу стала женой Менгли, а лишь через 5–6 лет. Как отмечают авторы специального исследования, хотя в литературе фигурируют разные даты замужества (1480⁸, 1485, 1486–1487 гг.), поздние можно считать наиболее предпочтительными, поскольку с этого времени в переписке между Москвой и Крымом Нур-Султан начинает фигурировать как «большая царица»⁹. Однако, в любом случае, Нур-Султан была хорошо принята при дворе крымского хана – союзника Москвы в борьбе с ордынскими «царями», а её старший сын был претендентом на Казанский престол. Посадив его в Казани, Иван III не только упрочнял союз с Крымом, но и устанавливал прежде всего своё влияние в Среднем Поволжье. До Крыма было далеко и «перекопский царь» тогда ещё не вмешивались в дела этого отдалённого региона, оставляя свободу действий русскому правителю.

Насчёт же старшинства жён и прав Мухамме-Эмина на престол, думается, верно написал С.Х. Алишев: «Хотя Фатима была первой женой, но Нур-Султан считалась старшей, так как она была до этого уже царицей... В качестве старшей царицы Нур-Султан могла претендовать на престол для своего сына Мухамет-Эмина, но и Али был законным наследником как старший сын Ибрагима». В данном случае, как пишет автор, вопрос о престолонаследии решался силой влияния промосковской и проногайской партий¹⁰. Действительно, Алегам, выступавший в политических коллизиях 1480-х гг. как вполне самостоятельный политический деятель, был значительно старше Мухаммед-Эмина, что предполагает женитьбу его отца Ибрагима на Фатиме ещё до вступления на престол и наследования Нур-Султан, уже бывшей ханшей. Таким образом, ситуация сложилась неоднозначная и решить её по закону в пользу одного из претендентов не было возможности.

Отметим, однако, что, скорее всего, никакой прорусской и проногайской партий в Казани до второй четверти XVI в. не существо-

⁸ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом... С. 122; Беляков А.В. Чингисиды... С. 56. Причём со ссылкой на книгу М.Г. Худякова, где нет ссылки на источник.

⁹ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 221.

¹⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 38.

вало, а имелись группировки знати, формировавшиеся на основе личных симпатий друг к другу и к тому или иному наследнику Ибрагима. Связи Алегамы и его сторонников с ногаями определялись его женитьбой на дочери Ямгурчи, а не некими экономическими и геополитическими интересами¹¹.

Когда, собственно, состоялся выезд (или бегство?) Мухаммед-Эмина из Казани? По версии М.Г. Худякова – в 1479 г., сразу после смерти отца¹². Однако в русской летописи об этом записано именно за лето 6993 (1484/1485 гг.), после известия о кончине матери Ивана III (4 июля 1484 г.): «Того же лета приеха царевич, казанского царя сын, а Темирев внук, ещё бе мал, к великому князю. Князь же великий принят его»¹³. Мы склоняемся к этой поздней дате, к 1484 г. – она не только указывается в летописи, но и соответствует логике последующих событий.

Неясно время расставания Мухаммед-Эмина с матерью, которую он увидел только спустя лет тридцать. Та могла уехать с маленьким ещё Абдул-Латифом от недоброжелателей после смерти мужа, т.е. между 1478 и 1482 гг., оставив старшего сына на попечение казанской знати, аталыка, или великого князя (ведь обычно считается, что на Русь тот отбыл также вскоре после смерти отца). Но могло произойти это и позже – если принять более позднюю датировку отъезда Мухаммед-Эмина; тогда же находит объяснение и поздняя, самая вероятная дата выхода Нур-Султан за Менгли-Гирея (1485 г., вскоре, после переезда).

Правда, в таком случае возникает некоторое противоречие с одним и без того неясным сообщением: в августе 1498 г. Нур-Султан писала Ивану III, что Айдар-Гази (или Хайдар – брата Менгли-Гирея, уехавший в Литву, а затем в Московское государство в 1479 г.) кормил её сына, а его жена Девлет-Салтан её детям «сиську давала»¹⁴. Практика вскармливания чужих детей бытовала

¹¹ Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати... С. 25.

¹² Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 46–47; Беляков А.В. Чингисиды... С. 278.

¹³ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 318.

¹⁴ Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея с грамотами // Сборник РИО. Т. 41. Док. 58. С. 273.

у тюркских народов, и называлась *аталык* (как и сам кормилец); вскормленные одной женщиной неродные дети считались «молочными братьями»¹⁵. Судя по всему, Девлет-Салтан оставалась в Крыму, и там могла принять детей Нур-Салтан, когда та приехала после смерти мужа. Но кто это был? Абдул-Латиф (и это значит, что родился он незадолго до смерти отца) и, быть может, дочь, имя которой не сохранилось (если, конечно, это не Гаухаршад, но нет подтверждений, что она – дочь Нур-Салтан). Это не мог быть Мухаммед-Эмин¹⁶ – нигде не упоминается о его проживании в Крыму, да и был он слишком взрослый для груди. Поэтому всё же следует относить расставание Мухаммед-Эмина с матерью и маленьким братом (или братьями-сёстрами) ко времени, следовавшему непосредственно за смертью отца, после чего он ещё несколько лет проживал в Казани.

Кроме того, высказываются сомнения в верности хронологии Свода 1518 г. и его трактовки политической ситуации в Казани (в частности, попытке Алегамы расправиться с князьями)¹⁷. Неясность источников размывает картину событий, допускает разные толкования и версии. Видимо, в такой ситуации мы никогда не сможем точно датировать то или иное событие 70–80-х гг. XV в. в биографии не только Мухаммед-Эмина, но и других его родственников...

Вероятно, уже в XV в. при выезде Чингизидов и других иноземцев «на имя» великого князя им полагалось пожалование «на проезд». В XVI–XVII вв. это были одежда (шубы), материя, серебряная посуда, деньги, иногда лошади¹⁸. Так и Мухаммед-Эмин со своим двором мог получить жалование от Ивана Васильевича.

Мухаммед-Эмин покинул Казань в годы значительных перемен на международной арене. Осенью 1480 г. после стояния на реке Угре хан Большой Орды Ахмат отступил без боя, упустив последнюю возможность вернуть к прежней зависимости Великое княжество Московское. В следующем году Ахмат был убит ногайскими мир-

¹⁵ История татар... С. 534.

¹⁶ История татар... С. 252, прим. 1.

¹⁷ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 92.

¹⁸ Беляков А.В. Чингисиды... С. 329–330.

зами и сибирским Шибанидом – Ибаком. Дети Ахмата («Ахматовичи») с таящей из года в год Большой Ордой оказались зажаты между Крымским ханством, Великим княжеством Московским и Ногайской Ордой. Ногайские мирзы не могли быть ханами, поэтому предпочитали держать под своим влиянием хана-Чингизида (Ибака), а вместе с ним уже могли претендовать на золотоордынское наследие и гегемонию в регионе.

Алегам, женатый на дочери ногайского мирзы Ямгурчи, вполне устраивал ногаев. В то же время восшествие на казанский престол Алегама вызывало в Москве и Крыму тревогу.

В Кашире

Для прокорма служилым Чингизидам в Великом княжестве Московском жаловались определённые города, вернее, доходы с них. Существовала иерархия таких пожалований, зависевшая от старшинства того или иного лица и степени его надёжности. Самым престижным таким городом был Городок Мещерский (под ним обычно понимают совр. Касимов, который, однако, был основан в середине XVI в. чуть в стороне от прежнего места проживания потомков Касыма б. Улу-Мухаммада и других «царевичей»¹⁹). С конца 1460-х и до 1486 г. в Городке Мещерском сидел дядя Мухаммед-Эмина – Данияр. Видимо, поэтому бежавшему из Казани хану пожаловали менее важный город – Каширу.

Время пожалования неизвестно, но в историографии чаще всего фигурирует 1479 г., когда, по распространённому мнению, Мухаммед-Эмин и покинул Казань после смерти отца²⁰. Однако, как мы показали, скорее всего он ещё несколько лет прожил в ханстве при Алегаме, и только ближе к 1484 г. был увезён на Русь.

Кашира (Кошира по тогдашним письменным источникам) – городок к востоку от Серпухова и в 115 км к юго-востоку от Москвы. Расположена Кашира в живописном холмистом месте – на высоком,

¹⁹ Ахметгалин Ф.А. и др. Археологические исследования средневекового Касимова... С. 196.

²⁰ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 278; Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 46.

правом берегу Оки. К северу, за рекой раскинулись луга и перелески. Там лежали центральные земли Великого княжества Московского. Крепость же должна была охранять подход к Берегу (Оки) со стороны степей, с юга. Впервые упоминающаяся в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича около 1358 г. как село, только к концу XV в. имевшая крепость с деревянно-земляными укреплениями и небольшим прилегающим посадом Кашира доросла до полноценного города, став центром судебно-административного округа²¹. Хотя к 1531 г. относится летописное известие о постройке в Кашире деревянного града²², вряд ли это было первое укрепление, поскольку странным было бы отсутствие его в предыдущий век в пограничном населённом пункте.

И укрепления, и посад к моменту приезда туда Мухаммед-Эмина должны были выглядеть ново: в 1480 г., в ожидании нашествия хана Ахмата Иван III повелел «городок Коширу» сжечь, дабы ничто не досталось врагу²³. После же ухода татар жители и служилые люди вернулись, и городок быстро отстроился (скорее всего и следов пожара не осталось – как это часто бывает на поселениях с интенсивной жизнью) – иначе не было бы смысла давать казанскому «царевичу» пепелище.

В 1483 же году по договору между рязанским и московским князьями Кашира окончательно переходит под власть Москвы. Возможно, это как раз предшествовало выезду казанского «царевича» на Русь.

Мухаммед-Эмин и его двор взымали с местного населения определённые пошлины – торговую, ямскую (прокорм «царских» посельных и их коней) и др., а также использовали его труд для покоса на нужды «царского» хозяйства и т.п.

Сколько лет прожил тогда в Кашире Мухаммед-Эмин в точности не известно. Возможно, только до 1485 г., когда «царевич» вер-

²¹ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 101.

²² Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 58.

²³ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси... С. 101.

нулся ненадолго в Казань²⁴. Возвращался ли он потом туда? Скорее всего, да – по крайней мере источники молчат о месте проживания Мухаммед-Эмина между 1485 и летом 1487 гг., так что вряд ли его оставили в это время без города.

Первое восхождение на трон

Русские власти опасались Алегамы. Сохранились сведения о неких военных мероприятиях в 1482 г. И, если в разрядной книге говорится о нахождении в июле того года в Нижнем Новгороде полков на случай нападения казанского «царя»²⁵, то, например, по Второй Софийской летописи великий князь сам замыслил поход на Казань. Иван Васильевич остался во Владимире, а к Казани на судах была послана рать с артиллерией; но поход был отменён после присылки «челобитья» от хана о мире²⁶. Агрессором в данной ситуации считал Ивана III и М.Г. Худяков²⁷.

В Казани же царил разлад, и не утихла вражда между группировками знати. Вскоре оттуда в Москву прибыли послы с тревожным сообщением. Говорилось в нём, что «есмя отпустили к тебе царевича на том, что почнёт наш царевич, а царя нашего меншицин сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам; и нынче наш царевич, а меншицин сын, услышав то да зазвавши нас к себе на пир, хотел нас перетеряти, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город и укрепивши город, да за нами пошёл в поле»²⁸.

Мы видим, что какая-то группа аристократов отослал Мухаммед-Эмина на Русь, во избежание притеснений со стороны Алегамы, и, может, дабы иметь возможность манипулировать им. Как уже отмечалось, вряд ли тут стоит говорить о некоей принципиальной

²⁴ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 46–47; Беляков А.В. Чингисиды... С. 278.

²⁵ РК 1598. С. 19.

²⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях... С. 159; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. С. 315.

²⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 46.

²⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. Вып. 2. С. 322; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 318.

прорусской ориентации, связанной с экономическими и политическими интересами. Об этом говорят и известные случаи, когда деятели одной из таких «группировок» легко меняли свои политические ориентиры.

Это же сообщение подтверждает поздний выезд Мухаммед-Эмина на Русь (не ранее 1484 г.), поскольку выглядит сомнительным, чтобы Алегам был в неведении относительно своего брата в течение 4–5 лет; как раз наоборот – об отсылке своего конкурента к великому князю он узнал в течение нескольких месяцев и попытался за это отомстить биям.

Интересно, что Алегам назван «царевичем», а не «царём». Это несколько странно, и наводит на мысль, что он ещё не стал полноправным ханом, но предполагалось его восшествие на престол. Назван он тут сыном младшей жены, и, судя по всему, действует по своему усмотрению, а не просто как марионетка какой-то группировки.

Иван III уже предпринимал попытки посадить в Казани своего ставленника. В 1467 г. к столице ханства с русским войском и служилыми татарами ходил «царевич» Касым – сын Улу-Мухаммеда. Экспедиция провалилась. Ныне, когда после нескольких военных конфликтов была выработана стратегия войны с казанцами, Иван III решил попробовать снова. Мухаммед-Эмин же получил возможность воссесть на трон отца, хотя и с помощью иноземцев.

К Казани было послано войско во главе с воеводами – князьями В.И. Оболенским, Юрием Захарьичем, Семёном Романовичем кн. Ярославским, И.В. Ромодановским. Шёл с этой ратью и Мухаммед-Эмин. Как указывают источники, это было «лето 6993», т.е. 1484 или 1485 г.²⁹ С.Х. Алишев отнёс первое воцарение Мухаммед-Эмина к 1484 г.³⁰ Судя по неустойчивому положению Мухаммед-Эмина в Казани, можно усомниться в том, что первое его «царствование» продлилось с 1484 по 1486 г. Поэтому и возвращение его в Казань следует отнести к 1485 г.

²⁹ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 318.

³⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 40.

Узнав о подходе неприятеля, Алегам со своим ближайшим окружением бежал к ногаям. Мухаммед-Эмин был объявлен новым казанским ханом³¹. Вероятно, был проведён и древний ритуал поднятия нового хана на белой кошме, распространённый среди тюркских народов. Своими корнями он уходит во времена Тюркского каганата VI–VIII вв.³² Четыре человека поднимали на кошме и казахского султана Ураз-Мухаммада, когда в 1600 г. тот был возведён Б. Годуновым в касимовские «цари»³³.

М.Г. Худяков считал возможным полностью переносить детали ритуала коронации касимовского «царя» на Казанское ханство и привёл его описание из сочинения Кадыр Али-бека Джалаира «Сборник летописей»:

«Все от малого до великого присутствовали при этом торжестве. Толпа народа была огромная. Муллы, даншименды, хафизы, бики, мурзы, словом все мусульмане собрались в каменной мечети. Внесли и разостлали золотую кошму³⁴. Тогда из старого еще дворца сеид начал провозглашать хотбу. Затем четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. Все мусульмане, от малого до великого, знать, муллы и старшие лица в городе, находившиеся при совершении обряда, огласили мечеть радостными криками. Потом карачи, аталыки и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления. До самого конца месяца, в продолжение нескольких суток, днем и но-

³¹ РК 1598. С. 20; РК 1605. С. 26–27. В разрядной книге 1475–1605 гг. при переписке вкрался ряд ошибок на счёт московско-казанских отношений 1480-х гг. Так, под лето 6992 (1483/1484 гг.) говорится о большом походе на Казань, взятии её и захвате хана Али, причём длинный список воевод совпадает с таковым, относимым другими источниками (и, чуть ниже, той же разрядной книгой) к большому казанскому взятию 1487 г. С тем, что в данном случае мы видим неверно вставленный фрагмент от 1487 г., отмечалось ранее [Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 283]. Причём той же разрядной книге имеется и другая ошибка – в событиях лета 6993 Алегам и Мухаммед-Эмин перепутаны местами [РК 1605. С. 26–27].

³² Гумилёв Л.Н. Древние тюрки... С. 53.

³³ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 393.

³⁴ Видимо, описка. Кошма должна была быть белой.

чью, хан предавался забавам и удовольствиям. В это время даны им были большие пиры; на них мед и водка лились без меры; лошадей, баранов и коров зарезано было множество. На пирах толпились приглашенные; каждому из них назначено было, сообразно его званию, особое место. Мулл и хафизов, вдов и сирот, бедных и несчастных хан осыпал милостями; при этом же случае отпустил он на волю многих заключенных, ознаменовал он себя добрыми и богоугодными делами»³⁵.

Если с такой помпой было обставлено возведение в «цари» сугубо подконтрольного Москве Касимовского юрта, ограниченного пределами меньшими, чем половина современной Рязанской области, можно представить, как пышно проводились подобные мероприятия в Казанском ханстве...

Церемония провозглашения казанского хана запечатлена на картине современного татарстанского художника Р.Г. Загидуллина «Избрание хана» (2007 г.).

Наконец, «царевич» Магмет-Аминь воссел на отеческом троне в родном городе Казани. Трудно говорить о том, насколько желанным было для молодого Чингизида это событие. Он в любом случае был в то время марионеткой в руках могущественных деятелей – великого князя московского, его бояр, а также той части казанской знати, что не брезговала идти на столь неравный союз с Москвой. Последующая же история показала, что Мухаммед-Эмин был совсем не чужд властолюбия и (по возможности) крепко держался престола.

Вот и тогда, в первый раз, может, не без указки из Москвы, а, может, и по своему усмотрению, Мухаммед-Эмин попытался искоренить оппозицию при своём дворе. А именно вознамерился схватить недружественных ему родственников и аристократов («братию свою меньшую») и выдать великому князю московскому. Шаг был опрометчивый. Возможно, Мухаммед-Эмин опирался на охранявший его русский контингент, о котором иногда пишут в литературе³⁶, или же его поддержал кто-то из казанских больших людей. Однако многие другие бии (князья) возмутились деспотизму хана и его потворству

³⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 185.

³⁶ История татар... С. 299.

иноземному правителю, и помешали ему осуществить задуманное. Видимо, начали раздаваться угрозы в адрес Мухаммед-Эмина, а дворец наполнился слухами о намерении князей «царя» убить.

Опасаясь за свою жизнь, Мухаммед-Эмин направил в Москву послание с просьбой прислать рати для защиты себя и московских интересов. Как видно, основным был вопрос о власти и выживании в условиях внутривосточной борьбы. В конце концов, Мухаммед-Эмин был прежде всего Чингизидом, султаном, а государство воспринималось в те времена как собственность правящего семейства. И как распоряжаться этой собственностью, деля её с родственниками, хан решал сам, без оглядки на подданных.

Иван III спешно послал к Казани полки под командованием В.И. Оболенского, В.Д. Тулупьева и Т.А. Тростенского. Положение же Мухаммед-Эмина обострилось настолько, что он бежал навстречу воеводам. Второй раз покинул город он ненадолго. Опасаясь ухудшения отношений с Москвой, князья били челом «царю» о мире и возвращении хана в Казань³⁷. Возможно, что это были как раз те бии, которые и способствовали приходу на трон Мухаммед-Эмина ранее, но поссорились с ним после его попыток расправиться с «меньшей братию».

А что же Алегам? Он в это время был у ногаев. Мурзы Ногайской Орды были заинтересованы в усилении своего влияния на Казанское ханство. Если первые десятилетия его существования волго-уральские кочевники не влезали в дела Среднего Поволжья, то положение изменилось после убийства ногаями и сибирским ханом Ибаком большеордынского хана Ахмата в 1481 г.

Мать Мухаммед-Эмина, Нур-Султан, была дочерью большеордынского беклербека Темира б. Мансура из ордынских мангытов. Если Муса и другие ногайские лидеры и не испытывали неприязни к потомкам Темира, то точно недружественно относились к крымскому хану Менгли-Гирею, чьей женой стала впоследствии Нур-Султан. Почему и Мухаммед-Эмин на казанском троне их не устраивал. Поэтому они поддерживали Алегаму, к тому же женатого на дочери мурзы Ямгурчи³⁸.

³⁷ РК 1598. С. 20; РК 1605. С. 27–28.

³⁸ Мнения см. Третьяков В.В. История Ногайской орды... С. 135–136.

В конце концов, Алегам с ногайским отрядом пришёл к Казани и согнал с «царства» Мухаммед-Эмина³⁹. Источники лаконичны, но можно представить, как ставленник Москвы Мухаммед-Эмин, не имея сильной поддержки среди казанцев, узнав о приближении брата с ногайской конницей, почувствовал себя неуютно в стенах ханского дворца, и, скрепя сердце, снова покинул город. Отправился он искать помощи у великого князя.

Между прочим, в труде М.Г. Худякова содержится неточность относительно политической борьбы в Казани в 1480-е гг.: следуя ошибочным сведениям из разрядной книги 1475–1605 гг., он считал, будто после первого восшествия Мухаммед-Эмина он был через год смещён русскими и заменён на Али, а того вскоре снова заменили на сына Нур-Султан. На то, что Али дважды был изгнан из Казани до 1487 г. пишет и В.В. Трепавлов⁴⁰.

В разрядных книгах сообщение о захвате Казани Алегамом стоит после упоминания о готовящемся походе в лето 6995-е (1486–1487 гг.), но, видимо, к первой половине 1487 г. относится именно подготовка русского похода, а бегство Мухаммед-Эмина имело место, судя по всему, значительно раньше – летом 1486 г.

Это подтверждает сообщение Устюжской летописи: в конце лета 6994-го (что соответствует лету 1486 г.) «прибежал» к великому князю «царь Махмет Емин», спасаясь от своего брата Алегама, и бил челом, признавая Ивана III своим отцом и прося рать против брата. Великий князь обещал Чингизиду военную помощь и с мартовским посольством в Крым сообщил Менгли-Гирею и Нур-Султан о том, что оказывает «добро» беглому казанскому «царю»⁴¹. Признание тем Ивана III отцом подразумевало, прежде всего, выражение подчинённого, или, как минимум, более низкого политического статуса.

³⁹ РК 1598. С. 20.

⁴⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 46–47; Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 135.

⁴¹ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 96; Грамота великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею [4 марта 1487] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 16. С. 59.

Великое взятие Казанское

На этот раз Иван III вознамерился решить вопрос с «царём» Алегамом окончательно. Против Казани было собрано большое войско. Часть рати должна была добираться до цели на судах, а часть – конно, идя по правому берегу Волги, Горной стороне.

В четверг, 11 апреля 1487 г. с Москвы выступили воеводы с полками. Мухаммед-Эмин же задержался почти на две недели. В летописи отмечается, что велики князь отпустил его к Казани «по Велице дни» во вторник, 24 апреля⁴². Отправиться к Казани «царевич» мог как в судне по воде (скорее всего, через Нижний Новгород), так и верхом, по Горной стороне.

Русские полки добрались до Казани 18 мая. Алегам попытался не допустить осады столицы и выступил в поле с князьями и войском для боя с неприятелем. Русские рати численно превосходили казанцев и быстро загнали защитников обратно в город. Только отряд князя Алгазы (Аль-Гази) остался в поле. Этот «борец с неверными» (что и означает «гази») отошел подальше, но затем принялся наносить удары по готовившему долгую планомерную осаду русскому воинству, и «зла много чинил силе великого князя». Однако вскоре Аль-Гази был отогнан за Каму. Не помогли и частые вылазки казанцев из города. После нескольких недель осады, 9 июля измождённый город капитулировал. Хан сам вышел из города и сдался воеводам Ивана III – Д.Д. Холмскому и С.И. Ряполовскому⁴³.

На престол Казани снова был посажен Мухаммед-Эмин. Многие противники Москвы из князей, уланов и других слоёв населения были казнены. Алегаму с женой сослали в заточение в Вологду, а его мать, братьев и сестёр – в Белоозеро и Карголом⁴⁴.

Выехавший с Москвы 10 августа гонец вёз в Крым послание, лаконично сообщавшее о взятии Казани. Речь должно было держать как перед ханом Менгли-Гиреем, так и перед его женой Нур-Султан. Иван Васильевич передавал, что послал он на своего недруга казанского царя Алегаму своих воевод, и они по божьему усмот-

⁴² Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 218.

⁴³ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 290.

⁴⁴ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 219.

рению Казань взяли, Алегама, его братьев, мать, жён и князей пленили и вывезли на Русь. На казанский же трон Иван Васильевич посадил Мухаммед-Эмина⁴⁵.

Нур-Султан должна была быть рада такому повороту, ведь из-за Алегами и его родичей она бежала из Казани, а её сыновья лишились отцовского юрта. Менгли-Гирей также мог не беспокоиться, поскольку можно было ожидать, что его пасынок и ставленник его союзника будет поддерживать коалицию против Ахматовичей (детей большеордынского хана Ахмата). Зато взятие Казанского юрта и особенно пленение и ссылка хана Алегама весьма негативную реакцию вызвало у других мусульманских правителей, о чём подробнее будет рассказано ниже.

Некоторое время в Казани при хане находился боярин Д.В. Шейн, но вскоре уехал и отправился с посольством в Крым⁴⁶.

Вопрос о степени зависимости Мухаммед-Эмина от Ивана III в первые два периода его правления в Казани историки решают по-разному.

Отношения, существовавшие тогда между Москвой и Казанью, М.М. Щербатов именовал союзом, или «в некотором роде подданством». Ниже, однако, он прямо писал, что великий князь имел великую власть над Казанским царством⁴⁷. В труде Н.М. Карамзина Мухаммед-Эмин охарактеризован поначалу как верный ставленник и данник Ивана III, доброжелательность которого он заслужил, будучи пасынком Менгли-Гирея, а также из-за враждебности Алегама Руси⁴⁸. Схожее мнение имел С.М. Соловьёв⁴⁹.

⁴⁵ Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менли-Гирею и его царице Нур-Салтан с татаринном Беляком Ардашевым // Сборник РИО. Т. 41. №18. С. 61–62.

⁴⁶ Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. С. 500; Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Дмитрием Васильевичем Шейным // Сборник РИО. Т. 41. Док. 19. С. 62–71.

⁴⁷ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён... С. 285, 355.

⁴⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 183–185, 190–191.

Иной точки зрения придерживался М.Г. Худяков. Отношения между двумя государствами он считал союзническими, но не данническими, хотя и при наличии русского протектората над Казанью. Русские историки преувеличивали влияние Ивана III на Мухаммед-Эмина. Не согласен он, прежде всего, с С.М. Соловьёвым, считавшим, что великий князь прямо приказывал хану и брал дань с населения ханства⁵⁰. В данном случае М.Г. Худяков, как нам видится, прав. Он подчёркивал, что при заключении договора представители обеих сторон присягали на верность самому договору (а не казанцы Москве), хотя и признавал, что равенство между великим князем и ханом (именовавшими друг друга братьями) было всё же формальным⁵¹.

Факты, указывающие на зависимость Мухаммед-Эмина от великого князя, отметил С.Х. Алишев: «В период протектората Казанское ханство своей самостоятельной внешней политики не имело. Была установлена полная и строгая московская опека над внешними сношениями Мухамет-Эмина». Отразилось это, кроме того, в отправке войск против Большой Орды и просьбе о дозволении жечься на ногайской княжне⁵².

Из сравнительно недавних исследований можно отметить работу Д.А. Котлярова, считавшего Мухаммед-Эмина скорее данником Ивана III, чьи люди собирали некие пошлины (в частности с земель по рр. Цивиль и Альныш). Подчинённое положение хана подчёркивают и посылки ратей по приказу великого князя⁵³ (но заметим, что казанские отряды шли против общего противника Крыма и Москвы).

Если сопоставить все свидетельства источников и имеющиеся в историографии мнения, можно заключить, что Мухаммед-Эмин оказался неполноправным союзником Москвы и Крыма, причём зависимым от великого князя уже по причине того, что оказался на троне с русской помощью. Однако вряд ли можно считать неясное единичное упоминание неких пошлин свидетельством взимания

⁴⁹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен... С. 1418–1419.

⁵⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 50–51.

⁵¹ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 51, 53.

⁵² Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 43–45.

⁵³ Котляров Д.А. «Служащий царь»... С. 25.

дани с Казанского ханства. К тому же нужно помнить, что русские летописи весьма тенденциозны, и подают информацию выборочно с искажениями, поэтому степень зависимости Мухаммед-Эмина от Ивана III в них может быть преувеличена.

Иван III называл Мухаммед-Эмина «братом и сыном». В дипломатии того времени братство означало равноправие, а позиция «отец – сын» – подчинение. По мнению А.В. Белякова использование обеих формулировок могло отображать переходную стадию в отношениях между Чингизидами и великими князьями, когда первые уже не считались государями вторых, но ещё не были их холопами (брата Мухаммед-Эмина Василий III уже именовал только братом)⁵⁴. При этом Мухаммед-Эмина также обозначал Менгли-Гирей. Правда, он был женат на его матери, поэтому тут термин «сын» нёс и сугубо изначальное значение.

Ханское «житьё»

Став казанским ханом, Мухаммед-Эмин мог позволить себе жить с куда большим размахом, чем при владении Каширой, ведь хан в Казанском юрте был главным распорядителем основного богатства – земли.

По территории ханства, как на Луговой, так и на Горной сторонах, то тут, то там были разбросаны участки ханского «домена» (если использовать европейскую феодальную терминологию), куда входили пашни, пустоши, луга, реки и озёра, леса с охотничьими и бортными угодьями. Там проживали и работали земледельцы, скотоводы и другой рабочий люд, обеспечивавший продуктами хана и всю казанскую верхушку.

Известно, что рыбу для ханского стола добывали в системе озёр Кабан в пределах современной Казани, а также на Волге. У совр. деревни Нурлаты Зеленодольского района Татарстана (Нурдовлатово Свяжского уезда дореволюционного времени), располагалось загородное поместье Мухаммед-Эмина⁵⁵.

⁵⁴ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 377.

⁵⁵ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и социальный строй Казанского ханства... С. 93–96.

Другим источником доходов хана были многочисленные пошлины с купцов, ремесленников и других категорий населения. На Волжском торговом пути крутились огромные средства, процент с которых обеспечивал богатством казанскую знать и на которые хотели наложить руки русское купечество и правящая элита.

Полагался хану и значительный процент военной добычи⁵⁶, но для Мухаммед-Эмина этот источник дохода почти всегда был закрыт. Более того, казанская аристократия старалась как можно больше ограничить ханов и в земельных владениях, а попытки покушения на земли аристократии приводили к недовольству и заговорам.

Проживал Мухаммед-Эмин основную часть времени, видимо, в ханском дворце, описание которого было дано нами выше.

Пиры и охота составляли обычное увеселение тогдашних правящих элит. Трудно сомневаться в том, что и Мухаммед-Эмин был до них охоч. Был ли у него гарем наложниц – неизвестно, но по жалобам его политических противников можно предположить, что в молодости хан был падок до женщин, в том числе чужих жён, дочерей и сестёр. Причём касалось это представительниц аристократии, чего уж говорить о простолюдинках и прислуге. Впрочем, есть вероятность, что всё это только наветы недоброжелателей, ибо для мусульманского государя такое поведение было неподобающим.

Однако хан должен был заниматься и государственными делами. Приём гонцов и послов от великого князя, от ногаев и из Крыма, наблюдение за безопасностью проезжавших через территорию ханства посольств, а также дворцовые интриги составляли список основных политических вопросов. Приходилось Мухаммед-Эмину решать и экономические и правовые проблемы, касавшиеся его подданных: наделение землёй военно-служилую знать, разрешение споров между землевладельцами разных категорий, выдача тарханских ярлыков (предоставлявших освобождение от повинностей и другие привилегии) и др. К сожалению, никакой конкретики на этот счёт не сохранилось (вообще, единственный документ, оставшийся от Казанского ханства – тарханный ярлык хана Сахиб-Гирея).

⁵⁶ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и социальный строй... С. 102.

ГЛАВА IV.

ВТОРОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ МУХАММЕД-ЭМИНА

Дела ханские

Будучи посаженным на казанский престол великим князем, Мухаммед-Эмин должен был действовать во внутренней и внешней политике в соответствии с интересами своего названного отца. Тем более, что тот состоял в тесном союзе с его отчимом – крымским ханом Менгли-Гиреем. Поэтому уже осенью 1487 г. до сведения Мухаммед-Эмина было доведено намерение Ивана III организовать против большеордынских улусов поход во главе с Нурдевлемом – служилым татарским «царём» из Городка Мещерского (будущего Касимовского «ханства») и братом Менгли-Гирея. О намерении послать на Орду двух татарских «царей» Иван III сообщал в Крым с посольством, отбывшим в конце октября 1487 г.¹ Поход намечался, видимо, на весну или лето 1488 г., но по каким-то причинам не состоялся.

В остальное время Мухаммед-Эмин направлял на степные окраины своих соглядатаев разведывать обстановку в Большой и Ногайской ордах, а сведения эти сообщал в Москву. Например, о местоположении ставок ногайских мурз, об их передвижении и так далее. При этом, разумеется, сообщения хана проверялись через работавших в пределах ханства шпионов².

Приходилось Мухаммед-Эмину заниматься не только дипломатическими делами, но и экономическими. Конечно, обмен гонцами и грамотами из-за разных мелочей не вёлся, а вопросы эти ставились во вторую-третью очередь во время обсуждения более важных проблем. Известно несколько таких случаев. В 1489/1490 г. русский посол Михаил Погожий, приехавший по важным внешнеполитиче-

¹ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Дмитрием Васильевичем Шеиным [23 октября 1487 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 19. С. 63, 65–66.

² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 46.

ским вопросам (которые мы рассмотрим чуть ниже), на второй или третий день приёма должен был высказать Мухаммед-Эмину претензии на счёт татарского купца, пытавшегося проехать на Русь через мордовские земли в объезд Муром и Нижнего Новгорода, где взималась пошлина. Купец был привезён в Казань с требованием к хану контролировать ситуацию с путями на Русь. Казанским купцам предписывалось ездить Волгой через Нижний Новгород³.

В другой раз, в октябре 1490 г. уже Мухаммед-Эмин жаловался Ивану III на произвол русского князя. Ханский гонец Аларкуш, в числе прочего, сообщал, что князь Фёдор Киселёв «чего из старины не бывало, лишних пошлин» набрал с подданных хана на рр. Цивиль (совр. Чувашия) и Алныш – несколько коней, коров, пушнины и мёду. Хан просил вернуть награбленное⁴ (именно эти сведения в историографии иногда трактуются как свидетельство взимания Московской дани с ханства). Уехавшие из Москвы 31 октября Аларкуш и великокняжеский посланник отвечали, что Киселёва пока в Москве нет, но великий князь «по него пошлёт» и про то расспросит⁵.

Мухаммед-Эмин вёл переписку и с Крымом (с матерью и Менгли-Гиреем). Она, конечно, проверялась людьми великого князя во избежание «измены» со стороны хана.

Весной 1488 г. в Москву было доставлено сообщение от Нур-Султан, в котором она информировала великого князя о посылке в Казань, к Мухаммед-Эмину своего доверенного человека – Усеина. Тот ехал через Великое княжество Московское, и «Темирева дочь» просила его не задерживать. Кроме того, намекалось, что на службу к Ивану Васильевичу может быть послан младший брат Мухаммед-Эмина – Абдул-Латиф. «Здесь ему Менли Гирей царь отец; а коли его к тебе пошло, да ты ему и отец»⁶.

³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 27.

⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 31; Соловьёв С.М. История России... С. 1419; Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 51.

⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 31, 33.

⁶ Грамота жида Захария, таманского князя, к великому князю Ивану Васильевичу с Богданом армянином // Сборник РИО. Т. 41. Док. 20. С. 75.

В первой половине лета Усеин должен был прибыть в Казань и доставить Мухаммед-Эмину послание матери.

Начало долгих хлопот о женитьбе

Более-менее прочно утвердившись на Казанском престоле и избавившись от брата-конкурента, можно было подумать и об упрочении династии через брак.

Женитьба для монарха – дело непростое. Вдвойне оно осложняется, если монарх вынужден считаться не только с интересами государства, его элиты и династии, но и с более сильным правителем-союзником. Трудно сказать, было ли согласие Ивана III на брачный союз одним из пунктов казанско-московского договора, или же Мухаммед-Эмин и его окружение просто беспокоились о реакции Москвы, но известно, что хан, решив жениться на Фатиме (дочери ногайского бия Мусы), послал запрос к великому князю. Кандидатура была подобрана знатная и с влиятельными родичами.

В исторической литературе существуют разные мнения о том, кто был инициатором такого брака и какие цели преследовал: сам Мухаммед-Эмин или его окружение, дабы обезопасить себя от ногайской угрозы⁷, Иван III или ногайские мурзы. В.В. Трепавлов считает, что не обязательно расчёт делался именно на примирение с ногаями, поскольку браки Чингизидов с мангытскими «княжнами» к тому времени были традиционными для пост-ордынского пространства⁸.

Приблизительно летом 1488 г. Мухаммед-Эмин послал к ногайскому бию Мусе своего доверенного человека – Хошкильдея дувана⁹. Он должен был донести до грозного соседа просьбу казанского хана выдать за него Фатиму. Чёткого ответа, однако, не последовало. Хошкильдей возвратился ни с чем, оставив Мухаммед-Эмина в неопределённости. Прошло два года. В источнике сказано, что казанский царь в это время «не поискал ... государя Мусы о том де-

⁷ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 207.

⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... С. 136–137.

⁹ Скорее всего, имеется в виду чиновник-*дуван*, но, может быть, и представитель родоплеменной группы Дуван башкирского происхождения.

ле». Возможно, имеется в виду, что Мухаммед-Эмин проявлял не решительность или осторожность. Наконец, Муса послал в Казань с грамотой и подарками доверенного – Семена Багатыря, как именует его русский источник. Видимо, ногайский бий решил ответить положительно. После возвращения из Казани Семен Багатырь в августе 1490 г. был послан в Москву для выяснения позиции великого князя по этому вопросу¹⁰.

Мухаммед-Эмин и сам поставил Москву в известность о своём намерении, для чего посылал людей с просьбой одобрить такой брак. Ведь там могли заподозрить казанского и ногайского правителей в сговоре, воспрепятствовать сближению Казани и Ногайской орды. Великий князь, однако, оказался не против брака, надеясь, видимо, усилить своё влияние на орду через Казань¹¹. Однако, вопрос о браке затягивался...

Вятка (1489 г.)

В следующем, 1489 г. пришлось Мухаммед-Эмину «послужить» великому князю в деле завоевания последних самостоятельных восточно-русских государств...

В 1478 г. Москва окончательно подчинила Великий Новгород с его землями, а в 1485 г. – Великое княжество Тверское. В 1489 г. настала очередь Вятки – вечевой «республики» на одноимённой реке. Это была самоуправляемая земля с центром в Хлынове (совр. Киров). Вопросы решались на народном вече, где основной вес имели бояре, богатые купцы и духовенство. «Сепаратизм» вятчан давно раздражал великого князя московского и, решив проблемы с Казанью, он снарядил туда войско. В его состав входили как судовые (из жителей северных городов – Вологды, Каргополя, Устюга и др.), так и конные (из москвичей, владимирцев, тверичей) рати.

¹⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 28–29; Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от ногайского мурзы Мусы [3 августа 1490 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 25. С. 89–91; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... С. 136–137.

¹¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 32; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... С. 137.

Желая сохранять больше людей в стратегическом резерве для западного направления (где уже шла война с Великим княжеством Литовским), Иван III указал Мухаммед-Эмину отправить в этот поход казанское войско. Летопись сообщает, что с московской конницей шли 700 казанских конников во главе с «воеводой» – татарским князем Ураком. Рати соединились под Котельничем: судовая прибыла 24 июля, конная московская – 30 июля, а татары – 2 августа. К Хлынову рати подошли 16 августа. Боясь резни, жители сдались¹².

Окончательное закрепление московской власти на Вятке был значительным политическим и экономическим поражением Казани, поскольку предыдущие десятилетия казанские ханы боролись с Москвой за этот лесной край, богатый пушниной. Вспомним, что отец Мухаммед-Эмина, Ибрагим, пытался подчинить Вятку в 1478 г., или хотя бы пограбить и ослабить её, добиться от вятчан нейтралитета на случай московско-казанского конфликта (что бывало ранее). Но Мухаммед-Эмин вынужден был пойти на этот шаг.

Проблемы с ногаями

Против воцарения Мухаммед-Эмина и пленения Алегама с семейством выступили некоторые соседние правители. В частности, Шибанидский хан Ибак и ногайские бии и мурзы. Возможно их действительно волновала судьба пленённого Чингизида и его окружения (по крайней мере, его жены Каракуш – дочери мурзы Ямгурчи). Однако на политику большое влияние оказывали и материальные интересы правящих элит (контроль над волжским торговым путём, русские рабы для среднеазиатских рынков и др.), а также их вероятные великодержавные замашки (после смерти Ахмата Ибак и ногайская верхушка могли ощущать себя наследниками сарайских правителей).

Мухаммед-Эмин же, видимо, рассчитывал на мирные отношения с ногайскими мурзами, и даже собирался жениться на дочери Мусы и выдать какую-то свою сестру (Гаухаршад?) за Алача – сына мурзы Ямгурчи. Однако, мира не было, хотя и войны, пока, тоже.

¹² Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 50; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 293–303.

Не все сторонники пленённого Алегамы были убиты после взятия Казани. Некоторые из них укрылись в ногайских кочевьях. Главным и самым опасным из них был Алказый – видимо, тот самый князь Аль-Гази, что много зла учинил русским полкам под Казанью. Известны и другие князья – Бегиш с сыном Утешем, а также сеиды Тевекель и Касым. Со своими казаками и отрядами мурзы Ямгурчи они совершали набеги на земли Казанского ханства и окраины Великого княжества Московского. Мухаммед-Эмин сообщал в Москву о грабежах и уводе в полон людей¹³.

В сентябре 1489 г. в русские пределы прибыло тюменско-ногайское посольство. Сопровождали его до границы по Волге и Суре Алказый, Бегиш, Утеш, Чет и Кайсым Сегит¹⁴. Только в ноябре послы от «царя» Ибака (Ибрагима) и ногайских великих мурз Мусы и Ямгурчи прибыли в Москву. В грамоте от сибирского хана говорилось следующее: «Брат мой Алегам царь по случаю в твоих руках стоит. Со мною впрок захошь братом быть, брата моего ко мне отпусти; ко мне его не всхошь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь, ино то мне таково ж братство будет». И так далее¹⁵.

На эту просьбу великий князь ответил отказом и сам предъявил претензии, поскольку шедшие до Волги и Суры вместе с посольством казанские князья и некоторые ногайские мурзы принялись разорять земли Казанского ханства и окраины Московского государства. Об этом в Москву сообщил Мухаммед-Эмин. По этой причине один из ногайских послов был задержан в Москве в качестве заложника, а остальные отпущены с требованиями вернуть награбленное и пленных. Об отказе выпустить Алегаму с его людьми Иван III вскоре известил и Мухаммед-Эмина, а также просил его посчитать ущерб от набега и сообщить о его размере русскому послу. Более старший и

¹³ Приезд в Москву послов от ногайских царя Ибака и мурз, и посольство великаго князя Ивана Васильевича к казанскому царю Магмет-Амину с Михаилом Погожим [сентябрь–ноябрь 1489] // Сборник РИО. Т. 41. №23. С. 84.

¹⁴ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 17.

¹⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 18–20; Приезд в Москву послов от ногайских царя Ибака и мурз... // Сборник РИО. Т. 41. №23. С. 80–87.

опытный политик Иван Васильевич настоятельно советовал Мухаммед-Эмину (фактически требовал от него) повременить и с выдачей замуж сестры за Алач-мурзу. Совсем расторгать «помолвку» было бы опрометчиво, но и идти на это при неясной позиции ногаев и до воротами ими награбленного было нельзя. «И мы посмотрим по их правде, с чем к нам пришлют, и тогда то дело делаешь, как будет пригоже; а без моего бы еси ведома своей сестры не давал»¹⁶.

Более того, Иван III сразу потребовал от ногаев убить главу казанской оппозиции – князя Алказыя. Хотя ногайские лидеры не пошли на это, Алказый предпочёл отъехать подальше – к тюменскому хану Ибаку, о чём ногайские послы и сообщили в Москву через год¹⁷. Кстати, ездить туда они обязаны были теперь только через Казань и Нижний Новгород, а Мухаммед-Эмин должен был контролировать движение посольств по своим землям и «лиха им не чинить»¹⁸. Тогда же ногаи вернули казанцам некоторую часть награбленного и полоняников – всего 14 человек. Остальное предпочли оставить себе, в чём их попрекал великий князь, снова потребовав казни Алказыя и остальных¹⁹.

Известно, что летом и осенью 1490 г. продолжалось «сватовство» Алач-мурзы к сестре Мухаммед-Эмина, но каких-то ясных результатов пока не было²⁰. При этом осенью 1490 г. великий князь заявлял Менгли-Гирею, что Мухаммед-Эмин не мог в этом году послать воинских людей на ордынские улусы (куда ходили служилые мешчерские татары), поскольку опасался нападений близко кочевавших ногайских недругов²¹. Трудно сказать, действительно ли взаимоотношения казанского хана с ногайскими мирзами были так сложны, или же это просто оправдания Москвы за своего вассала

¹⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 25–27.

¹⁷ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 21–22, 34; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... С. 137.

¹⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 22–23.

¹⁹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 38.

²⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 33.

²¹ Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Василием Васильевичем Ромодановским [28 октября 1490 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 27. С. 98.

(что, впрочем, маловероятно). Великий князь обещал написать Мухаммед-Эмину, чтоб на следующую весну тот послал воинских людей под Орду²².

Письма из Крыма (1491 г.)

За судьбой сына продолжала следить из Крыма Нур-Султан. Вместе с Менгли-Гиреем она слала письма в Казань. Проходили они через Москву, почему и дошли до нас. Очередное крымское посольство прибыло в Москву 25 апреля 1491 г. Имелись при нём грамоты Ивану III и Мухаммед-Эмину, которые должен был отвезти всё тот же Усеин.

Менгли-Гирей писал своему наречённому сыну и брату следующее:

«Брат мой Магмед-Аминь царь на своем государстве здоров был. Величеству твоему много много поклонов, и любовь, и прошение то: с Намаганским юртом [Большой Ордой] султан Баязыт султан меж их вступився, с суседстве жили бы есте молвил. И мы пак старую недружбу с сердца сложивши, на добре есмя стояли. И в то веремя от султана, Бакшеем князя зовут, посолством приехал Седихмат, Ших-Ахмат цари, Мангыт Азика князь в головах, от всех карачев и от добрых людей человек приехал, и шерть и правду учинили; и мы роте их поверив, улусы свои на пашни и на жито розпустили. А послы их у нас были перед Крымом месяца сентября во второй день, Сидяхмет, Шиг-Ахмат и Азика в головах, и сколко есь Намаганова юрта пришол, дома наши потоптали, слава Богу самих нас Бог помиловал; о Крыме став бившися недруг не начекак пошол прочь из моих улусов, Барынские улусы повоевав, воротилися. Сю зиму недруг у Днепра на устье в крепии зимовал. Божие милосердие ссталося, вашею братьи моей пособью, у недругов против есмя у них отняли, а из недругов силу выняли. Как се дела ссталися, тебя брата своего здоровья полно отведати человека не послали есмя, за тем, один юрт, одны есмя братья стоим. А из Старханской, Абдыл Керим в головах, в Намаганском юрте все собрався, против нас сто-

²² Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею... // Сборник РИО. Т. 41. Док. 27. С. 99.

ят; нынеча минется, сесь свет доброе имя тебе. Мы так будучи против недруга стоячи, твоя брата моего как сила имет казаков своих на конь посадив, сем недругом, как от рук сила придет, дело велишь им учинити, лишнее свыше тебе доброе имя будет. Чего Бог похочет, то будеть. Братство свое выше учинив, доброго бы имени достати сем путем, гораздо помыслив со всеми уланы и со всеми добрыми карачи, которые добра тебе хотят, любовники твои, подумай и посмотри, меня брата своего для, потомишся, зарока ти в том не будет. Того дея с Усеином есми из уст слово приказал, так бы еси ведал. Молвя, с синим нишаном [печатью] есми грамоту послал, лета 896, марта 10 дни, в понеделник писана».

От матери же письмо было следующего содержания:

«От Нур-салтана Махмет-Аминю царю, величеству твоему богомолица твоя много много поклон. А после поклона, ведомо было: слава Богу, на отцове юрте господарем ся еси учинил, от недруга бы сердце на месте было, в той земле мати у тобя и брат у тобя есть, не мощно ли тебе послати спрошати; почяешь меня, что яз далече отошла, ино у тебя один брат был, и ты бы того велел отпытати, душа моя; и нынеча Абды Латыф к брату к болшому мыслит ехати; ся земля лиха, блюстися ее. А ж даст Бог и сами хотим отпустить, не ведаю, как тебе будет пригоже. И нынеча слышели есмя, за себя у Мусы мырзы дочерь емлешь, князь велики Иван женит тобя. У посла слышели мы. Бедная мати, богомолица твоя, рада есми велми; Бог дай в доброй час. И нынеча брата своего великого князя здоровье отведати Усеина послала есми, да Усеина не издержав борзо отпусти назад. Да ещо, душа моя, на сей стороне салтан Баязыт, отец ми названной, к нему послати доброго поминка не добыли есмя, один будет у тебя доброй кречет, да портищо добрых черных соболей, да добраа рыба зубу, да добрых ровдуг добудешь пришли, у тобя прошу; в сей земле чего нет, и яз у великого князя да у тебя прошу, как пожалуешь ко мне пришли, ты ведаешь. С тяжелым поклоном с легкими поминки Усеина послала есми»²³.

²³ Грамоты царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [25 апреля 1491] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 28. С. 108–109.

Мухаммед-Эмин, возможно, был обижен на мать за то, что она оставила его и уехала в Крым («почяешь меня, что яз далече отошла»). Есть предположение, что и писал он ей редко, как бы нехотя²⁴. Да, его писем к матери сохранилось мало, но ведь и писем к Менгли-Гирею, к которому он выказывал большое уважением и в чьём заступничестве нуждался, до нас дошло очень мало...

Торопившийся обернуться до зимы Усеин должен был прибыть в Казань уже в первой половине мая. Однако вернуться в Крым он смог лишь не раньше конца зимы – начала весны 1492 г.

Против Большой Орды (1491 г.)

Тем временем Крымское ханство и Московское государство продолжали совместную борьбу со слабеющей Большой Ордой и ханствовавшими там детьми хана Ахмата (в русских источниках они именуются Ахматовичами). Рати из русских ратников и служилых татар совершали набеги на ордынские улусы. Большой размах имел поход на степные окраины в 1491 г., в котором приняли участие также казанские отряды.

Когда в мае 1491 г. в Москву от русского посла в Крыму пришла весть о походе ордынцев на Крымские земли и просьба Менгли-Гирея о помощи, великий князь направил в Степь воевод П.М. Оболенского, И.М. Репню Оболенского с детьми боярскими и служилого «царевича» Сатылгана с уланами, князьями и казаками. Направлен был гонец и в Казань, к Мухаммед-Эмину. Тот должен был присоединиться к акции своих названных отцов – Менгли-Гирея и Ивана Васильевича. Согласно же грамоте великого князя крымскому хану, в Казань прибыл князь Иван Ромодановский, который затем должен был отправиться в Поле с казанцами. Ещё до середины июня Мухаммед-Эмин послал в степь рать под командованием Абаш-улана и Бураша (Бараша?) сеида²⁵.

²⁴ Бережков М.Н. Нур-салтан, царица Крымская... С. 6; Почкаев Р.Ю., Почкаева И.Н. Властительницы... С. 224.

²⁵ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25... С. 332; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 313; Грамоты великаго

Интересно, что составитель Новгородской летописи несколько иначе описал данное событие: великий князь послал на Орду Сатылгана с русскими воеводами, но не указывал Мухаммед-Эмину – тот послал войска сам. При этом источники московского происхождения, понятное дело, выставляли всё в выгодном для великих князей свете, что может относиться и к степени зависимости от Москвы казанских ханов²⁶.

Отметим, что в работе А.В. Аксанова повторена ошибка, допущенная в датировке двух документов в одном старом издании. В первом письме якобы от 10 марта 1490 г. Менгли-Гирей сообщает Мухаммед-Эмину о нападении ордынцев на свои улусы, и просит военной помощи. Следующий документ – ответ Мухаммед-Эмина от 19 января 1491 г., в котором он говорил о посылке в степь своих всадников. Исходя из этих сведений, исследователь приходит к, в общем-то, обоснованному предположению, что казанский хан действовал против Орды самостоятельно, без велений из Москвы. Заметив же расхождение в датах между документами и летописями, автор предполагает, что «либо в источники закралась ошибка, либо в дипломатических документах речь идёт о походе, произошедшем раньше»²⁷. В действительности датировка обоих документов в использованном исследователем издании ошибочна – она отстаёт на 1 год (в т.ч. из-за неверно переведённой даты с мусульманского календаря на христианский). Оба письма опубликованы в более точном и полном виде; первое цитировалось выше (10 марта 1491 г.), второе процитируем ниже (19 января 1492 г.)²⁸.

князя Ивана Васильевича в Крым [21 июня 1491 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 30. С. 115; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. С. 274.

²⁶ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 111.

²⁷ Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 111; Грамота Крымского царя Мингли-гирея к Казанскому царю Магмед-Аминю; Ответная грамота Казанского царя Магмед-Аминя к Крымскому царю Менгли-гирею // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 275–277.

²⁸ В издании Записок Одесского общества первый документ без пояснений отнесён к 1490 г., но полностью совпадает с письмом от 10 марта 896 г.х.; второй документ хотя и содержит дату 897 г.х., но на христианский календарь она переведена неверно – это 1492 г.

(Несмотря на то, что Мухаммед-Эмин мог действовать вполне самостоятельно, это не значит, что великий князь не посылал к нему гонца с вестью об ордынских планах – но не с безусловным приказом, а для информирования о ситуации, как «брат» «брата»).

Казанцы вышли в степь, однако битвы не состоялось. Узнав о вторжении значительных русско-татарских сил, ордынские «цари» повернули от Перекопа на защиту своих улусов, а московские и казанские рати отступили, выполнив основную стратегическую задачу²⁹.

Беглые князья, ногайские набеги, переписка с Крымом (1491–1492 гг.)

В августе 1491 г. посол Мусы уже предлагал Ивану III «простить», по крайней мере, Утеша и Касым сеита, и даже принять их на службу³⁰. В январе 1492 г. ответное русское посольство привезло Алказью и другим беглым князьям предложение ехать по добру в Москву за хорошее жалование. Тогда же или позже к Мухаммед-Эмину в Казань из Москвы прибыл посол, сообщавший о намерениях ногаев совместно с Москвой и Казанью выступить против Большой Орды. Кроме того, в обстановке особой секретности казанскому хану сообщалось следующее: «Приказывали ко мне с моим человеком с Тулушом Алказы, да Бегиш, да сын его Утеш, да Касым Сеит, чтобы им ехати ко мне. И яз к ним ныне приказал с своими людьми... чтобы поехали ко мне. А яз их емлю к себе твоего для дела, чтобы они не были у твоих недругов. И тебе бы то ведомо было. А от тебя бы та речь неведома была никому»³¹. Видно, великий князь и хан опасались, что выезд мятежных биев из ногаев на Русь вызовет негативную реакцию части казанской верхушки.

В ответ Мухаммед-Эмин сообщал в Москву, что никаких вестей от ногаев последнее время не имеет, да и от великого князя ждёт более оперативного информирования о его намерениях. К то-

²⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. С. 332.

³⁰ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 39.

³¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 41–42.

му же в Казани по неизвестной причине умер ногайский посол, с которым в степь должны были выехать гонцы великого князя. Из Москвы поступило распоряжение великокняжеским людям Кудашу да Кожуху идти «в ногаи» с сыном умершего ногайского посла, и чтоб Мухаммед-Эмин их пропустил³².

Между тем набеги ногаев (людей Ямгурчи и некоторых других мурз) на казанские земли продолжались, и хан старался с ними бороться. Об этом Мухаммед-Эмин писал Менгли-Гирею в январе 1492 г. (897 году Хиджры). Содержание письма известно по списку, сделанному русскими дьяками, контролировавшими дипломатические связи казанского хана. Ответ везли крымский посланник Усеин, Мишай (человек Мухаммед-Эмина) и посол от великого князя, также направленный в Крым.

Начинается письмо с мусульманской сентенции, переходя в пространное изысканное славословие в адрес крымского хана. Мухаммед-Эмин даже позволил себе несколько преувеличить могущество Менгли-Гирея («над турским господарем... волен еси»). Впрочем, вот полный текст письма:

«Един Бог. В большой беседе волному, над храбрыми и над грамотники болшой еси, над верою осподарь еси, над турским господарем и над азямским осподарем волен еси, и силы от Бога в прок и имя великое достал еси, над недруги силен еси, над бесермены в бесерменской вере свят еси, от лиха уимаешь, в вере чистота еси, божиа застенъ еси, на земли чист еси, от воды и от земли создан еси. Вся сотворшаго Бога изволением чист еси, на сей земли все твое веление, сего времени и сего света осподарь еси и над храбрыми болшой, брат мой Менли-Гирей царь, осподарство бы его свыше Бог учинил, величеству твоему от Магмед-Аминя челом ударив, поклон. Божиим изволением, на отца своего месте царем ся есми учинил: Ивак, да Мамук, да Муса, до Ямчургей ежелет на меня войною приходят. Божиим милосердием и твоим брата моего посо-

³² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 42; Сношения великаго князя Ивана Васильевича с Мусой, мурзой нагайским, и Магмет-Аминым, царем казанским [3 августа 1491–1492 гг.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 33. С. 131.

бием, против тех своих недругов стоим. Тех для дел, твоего здоровья полного отведати человека не послал есми; ты на своих недругов силу добыв, свое здоровье полное сказати, а мое здоровье полное отведати с тяжелым поклоном с легким поминком Усеина послал еси. Мой недруг бдизко меня стоял. По твоему слову, которые у меня все уланы и князи на конь всадив, на твоего недруга встречю послал есми, из улуса язык поймавши, да с твоею ратью не видевшись да воротился; всегда бы твой недруг тебе покорен был, сам бы еси и мочен и силен был. С тяжелым поклоном, с легким поминком паробка своего Мишая твое здоровье видевши бы приехал. Молвя, с синим яишаном писаное послал есми, лета восемь сот девятьдесят семаго, месяца генваря 19 в субботу ден писан».

Мухаммед-Эмин объяснял, что, несмотря на угрозу со стороны Ибака и ногайских мирз, он посылал в прошлом году против Орды своих воинских людей.

Далее Мухаммед-Эмин написал матери:

«Госпоже осподарыне, твоему величеству от Магмед-Аминя много много челом ударив и поклон. Ты ко мне приказала о брате о моем о Абдил-Летифе. С которыми с верными своими князми подумав, и они мне думу свою сказали: брат твой в последние времена у тебя пригож быти ему молвили. И яз потому же себе здумал, то дело гораздо здумавши приказал еси; и яз то слово у тебя просити послати хотел есми, последние времена брата моего Абдил-Летифа ко мне прикошевати помощница буди, лихому человеку на руки не давай его, добрых людей к нему прикошевав, к брату к моему к великому князю пришли его. Того дея на Москву не пошлешь его, а полем его пошлешь, ино далека земля, меж недругов много стоит, ко мне здоров любо будет, а любо не будет. Молвя, у тебя просити, Мишаем зовут, паробка послал есми; пожалуешь, Мишая не издержавши ко мне борзо отпустила бы еси»³³.

³³ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Иваном Андреевичем Колычевым [20 марта 1492] // Сборник РИО. Т.41. Док. 34. С. 146–147.

Женитьба Мухаммед-Эмина и приезд Абдул-Латифа на Русь (1492–1493 гг.)

Хотя Нур-Султан радовалась ожидаемому браку Мухаммед-Эмина с Фатимой ещё в апреле 1491 г., только через несколько месяцев, может, в начале 1492 г. *туй* (свадьба), наконец, состоялась. Менгли-Гирей в июне 1492 г. направил письмо Мухаммед-Эмину с просьбой оказать содействие своим послан к Мусе, и уже называет последнего тестем «пасынка»³⁴. Также известно, что в 1496 г. у Мухаммед-Эмина уже была своя «царица»³⁵.

В.В. Трепавлов считал, что, Муса, возможно, тянул время, оправдываясь за задержку конфликтом с Большой Ордой, и только после смерти в ссылке Алегама, отбросил сомнения и брак между его дочерью Фатимой и Мухаммед-Эмином был заключён; тогда же за последнего была выдана вдова Алегама и дочь Ямгурчи³⁶. Однако источники позволяют считать, что Каракуш была выдана за Мухаммед-Эмина незадолго до 1502 г., значительно позже и в иных политических реалиях.

Приблизительно в это же время (точно до 1493 г.) замуж за ногайского мурзу Бикеча была выдана одна из сестёр Мухаммед-Эмина³⁷, возможно, Гаухаршад. К сожалению, нам не удалось установить кем был Бикеч-мирза; судя по всему, он не являлся близким родственником Мусы и Ямгурчи³⁸. Породниться с последним не удалось, что во многом и привело к драматическим событиям 1496 года...

И в начале же 1493 г. в Великое княжество Московское прибыл Абдул-Латиф. Кажется, Мухаммед-Эмин сначала хотел видеть его у себя³⁹, да и Нур-Султан с Менгли-Гиреем допускали приезд млад-

³⁴ Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма [27 июня 1492 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 35. С. 154.

³⁵ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 328.

³⁶ Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 137.

³⁷ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 46.

³⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 656.

³⁹ Грамоты из Крыма к великому князю Ивану Васильевичу [27 октября 1492 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 37. С. 169.

шего ибн-Ибрагима в Казань⁴⁰, но, видимо, великий князь был против, и Абдул-Латиф остался в русской земле. С Абдул-Латифом ехал доверенный «царицы» – Усеин. Он должен был в любом случае доехать до Мухаммед-Эмина и передать письмо от матери⁴¹.

Приезду Абдул-Латифа в Казань помешала и внутривосточная ситуация, заставившая Мухаммед-Эмина просить великого князя оставить Абдул-Латифа на Руси, дабы «от лихих людей mezi их с братом лихое дело не учинилося». В письме Мухаммед-Эмина к Менгли-Гирею (значительную часть которого снова занимает славословие перекопскому владыке), отправленном тогда же с Булгаком, про это не сказано. Зато мы узнаём из этого послания, что недавно к казанскому хану приезжала его сестра – проведать о здоровье⁴². Что это была за «царевна» – неясно. Видимо, та, что недавно вышла за ногайского Бикеч-мирзу.

Сообщение о сложной для Мухаммед-Эмина ситуации в ханстве подтверждает и другой документ. В октябре 1493 г. из Крыма в Москву прибыло новое посольство. В одной из привезённых грамот Нур-Султан откровенно говорит о своих сыновьях и положении в Казани. Правда, трудно сразу понять о ком речь, ведь тут «царица» именуется Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа уменьшительно-ласкательными именами – Багай и Сатика⁴³. Содержание письма следующее⁴⁴:

«Сатику, на Бога надеяся да и на тебя, послала [я]⁴⁵ есми. Нынеча того молодое дитя или у себя [оставь], или к брату пошли. Как тому молодому дитяти покой учинишь, сам ведаеш; и брат его мо-

⁴⁰ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [6 января 1493 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 39. С. 174, 176–177.

⁴¹ Посольство от царя Менгли-Гирея... Док. 39. С. 177.

⁴² Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным [ноябрь 1493 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 45. С. 202, 207.

⁴³ Если, конечно, это действительно Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф.

⁴⁴ Некоторая чуждость текста грамматике русского языка даже того времени можно объяснить тем, что это – не самый точный перевод татарского письма.

⁴⁵ Здесь и далее в квадратных скобках примечания автора.

лод и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут, или не в любви, сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристой учинил [ты] еси, что тебе от нас будет, от Бога бы тебе было. Царь брат твой здоров будет, да и мы здоровы будем, о твоих добрых делах помощники будем, как сила наша иметь. Хотя у брата [казанские] уланы и князи добры веремянники и все добре хотя станут просити, и ты отпусти [Сатику], а не хотя учнут просити, у себя держи. Как учнёшь кормити, сам ведаешь [подразумевается выделение города в кормление или какой другой источник дохода]. Сатика молод, а у него добрых людей [близких, верных спутников и советников] нет, а у Багая ума нет. Хотя и к брату отпустишь, или у себя велишь быти, и ты одного доброго человека дядкою учини [из] отца его Ибяимовых слуг и Сатыкиным слугам и людям, кого бы ся им блюсти добро. Чюра толмач гораздо ведает, у Сатики неустроенные робята есть [видимо, горячие джигиты], тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут, а в одном месте им лежати, ини дуреют и испортятся [будут нарушать закон и порядок?]⁴⁶.

Не нужно понимать выражение «у Багая ума нет» в современном смысле и буквально. Тем более, что по прошествии стольких лет разлуки Нур-Султан трудно было адекватно оценить умственные способности сына; зато она помнила хитрость и коварство казанских придворных интриганов, с которыми трудно было тягаться рано оставшемуся без отца и матери молодому хану.

Тем временем, в 1493/1494 г. («в лето 7002-е») «царь» Ибак снова просил великого князя отпустить Алегаму в обмен на союз против Ахматовичей. Но снова без толку⁴⁷. Однако последствия на этот раз оказались куда более серьёзными, особенно для Мухаммед-Эмина.

⁴⁶ Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма [октябрь 1493] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 42. С. 194; Бережков М.Н. Нур-салтан, царица Крымская... С. 9; Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 224 (по ссылке ошибочно указаны стр. 176–177 вместо 194).

⁴⁷ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 48–49.

ГЛАВА V.

НОВОЕ ИЗГНАНИЕ И НОВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Третий отъезд из Казани

Уже восемь лет просидел Мухаммед-Эмин на казанском троне. Занимался государственными делами, принимал послов с письмами из Москвы и Крыма (в 1495/1496 г. в очередной раз должен был прибыть Усеин и сообщить о намерении Нур-Султан отправиться в хадж¹), а также устраивал увеселения – пиры, охоты и прочее. Однако над Мухаммед-Эмином сгущались тучи.

Не только ногайские мирзы недолюбливали Мухаммед-Эмина. Опаснее была «оппозиция» в самой Казани – среди биев. В русском Летописном своде 1518 г., написано, что в лето 7004-е, в мае месяце (что соответствует 1496 г.), пришла весть к великому князю Ивану Васильевичу от казанского царя Мухаммед-Эмина, что «идёт на него Шибанской царь Мамоук со многою силою, а измену чинят казанские князи Калимет [Кель-Ахмед] да Оурак [Урак], да Садырь, да Агыш»². Сибирский «царь» Мамук был братом умершего к тому времени Ибака, к тому же вытесненным из сибирских владений местными аристократами-Тайбугидами. Разумеется, таким высокородным казаком удобно было управлять, почему ногайские мирзы и поддерживали его.

Главой казанских заговорщиков был князь Калимет (бий Кель-Ахмет), которого некоторые историки считали будущим главой «прорусской партии», хотя в действительности никаких партий со своими интересами в Казани тогда не было, а конфликт был вызван личной неприязнью между Мухаммед-Эмином и частью биев³. Другим заметным лицом был бий Урак – видимо, тот, что с казанским

¹ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [1495 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 48. С. 222.

² Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т.28. С. 328.

³ Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати... С. 25.

войском участвовал в подчинении Вятки великому князю Ивану III в 1489 г.

Зачинателями похода с ногайской стороны выступили, видимо, Ямгурчи и другие мурзы – сторонники силового решения вопроса с Казанью. Муса был более осторожен и настроен на переговоры с Москвой и Мухаммед-Эмином, но братья его не слушали.

Иван III, дабы не допустить захвата Казанского царства «Шибанским царём», послал к Казани рать под командованием Семёна Ивановича Ряполовского – того самого, который участвовал во взятии города в 1487 г. Несмотря на продолжавшуюся на северо-западных границах войну со шведами, численность рати была большой, видимо, благодаря наличию стратегического резерва, не задействованного на северо-западе. В состав её вошли дети боярские из уездов, прилегающих к восточной границе – Муромского, Костромского, видимо, Нижегородского (упоминаются новгородцы) и др., а также из великокняжеского двора (что говорит о важности казанского направления)⁴.

Точно не известно, каким путём добиралась русская рать до Казани. Вероятнее всего, она спускалась по Волге на судах, и должна была оборонять сам город в пешем строю. Возможно также, что по берегу шла и какая-то конная сила, как в 1487 г. Думается, что, поторопившись со сборами и дорогой, русские полки могли достигнуть Казани не позже, чем к июлю.

К великому облегчению Мухаммед-Эмина, его противники в городе, узнав о приближении большой русской силы, бежали к Мамуку. Вскоре казанский хан мог встречать князя Ряполовского с воинством в своей столице. Мамук же, судя по всему, если и не повернул «восвояси» (как написано в летописи), то прекратил продвижение. Неверные разведчики и гонцы, или же спешность отступления Шибанида внушили Мухаммед-Эмину уверенность в своём положении. Наивно полагая, что опасность миновала, он отпустил из Казани русскую рать. Затаившиеся враги тут же послали весть биям-заговорщикам и Мамуку. Тот «вборзе» пришёл под город с многочисленным войском, включавшим ногаев и отряды мятежных

⁴ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 360–361.

князей. Хотя среди казанских биев имелись сторонники Мухаммед-Эмина, они не обладали достаточной военной силой. Поэтому хан, так опрометчиво отпустивший воеводу с ратью, вынужден был снова бежать из Казани. Сопровождали его «царица» Фатима и «оставшиеся князи» (а также, вероятно, казаки, нукеры и слуги). В ноябре 1496 г. бывший казанский царь приехал в Москву⁵.

Последующие полгода он, видимо, проживал в Москве. По крайней мере, о его пребывании где-то ещё в этот период источники молчат.

В Крыму об изгнании Мухаммед-Эмина из Казани Мамуком узнали от своих людей в Астрахани. Менгли-Гирей и Нур-Султан, взволнованные этим, направили посольство к великому князю и свергнутому казанскому хану (главой его был всё тот же Усеин). В письме крымский хан и ханша просили помочь Мухаммед-Эмину, оказать ему всяческое «добро»⁶.

Та лёгкость, с которой к Казани приходили то русские, то сибирские войска во время смещения Мухаммед-Эмина С.Х. Алишев объяснял тем, что «в борьбе за престол боролись только крупные феодалы... Население, рядовые казаки... относились безразлично к Мухамет-Эмину. Он не имел популярности, проведши свою молодость среди русских, не считался, может быть, со многими предписаниями шариата, вольно обращался с женщинами... Очевидно, внутренняя политика Мухамет-Эмина и его правительства была очень тяжелой для казанцев». Кроме того, учитывает автор и жалобы населения на поборы со стороны хана⁷.

Мамук воссел в Казани. Однако для правления оседлым государством, городом, многочисленными земледельцами, ремесленниками и купцами у нового хана не было никаких познаний. Он вырос в иной обстановке – среди степей или лесостепей Западной Сибири, где городки, существовавшие на тот момент, являлись небольшими укреплениями из брёвен, валов и рвов. Он привык взывать с яса-

⁵ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т.28. С. 328.

⁶ Грамоты от царя Менгли-Гирея и царицы Нур-Салтан к великому князю Ивану Васильевичу [1497] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 51. С. 236–237.

⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 46.

ного населения и случайно подвернувшихся купцов столько, сколько пожелает. То же самое он начал делать и в Казани. Летопись отмечает, что «Мамук князей казанских, кои изменили государю своему, Калиметя, и Оурака, и Садыря, и Агыша з братею изымал [схватил], а гостей [купцов], земских и людей всех пограбил»⁸.

Вскоре разошедшийся хан направился с войском на Арский городок. Это был центр Арской даруги, или «стороны» Казанского ханства, северо-восточная его часть, населённая в основном удмуртами. Сам Арский городок располагался на месте нынешнего Арска, что в 50 км к северо-востоку от Казани, на берегу реки Казанки. Заправляли в нём арские князья из татар. Видя бесчинства Мамука, они сели в осаду и отбили атаки сибирцев.

А в это время всё те же князья во главе с Кель-Ахмедом, уже отпущенные ханом, отъехали от него и направили в Москву сеида Бараша. Тот прибыл ко двору великого князя и бил челом от всей земли Казанской, чтоб Иван Васильевич «вины им простил» и направили другого кандидата на ханство, но только не Мухаммед-Эмина. «Занеже от него было велико насилие и бесчестье катуням нашим, и за то есмя ему изменили и к Мамуку от него отъехали»⁹. Так объясняли казанцы причину переворота. Особо подчеркнуто «бесчестье» жёнам, видимо, аристократов. Конечно, такое вполне могло быть, но не является ли это наветом заговорщиков или даже создателей летописи, дабы очернить свергнутого хана?...

Дабы не ухудшать положение в ханстве, Иван III решил посадить на казанский престол младшего брата Мухаммед-Эмина – Абдул-Латифа (который в это время проживал, видимо, в Звенигороде, пожалованном ему при выезде на Русь). Этот «царевич» вырос в далёком жарком Крыму, при дворе Менги-Гирея, где переплетались татарская и османская культурные и социально-политические традиции, и, как считал М.Г. Худяков, сама восточноевропейская природа, а тем более христианская Русь, были ему чужды, даже враждебны. М.Н. Бережков, напротив, указывал на фразу в письме Нур-Султан («Абды Латыф к брату к болшому мыслит ехать; ся земля

⁸ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 328.

⁹ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 328.

лиха, блюстися ее»), как свидетельство того, что Абдул-Латифу не нравилось в Крыму¹⁰. В любом случае, он был послан на службу к великому князю московскому (крымским ханом или матерью) и вскоре пригодился для замещения Мухаммед-Эмина.

Узнав о позиции Москвы и не добившись ничего под Арским городком, Мамук со своей ордой отправился назад в степи, но по дороге, видимо, умер.

Только в апреле 1497 великий князь «отпустил» с Москвы нового казанского хана, да не одного, а в сопровождении С.Д. Холмского и Ф.И. Палецкого (последний был воспитателем будущего Василия III). До Казани они добрались в мае, и вся земля Казанская была приведена к «шерти» за Ивана III, т.е. казанцы обязались соблюдать условия мира с Москвой, не поддерживать её врагов и сажать на ханство только одобренных великим князем кандидатов.

Видимо, вскоре после бегства из Казани Мухаммед-Эмин направил к бию Мусе своего доверенного человека – Махмет-Али. Вернулся тот с представителем Мусы в марте 1497 г. (это снова был Семен Богатырь, как именуют его русскоязычные документы). Муса сообщал о своём несогласии с братьями и о своих попытках помешать их прошлогоднему предприятию. Кроме того, передавал он поклон и наилучшие пожелания «царю» Мухаммед-Эмину, находившемуся на Руси¹¹. Ответ великий князь и бывший казанский хан подготовили, видимо, только в апреле. С ним к Мусе были посланы доверенные люди (от Мухаммед-Эмина – Байберь мурза Зезевут).

Послы должны были ехать туда и обратно через Казань. Поэтому находившимся при Абдул-Латифе воеводам, видимо, вдогонку, было послано предписание проследить, чтоб новый хан не чинил препон в передвижении посольств¹².

А Мухаммед-Эмину великий князь соизволил пожаловать Серпухов, Каширу и Хатунь. Конечно, такой поворот не мог не обозлить Мухаммед-Эмина. Ему, старшему сыну хана Ибрагима, приходится терпеть заговор собственных биев, бежать из Казани, пови-

¹⁰ Бережков М.Н. Нур-салтан, царица Крымская... С. 7.

¹¹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 49–50.

¹² Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 50–52.

новаться князю неверных, который диктует волю всему ханству. И заменили его как какого-нибудь слугу, да ещё на младшего брата. С Москвы мрачный Мухаммед-Эмин в свои новые владения выехал 9 мая 1497 г.¹³

Серпухов, Кашира, Хотуль (1496–1500 гг.)

И вот Мухаммед-Эмин снова оказался на Руси, на трёх пожалованных городках. Надо думать, он давал шерть великому князю, обязательства соблюдать ряд условий. Каких точно – не известно, но можно предполагать, что отчасти они были схожи с теми, что дал несколькими годами позже его брат Абдул-Латиф.

Тот со своими уланами, князьями и казаками присягал на верность Василию III и его детям, обязался не выступать против него ни словом, ни делом, докладывать обо всех попытках иных государей установить с ним контакт в обход Москвы, выступать против недругов великого князя и его государства, не чинить обид его подданным, а также иноземным послам и купцам¹⁴.

При первом получении Мухаммед-Эмином городов на Руси для него шерть в силу малолетства была не так актуальна, как теперь. Получив от великого князя города, он заверял его в полной благонадёжности, обещал жить в мире с другими вассалами московского государя и не чинить вреда его подданным.

Существует мнение, что служилые мусульмане отличались от православных князей тем, что были лишь конечными получателями дохода (в основном с кабаков и таможенных сборов), а управление находилось в руках назначаемых из Москвы лиц¹⁵. Однако можно в этом усомниться, если вспомнить следующее сообщение летописи о поведении Мухаммед-Эмина в пожалованных городах. «Он же и тамо своего нрава не премени, но с насильством живяше и алчно ко

¹³ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т.28. С. 328.

¹⁴ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с князем Магмедшей с товарищами [24 октября 1508 – 14 января 1509] // Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. Док.2. С. 49–51.

¹⁵ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 294–295.

многим»¹⁶. Мог ли человек, лишённый власти, притеснять население? Вряд ли...

Конечно, небольшие городки не соответствовали статусу бывшего казанского царя, привыкшего уже к более роскошной жизни.

Город Серпухов, пожалованный на этот раз Мухаммед-Эмину, был больше и важнее Каширы, где он, видимо, проживал до 1487 г. Ещё в первой половине XIV в. существовало село Серпуховское, в котором в 1360 г. московским митрополитом Алексием был основан Владычен монастырь. В 1374 г. внук Ивана Калиты, удельный князь Владимир Андреевич Храбрый повелел заложить на Красной (Соборной) горе укрепление из дубовых брёвен и активно привлекал в городок ремесленников и торговцев. Он укреплял свой удел, располагавшийся на подступах к Москве со стороны степи. Тем не менее город оставался сравнительно небольшим к последней четверти XV в. (к тому же его пожгли Тохтамыш, Идегей и литовский князь Свидригайло). Удельное княжество было ко второй половине XV в. ликвидировано, и теперь Серпухов принял служилого татарского «царя»¹⁷. Располагается Серпухов приблизительно в 90 км от тогдашней Москвы, на левом (северном) берегу Оки. Центром его был деревянный кремль на Красной горе.

Хотунь – ныне несуществующий городок на левом берегу реки Лопасни, отождествляемый с городищем Городок на южной окраине села Хатунь Ступинского района Московской области. Лежала Хотунь (Хатунь) на пересечении нескольких дорог, идущих с запада на восток и с юга на север. В мирное время сюда съезжались жители окрестных сёл и деревень на торги. В военное же время это был «прифронтной» городок, где могли квартировать какие-то рати. Для обороны использовался глубокий овраг и крутые берега рек Лопасни с запада и Заполонки с востока; частокол и ров (6 м в ширину и 3 в глубину) защищали городок с севера, со стороны поля.

¹⁶ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 328; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. С. 349.

¹⁷ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков... С. 98–99.

На севере же располагались единственные въездные ворота, ведущие на плоскую вершину холма площадью 200 на 200 м¹⁸.

Неизвестно, где конкретно проживал в этот период Мухаммед-Эмина. Возможно, он обосновался в привычной уже Кашире.

Интересно, что в 16 ноября 1498 г. Мухаммед-Эмин выдал игумену Троицкого Белопесоцкого монастыря Владимиру жалованную, данную, тарханную (освобождавшую от налогов) грамоту на пустые леса – Кстовский (под старой Каширой), в Туровской волости и за р. Окой в Раставском стану Каширского уезда¹⁹. Приведём здесь её текст, тем более, что он проливает свет на вопрос об источниках дохода Мухаммед-Эмина и службах, которыми ему были обязаны жители пожалованных территорий.

«Се яз, царь Магмедь Аминь, пожаловал есми Троецкого монастыря на Песках игумена Володимера з братьею, или по нем иной игумен будет, дал есми им в дом животворящей Троицы пустого лесу Къстовского промеж Кремчинской пашни и Обрасцовской, от Каширской межи по Березова болота и по Крутой враг в Туравской волости; да за рекою за Окою дал есми им пустого лесу дикого промеж Бунина и Воскресеньскаго и Ошихминской поляны и Грабченак вверх речек Любын в Раставском стану; а тот лес лежит от века не пахан. И как к себе призовут людей жити на тот лес ино их тем людем не надобе моя царева дань, ни поворотныя, ни на ям повод не имать, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни гостиное, ни померное, ни убрусное; ни к дворскому, ни к сотцому, ни к десятцкому с тяглыми людьми не тянут ни в каторые проторы, ни в разметы; ни иные им никаторые пошлыны не надобеть. А наместники мои каширские и их тиуни тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства; а и татьба с наличным – игуменова; ни кормов своих у них не емлют, ни всылают к ним ни по что»²⁰.

¹⁸ Калёнов В.Н. История Хатунской волости Серпуховского уезда (Очерки) // М., 2002; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси... С. 99.

¹⁹ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 295.

²⁰ Жалованная данная тарханная и несудимая грамота б. царя казанского Магмет-Аминя Троицкого Белопесоцкого м-ря иг. Владимиру на пустые леса – Кстовский под (Старой) Каширой, а также в Туров. вол., и за р. Окой, в Растов. стану // АСЭИ. Док. 618. С. 530–531.

Как видим, местное русское население обязано было выплачивать некоторые пошлины и работать на Мухаммед-Эмина. В грамоте упоминаются торговая пошлина, прокорм ямских («почтовых») служащих, коней «царя», предоставление постоя «царю» и его людям, покос сена на нужды царского хозяйства и др. Кроме того, из грамоты видно, что при Мухаммед-Эмине имелись каширские наместники и их тиуны (управляющие), которые вершили суд над местным населением (игумен мог судить по грамоте все преступления, кроме убийств). В случае же тяжб между крестьянами «царя» и игумена участие в суде принимали обе стороны. Причём отмечено, что «кому будет чего искати на игумене и на его прикашике, ино его сужю Магмед Амин царь, или кому прикажю»²¹. Таким образом, Мухаммед-Эмин имел, в общем то, достаточно большую власть на пожалованной территории.

Известный специалист по истории служилых татар и Чингизидов А.В. Беляков сомневается в возможности передачи земли монастырям от имени мусульманина, считая, что в данном случае номинальный владелец земель подтверждал грамоты, пожалованные великим князем. Это позволяло Москве при желании прикрываться татарским царём, сокращая объём податного иммунитета монастырских владений²². Трудно сказать, действительно ли было так. Татарские «цари» держали земли на поместном (временном), а не вотчинном праве, поэтому их возможность распоряжаться землёй и вызывает сомнения. В то же время по статусу «царевичи» отличались и от обычных кормленщиков, приближаясь по своему положению к служилым князьям Рюриковичам и Гедиминовичам²³.

Грамота Мухаммед-Эмина известна по списку 1542 г., где отмечено: «Царь Магмед Аминь подписал своею рукою по-русски и по-татарски»²⁴. Поэтому можно предполагать, что Мухаммед-Эмин был достаточно хорошо образован, раз в те времена владел как та-

²¹ Жалованная данная тарханная и несудимая грамота... // АСЭИ. Док. 618. С. 531.

²² Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 296.

²³ Кистерев С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси... С. 65–88.

²⁴ Жалованная данная тарханная и несудимая грамота... // АСЭИ. Док. 618. С. 531.

тарским (арабским), так и русским письмом. Вероятно, также, знал и русский язык.

Судя по всему, более четырёх последующих лет Мухаммед-Эмин прожил в относительном спокойствии. Его быт мог быть наполнен тишиной провинциальных городков, разбавляемой выездами на охоту и скромными пирами. По описи архива Посольского приказа за 1626 г. известно, что в лето 7005 (1496/1497 гг.) «велено Фёдору Липятину на Кошире собрати оброки медвенные дворецкого и клюшничьи пошрины, и записное, да отдати Магмет Аминю Обреимову сыну царёву казанского»²⁵.

А что же в это время происходило на международной арене и в Казанском ханстве? В 1497 г. удачно для Москвы закончилась двухлетняя война со шведами. В марте 1499 г. начался годичный поход русской судовой рати в земли коми и манси. А вот положение Казанского ханства было ненадёжным – если с Мухаммед-Эмином Муса как-то мирился и даже выдал за него дочь, то Абдул-Латиф его совсем не устраивал. Поэтому в 1500 г. к Казани подошло ногайско-татарское войско во главе с Мусой, Ямгурчи и братом Мамука – Агалаком. Поддерживал их и казанский князь Урак. В это время в Казани с ханом находились русские воеводы с небольшим отрядом (М.Ф. Карамыш Курбский и П.С. Лобан Ряполовский). После трёх недель неудачной осады мурзы и Агалак отступили²⁶.

Летом или осенью 1498 г. к Мухаммед-Эмину приезжал от Менгли-Гирея Абалак-Азей²⁷. В тот же год его мать Нур-Султан разузнавала насчёт возможности приехать в Московское царство повидать сыновей. В 1498 г. она в письме спрашивала об этом у Ивана III. Менгли-Гирей готов был её отпустить только с гарантией, что она вернётся, и великий князь её не задержит. Тянулись

²⁵ Опись архива Посольского приказа... л. 335, с. 209.

²⁶ Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 137–138; РК 1605. С. 59; Вологодско-пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. С. 294; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 249–250.

²⁷ Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея с грамотами [август 1498 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 58. С. 270.

месяцы и годы, а в 1500 г. крымский хан тяжело заболел. Поездку пришлось отложить²⁸.

На чужой войне: участие Мухаммед-Эмина в московско-литовском конфликте (1500–1502 гг.)

Под конец XV в. (а по старому летоисчислению – на рубеже VII и VIII тысячелетий) Иван III объявил себя великим князем не только московским, но и «всёя Руси», что, конечно, отражало только притязания на владение землями древней Руси, находившимися в составе Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтского и т.д. С конца 80-х гг. XV в. началась серия московско-литовских войн за обладание пограничными княжествами, находившимися на восточной окраине Великого княжества Литовского или между ним и Великим княжеством Московским, а также за Смоленск (который также с начала века находился под Литвой). Причём население крупных городов явно тянуло в сторону Литвы, привыкнув за долгое время к своему положению и даже привилегиям, что создало дополнительные трудности Ивану III и его воеводам²⁹.

В 1500 г. началась война, в которую затем на стороне Литвы включилась и Ливония. Она охватила большую территорию – от Дикого Поля на юге до верховьев Днепра и Западной Двины на севере. Русские силы были разделены на 3 группировки: северная рать А.Ф. Челяднина на правом фланге прикрывала направление на Новгород и с севера угрожала Смоленску; средняя рать боярина Юрия Захарьича против главных сил литовцев и для прикрытия направления Вязьма–Можайск; южная рать боярина Якова Захарьича, задачей которой было удержание юго-западных княжеств, тянувших к Москве. Имелся также резерв, который можно было направить в зависимости от ситуации на подмогу одной из группировок³⁰.

Мухаммед-Эмин, как служилый татарский «царь», принял участие в этой чужой для него войне. Известно это было и литовской

²⁸ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 226–227; Бережков М. Нур-салтан – царица Крымская... С. 12.

²⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой... С. 152–153, 225–227.

³⁰ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 372–378.

стороне. Источник литовско-русского («старобеларусского») происхождения, так называемая Хроника Быховца, именует его «казанским царём Магнистели», а позже – Махметом Али³¹. В 1500 г. он находился в составе южной группировки войск³².

Можно думать, что в поход (уже не первый в своей жизни) он отправился в окружении своего двора, а также с русским приставом. Правда, в разрядных книгах не отмечено участие Мухаммед-Эмина в походе, поэтому нет и сведений о приставах (а такая информация обычно учитывалась в разрядных записях).

В первый же год войны, 14 июля на р. Ведрошь (к югу от Дорогобужа) московская рать нанесла сокрушительное поражение литовскому войску, пленив большую часть его командного состава³³. Благодаря этому южная группировка войск, в которой находился Мухаммед-Эмин, сумела захватить многие северские города³⁴. С Москвы эта рать под командованием Якова Захарьича и других воевод вышла ещё 3 мая, и вскоре взяла укрепленный городок Дбрянск (совр. Брянск). Плененные наместник и владыка были отосланы в Москву. Вслед за этим, пройдя вдоль реки Десны, московские войска 6 августа захватили Путивль – южный форпост власти великого князя литовского на Северщине, впрочем, также небольшой³⁵. В плен попали наместник – князь Б.Ф. Глинский с княгиней и простые жители³⁶. По Хронике Быховца, произошло это позже – осенью. Затем войска Якова Захарьича и Мухаммед-Эмина прошлись огнём и мечом по остальной Северской земле. «Многия грады и волости и сёла поплениша и людей многих мечу и огню предаша, а иных в плен поведоша» – сообщает Ермолинская летопись. Удару подверг-

³¹ Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. С. 168.

³² Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

³³ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 382–388.

³⁴ Историческая область в XVI – начале XVII вв. в бассейне рр. Сейма и Десны, на территории бывшей Северской (Чернигово-Северской) земли.

³⁵ Кром М.М. Меж Русью и Литвой... С. 258.

³⁶ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. С. 252; Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

лись Дорогобуж, Завидов, Горопец, Драков, Трубчевск, Радогож, Почап и другие города и их округа³⁷.

Трудно, однако, уверенно говорить о степени полномочий казанского «царя» – скорее он был поставлен во главе войска по статусу, поскольку остальные воеводы были лишь князьями и боярами. Действительное командование, скорее всего, находилось в руках русских воевод. Тем не менее, сам поход мог принести немало добычи хану и добавить ему воинского опыта, в том числе дать представление о русском осадном деле.

Войско двигалось по пересечённой лесами и реками местности. Провиант, надо думать, добывали, грабя местное сельское население (несмотря на то, что это были почти такие же русские люди, что и в войске московского князя). Съестные излишки и материальные ценности приносило взятие городков. Войско шло быстро, не задерживаясь подолгу. Привалы, шатры станов, немудрёный походный быт – такие образы возникают, если подумать о том, что происходило с Мухаммед-Эмином в то время.

К концу 1500 – началу 1501 г. Мухаммед-Эмин покинул полки Якова Захарыча. Возможно, несколько месяцев он смог отдохнуть от походной жизни, но вскоре великий князь московский опять призвал его на службу.

В 1501 г. в войну на стороне Литвы вступила Ливония. Союзником Москвы был Крым, но силы хана Менгли-Гирея оказались скованны Большой Ордой. 7 августа в Москву прибыл крымский гонец, принёсший весть о походе Менгли-Гирея на Шейх-Ахмата, стоявшего с ордой на Дону. Крымцы просили ударить по ордынским улусам. Не отвлекая основных сил от литовской войны, Иван III решил послать в тылы Шейх-Ахмата небольшое войско под командованием Мухаммед-Эмина³⁸ и князя Василия Ноздреватого. Должны были принять участие в походе уланы, князья и казаки служилого «царевича» Нурдевлета, а также силы Рязанского княжества.

³⁷ Хроника Быховца... С. 168; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

³⁸ Ю.Г. Алексеев не совсем точно именуется его тут «казанским вассалом»: с 1496 по 1502 гг. он не был ханом Казани.

Иван III повелел Мухаммед-Эмину идти в степь «наспех», и чинить разор противнику «сколко Бог пособит». Выдвинулись рати в том же месяце августе³⁹. Стремительно продвигаясь по степи, ратники разоряли айлы и курени кочевников, жгли жилища, резали или угоняли скот, убивали людей, грабили, насиловали, полонили. В общем, имелись там все неперенные атрибуты войн того времени. Детали похода неизвестны, но войска вряд ли задержались в степи надолго – ордынцы могли развернуться на восток и разгромить эту диверсионную группировку. К тому же уже в конце октября служилые татары принимали участие в наступлении против ливонцев, которым тогда было нанесено серьёзное поражение⁴⁰. По сведениям I Псковской летописи, командовал ими «татарский царь»⁴¹, но кто это был – городецкий Сатылган или Мухаммед-Эмин – неясно.

После этой диверсионной операции участие Мухаммед-Эмина в войне, видимо, закончилось. Хотя он и раньше бывал в походах русских войск (на Казань и в степь), но вряд ли они могли прибавить ему военного и полководческого опыта – сначала в силу малого возраста, потом из-за самого положения в походе, ну а предыдущий набег на степь и вовсе окончился без боестолкновений. Теперь же хан явственно мог видеть русских в походе, на марше, при взятии городов. Такие наблюдения пригодились ему в будущем. И не тогда ли вник Мухаммед-Эмин в международные дела Восточной Европы, в переплетение интересов разных государств и особенно в московско-литовские противоречия, которые спустя каких-то 5–6 лет определили некоторые его внешнеполитические шаги?

³⁹ РК 1598. С. 32; Отпуск из Москвы в Крым гонцов царя Менгли-Гирея с грамотами [30 августа 1501 г.] // Сборник РИО. Т. 41. № 75. С. 369–372.

⁴⁰ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 408–412.

⁴¹ Первая Псковская летопись... С. 86.

Хан – поэт?

Мухаммед-Эмин жил в эпоху, плодотворную для культуры тюркских государств, в эпоху своеобразного «тимуридского ренессанса» в Средней Азии, влиявшего и на соседние регионы. Его современниками были многие великие художники (Кемаль-ад-Дин Бехзád, Касим Али и др.), поэты, писатели (Алишер Навои, Джами и др.), а также военно-политические деятели, пробовавшие себя на поприще высокой культуры (такие, как Мухаммед Шейбани-хан, с которым Мухаммед-Эмин имел контакты, или Исмаил Сефеви). Не склонен ли был он сам к подобным экспериментам с пером и словом (тем более, как говорилось, он был грамотен и знал, как арабское, так и русское письмо)?

Действительно, в сочинении татарского историка XIX в. Х. Амирхана, созданном, видимо, на основании преданий и каких-то местных татарских записей, сообщается о том, что Мухаммед-Эмин писал стихи и даже приведён один из них. Правда, и тут отмечено, что сохранилось лишь несколько бейтов.

Между прочим, его принял во внимание и крупный советский исследователь татарской археографии М.А. Усманов. Приведём тут текст стиха на старотатарском языке, с дословным переводом и поэтическим переложением:

Чықты һижрәтдин жеди йүз әллидә, –
 Түшди ғаләмгә хәраблық зилзилә,
 үзи ақсақ ғәклы ахмақ, фитнәдар,
 Зулмыны изһар қыйлыды һәр йерә.
 Күп ғулама вә мәшаихлар шәһид
 Булдылар һәм дини ислам нурилә.
 Дари ислам фитнәсиндин, бил ғәйан,
 Булды вәйран, ақты йәшләр хәүф илә.
 Нә жәвәб берүр худа қашида ул,
 Сурса алла шиддәт-о-ғикаб илә?!
 Йа илаһи, әйлә ул бәндәңни сән
 Ахирәтдә залим-о-жаһил иләң.

«Явился [Тимур] в 750 году [Хиджры], и мир исполнился гибельных землетрясений; сам он, будучи хром, а умом глуп, распростирил всюду мрак смятений. Много учёных и старцев мучениками стали, освящённые верою ислама. Страна ислама от смятений, знай верно, опустела, и полились слёзы. Что же ответит он перед Богом, если господь будет допрашивать строго? О Боже мой, сего раба своего ты на том свете суди как жестокого язычника!»⁴².

«По хиджре в 750 году сошло
 На мир разрушение, землетрясение,
 Сам хромой, а ум кривой – лишь одна смута в голове;
 Бед натворил по всей земле.
 Улемы и шейхи шахидами стали
 За лучезарный Ислам.
 Исламский мир разрушен
 От этой смуты. И потекли слёзы страха.
 И какой ответ даст он перед Всевышним?
 Если спросит его Аллах со всей строгостью?
 О, Бог мой, гнев Свой покажи ему на том свете.
 Да пусть он останется в темноте невежества!»⁴³

В стихотворении, именуемом «Гыйкаб» («Мечь») речь идёт о Хромом Тимуре (Тамерлане), в конце XIV в. разрушившем многие города Золотой Орды. Несмотря на несколько неверную дату (750 г.х. это 1349–1350 гг., Тимур родился в 1336 г.), стих, скорее всего, отражает отношение к его походам, реально бытовавшее среди татар до XVIII–XIX вв., «когда вследствие усиления фанатизма, Тимур был превращён в защитника религии и в татарской исторической литературе». Несмотря на несколько обновлённый язык, стих может быть датирован XVI–XVII вв., и его создателем «вполне мог быть просвещённый джучид или сторонник его, который не прощал Тимуру побед в Поволжье»⁴⁴.

⁴² Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 119.

⁴³ Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа... С. 85.

⁴⁴ Усманов М.А. Татарские исторические источники... С. 119–120.

Возможно, что автором был и сам Мухаммед-Эмин. По крайней мере показательно, что произведение приписали ему. В таком случае можно предполагать, что речь идёт не столько о нашествии Тимура, сколько (в завуалированной форме) о войнах с Московским государством. Вторжения русских войск, разрушения и убийства должны были производить куда большее впечатление на творчески мыслящих казанцев, чем события XIV в.

Башкирский общественно-политический деятель и историк первой четверти XX в. Ахмет-Заки Валиди (после эмиграции в Турцию сменивший имя на Zeki Velidi Togan) также утверждал, что Мухаммед-Эмин писал стихи, причём в гератском стиле⁴⁵.

Имеются сведения и о поэме «Могжизнаме», посвящённой проку Мухаммеду, также приписываемой хану Эмину⁴⁶.

Однако, к сожалению, следует признать, что вопрос о возможных произведениях Мухаммед-Эмина разработан в историографии слабо и в источниках освещён плохо. Как нам кажется, это ещё одна важная тема для будущего исследования.

Третье возвращение на казанский трон (1502–1505 гг.)

В начале 1502 г. жизнь Мухаммед-Эмина снова резко изменилась – по воле великого князя Ивана после 7 лет изгнания он был опять поднят на белой кошме и посажен на казанский престол.

Видимо, в конце 1501 г. в Москву прибыл казанский князь Кель-Ахмет. Возможно, он доносил великому князю о притеснениях со стороны Абдул-Латифа. Быть может, даже оклеветал неудобного части казанской верхушки хана. Однако от выросшего в татарском Крыму сына Ибрагима можно было ожидать и своеволия, и пренебрежение Москвой. К тому же с общим врагом – Большой Ордой, было почти покончено.

Как видно из летописей, в лето 7010, в январе месяце Иван Васильевич отправил Кель-Ахмета в сопровождении воеводы Василия

⁴⁵ Тоган Заки Валиди. Исламско-тюркская культура в Казанском ханстве... С. 121. Герат – иранский город (совр. – Афганистан), средневековый культурный центр.

⁴⁶ История татар... С. 533.

Ноздреватого и дьяка Ивана Телешова обратно в Казань, и «велел поймать царя казанского Абдыл-Летифя за его неправду». В столице ханства те добрались весной, по воде.

Официальная позиция Москвы была такова: Абдул-Латиф, хотя и был посажен на царство Иваном Васильевичем, «почал лгати и ни в каких делах не учал управы чинити, да и земле Казанской учал лих быть»⁴⁷.

...Мухаммед-Эмин, будучи ханом, помогал в военных предприятиях Ивану III; можно было бы ожидать, что и Абдул-Латифу будет велено направить воинских людей для помощи его названным отцам в войне с Ахматовичами, но об участии казанского контингента в событиях 1501 г. источники молчат. Мы можем предположить, что новый казанский хан попросту отказался направлять войско против Орды. За это и поплатился.

Абдул-Латиф был схвачен, закован в кандалы, и увезён в Москву, после чего сослан в Белоозеро. А в Казань был отправлен с Семёном Борисовичем Суздальским и Василием Ноздреватым Мухаммед-Эмин⁴⁸.

Об этом великий князь известил крымскую сторону в марте 1502 г.⁴⁹ Менгли-Гирей и Нур-Султан, узнав о ссылке Абдул-Латифа, принялись настойчиво добиваться его освобождения.

Тем временем, несчастный сводный брат Мухаммед-Эмина Алегам скончался в далёкой северной ссылке. Перед возвращением в Казань Мухаммед-Эмину была передана в качестве жены его вдова — Каракуш (как когда-то отец Мухаммед-Эмина, Ибрагим получил в

⁴⁷ Второе несостоявшееся посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Иваном Никитичем Беклемишевым [23 февраля 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 88. С. 461; Посольство от великаго князя Ивана Васильевича в Крым к царю Менгли-Гирею с боярином Иваном Ивановичем Ощериным [22 сентября 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 92. С. 495.

⁴⁸ Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

⁴⁹ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Алексеем Григорьевичем Заболотским [3 марта 1502 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 79. С. 382–390.

жёны Нур-Султан после Халиля). В следующем году Москва уведомила об этом мирзу Ямгурчи, беспокоившегося о судьбе дочери⁵⁰.

Можно считать последний шаг Ивана III просчётом – у прозябавшей в северной ссылке лет пятнадцать и овдовевшей Каракуш были веские основания ненавидеть русских людей, а, став женой казанского хана, она неизбежно принялась бы настраивать его против «неверных». Можно было отослать её к отцу, но это было ещё опаснее, поскольку Мухаммед-Эмин всё же показывал себя верным «братом» и «сыном» великого князя, а вот Ямгурчи мог и войной пойти. Однако, отпуская Каракуш в Казань, Иван III в любом случае давал ей возможность посетовать на свою судьбу.

В сочинении второй половины XVI в., известном как «Казанская история», или «Казанский летописец», влияние Каракуш на Магмет-Амина объявляется главной причиной его резкого поворота в политике, случившегося через 3 года. Жена де принялась уговаривать Мухаммед-Эмина известить всех русских людей, обещая ему, в противном случае, скорое свержение и гибель в русском плену. «И всегда яко капля дождевая жестокий камень пробивает сквозе, так и льщение женское премудрые человеки многие коренит»⁵¹. Причём версию о влиянии жены на решения хана воспроизвели не только В.Н. Татищев и его коллеги в XVIII–XIX вв., но и историки в XX в. – К.В. Базилевич, С.Х. Алишев. Правда, добавляют они ещё одно предположение: на изменение политики казанского хана повлияли ногай⁵². Действительно, вряд ли мнение жены стало в этом деле определяющим, хотя и могло существенно повлиять на отношения хана к русским людям. Кроме того, как верно отметил С.Х. Алишев, собственные размышления о судьбе родного и сводного братьев (а также других неугодных Москве родственников, оказавшихся в северной ссылке) также должны были подтолкнуть хана к конфликту⁵³. Да и сам Мухаммед-Эмин в 1496 г. был с соизволения русского правителя отстранён от казанского престола, что не могло не ска-

⁵⁰ Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Второе несостоявшееся посольство... // Сборник РИО. Т. 41. Док. 88. С. 461.

⁵¹ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 20–21.

⁵² Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 132–133.

⁵³ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 51–52.

заться на его отношении к существующей политической ситуации. От года к году внутри него должно было расти возмущение своим положением и своеволием русских «кафиров». Даже интриги казанской знати должны были казаться ему порождением козней великого князя, и после всех злоключений в своё третье правление Мухаммед-Эмин решительно выступил против Московского государства. Каракуш могла лишь укрепить его в этих намерениях.

Будучи зятем главных ногайских мурз, Мусы и Ямгурчи, Мухаммед-Эмин мог заручиться их поддержкой заранее. Ещё в марте 1502 г. великий князь, сообщая Менгли-Гирею о возможности выступления «нового» казанского хана против Ахматовичей, отметил, что теперь ногаи Казани не угрожают, поскольку они замирились с русской и казанской сторонами⁵⁴.

Первым тревожным для Москвы знаком, предупреждавшим о возможных переменах в отношениях с казанским «царём», должна была стать казнь Калимета – бия Кель-Ахмета, принявшего прямое участие в свержении Абдул-Латифа⁵⁵, а ещё ранее (в 1495 г.) – самого Мухаммед-Эмина. Как писал М.Г. Худяков, Мухаммед-Эмин, опасаясь своего прошлого опыта правления и недовольства иноземным вмешательством среди элиты и населения, с самого начала принялся готовить разрыв с Москвой, но сделал всё в тайне, так, что русские дипломаты ничего не заподозрили⁵⁶. В Архангелогородском летописце начала XVII в. отмечено, что, убив «Камелета», «Махмет Емид» «на великого князя гнев держа»⁵⁷.

Тяготилась московской «опекой» и часть казанской верхушки. На это намекала позже (в 1509 г.) в своём письме великому князю Василию Нур-Султан, говоря о «лихих речах» и «лихих слугах» в окружении московского и казанского правителей, их рассоривших⁵⁸.

⁵⁴ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Алексеем Григорьевичем Заболотским // Сборник РИО. Т. 41. Док. 79. С. 386.

⁵⁵ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 21.

⁵⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 60.

⁵⁷ Архангелогородский летописец... // ПСРЛ. Т.37. С. 99.

⁵⁸ Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма [12 сентября 1509 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 77–78.

Кроме того, как уже говорилось, известен ряд факторов, определявших конфликтность между Москвой и Казанью, но выделить главные из них затруднительно.

Тем не менее, до 1505 г. Мухаммед-Эмин выжидал и продолжал изображать верного «брата» и «сына» старого больного Ивана III. Приходилось хану сохранять доброжелательность к русским купцам и великокняжеским послам, действовать в интересах Москвы.

Известно, что приблизительно летом 1503 г. Мухаммед-Эмин сообщал в Москву о передвижениях и намерениях недружественных ногайских мурз и Ахматовичей (причём, информировал его об этом тесть – Ямгурчи)⁵⁹. До конца того же года, видимо, по просьбе великого князя, Мухаммед-Эмин снова посылал человека к Ямгурчи (и не кого-нибудь, а князя Мустофара из клана Мангытов⁶⁰) – на этот раз выяснить позицию бия в отношении Шейх-Ахмеда (уже лишившегося Орды, но всё ещё опасного сына Ахмат-хана). Тот заверял Казань и Москву, что им друг и не станет поддерживать Ахматовича⁶¹.

Стоит заметить, что международные контакты Мухаммед-Эмина (вернее, его отношения с другими монархами) не ограничивались Москвой, Крымом и ногайской степью. Он, судя по всему, вёл переписку с ханом кочевых узбеков⁶² – Мухаммедом Шейбани. Подробности её неизвестны, но, видимо, правители были в хороших отношениях, почему Шейбани-хан однажды отправил казанскому хану одного из известнейших композиторов своих владений. Вот

⁵⁹ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича в Крым к царю Менгли-Гирею с боярином Иваном Ивановичем Ощериным [22 сентября 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 92. С. 490.

⁶⁰ Возможно, это казанская ветвь клана, представленного также в Крымском ханстве и ставшего основой Ногайской орды.

⁶¹ Грамота великаго князя Ивана Васильевича в Путивль к Ивану Ощерину [1 декабря 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 94. С. 503–504.

⁶² Так в историографии принято именовать кочевые племена Кыпчакской степи XV в., часть которых составила основу этноса казахов, а часть ушла с ханами Шибанидами в Среднюю Азию, передав этот этноним основному тюрко-язычному населению региона.

что об этом писал знаменитый Бабур⁶³: «К сочинителям музыки принадлежал и Гулам Шади, сын певца Шади. Хотя он играл на инструментах, но не стоял в одном ряду с теми исполнителями [они перечислены в тексте выше – Б.И.]. У него есть хорошие сауты и прекрасные накши [виды музыкальных произведений]. В то время не было человека, который бы сочинил столько накшей и саутов. В конце концов Шейбани хан отослал его к казанскому хану Мухаммед Амин хану; больше сведений о нем не пришло»⁶⁴.

Гулам Шади ранее находился при дворе Тимурида Хусейна Байкара, и к Шейбани мог попасть, скорее всего, в начале XVI в. Значит к Мухаммед-Эмину его отправили между 1502 (иначе в русских источниках должны были отразиться какие-либо сведения о прибытии узбекских посольств) и 1510 гг. (гибель Шейбани). Вероятнее, это случилось после победы казанского хана над русской ратью в 1506 г. (см. ниже). Начало контактов между узбекским и казанским ханами можно отнести к тем же годам, поскольку именно тогда ногаи замирились с Мухаммед-Эмином, а через земли казахов эти связи не могли быть установлены (казахские султаны были злейшими врагами Шейбани). Вряд ли это могло произойти и раньше – во второе правление Мухаммед-Эмина – положение Шейбани в те годы было очень неподходящим для общений с отдалёнными правителями, он фактически находился в казачестве. Интересно отметить, что в молодости Мухаммед-Шейбани был влюблён в одну из старших сестёр жены Мухаммед-Эмина⁶⁵ (но точно не в саму Фатиму, поскольку объекту воздыханий Шейбани ещё до 1468 г. было не менее 13–15 лет, на момент женитьбы казанского хана в начале 1490-х гг. – около 40; значит, это была не Фатима – с её замужеством не стали бы так тянуть).

Кроме Шади, Мухаммед Шейбани отправил казанскому хану и другого музыканта – Бульбуля (Соловья)⁶⁶.

⁶³ Потомок Тамерлана, вытесненный Шейбани и его родичами из Мавераннахра в Индию, основатель династии Великих Моголов.

⁶⁴ Бабур-наме / пер. М.А. Салье (1958). Ташкент, 1992. С. 190.

⁶⁵ Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 105.

⁶⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство... С. 66 (прим. 6).

ГЛАВА VI. ВОЙНА ЛЕТА 7014-го¹

Русский погром

Весной 1505 г. из Казани прибыл ханский посол «з громотою о неких делех городского князя Шаинс-Усуфа (Юсупа). И князь великий по своему крепкому слову послал к нему о тех делех в Казань посла Михаила Кляпика да Ивана Брюха Верещагина сына Блеклого чтобы он тем речем всем не потакал»². Что это были за речи и дела – неизвестно. Но ответ великого князя явно не понравился Мухаммед-Эмину и его окружению. Не понравился настолько, что в июне 1505 года русские послы были схвачены и посажены под замок, а в Казани произошёл погром русских купцов. Владимирский летописец содержит подробности: часть русских людей была посажена в избы и с ними сожжена, а те, кто успел бежать на Волгу, были на дороге убиты черемисами³. Ермолинская летопись добавляет, что было убито якобы 15 тыс. человек⁴ (цифра явно преувеличена).

В Холмогорской летописи сообщается, что Мухаммед-Эмин «людей торговых грабил и секл, а иных разослал в Асторокан и в Нагаи»⁵. Можно предположить, что ссылка (или продажа) в Астраханское ханство и Ногайскую Орду говорит о наличии некоего союза между Казанью и Астраханью, однако, скорее всего, дело не в этом, а в простой охоте к лёгкой наживе на работорговле. Связь же хана с ногаями устанавливается уже по тому, что Мухаммед-Эмин был женат на дочери бия Мусы⁶. Ивана Брюха Верещагина сына

¹ Этот военно-политический конфликт был ранее рассмотрен нами в специальном исследовании [Илюшин Б.А. «Война лета 7014»...].

² Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 8.

³ Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. С. 140.

⁴ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. С. 197.

⁵ Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 134.

⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство... С. 69–70.

Блеклого вообще, судя по Постниковскому летописцу, продали в Чагадай⁷. Под Чагадаем можно понимать государства Средней Азии и южного Казахстана, а с учётом связей между Мухаммед-Эмином и Мухаммедом Шейбани⁸ – именно владения этого хана кочевых узбеков, уже завоевавшего к тому времени Бухару и Самарканд.

Летописи называют 24 июня (Рождество Иоанна Предтечи) датой русского погрома⁹, а в двух вариантах разрядной книги 1475–1605 гг. говорится о том, что весть о погроме пришла 10 июня или 13 июля¹⁰. Объяснить это можно так: погром произошёл 24 июня, а 13 июля гонец принёс весть об этом на Москву. С учётом того, что от Казани до Москвы можно было доскакать и за 11 дней¹¹, интерпретация выглядит правдоподобно. Вариант с 10 июня, вероятно, появился из-за ошибки переписчиков.

При этом Мухаммед-Эмин пояснял: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрия Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем. Великий князь Василий изменил братаничу своему великому князю Дмитрию, поймал его через крестное целование, а аз, Магмед Аминь казанский царь, не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, не быти с ним не хощу»¹².

Справедливое обвинение, но трудно сказать, к какому времени относится сообщение летописи. Слова хана о «роте» за Дмитрия Ивановича могли быть как раз теми речами, которым посол не должен был «потакати», а могли быть сказаны и позже. Неизвестно также, какие дела Шаин-Юсуфа упоминал казанский посол. Возможно, это был представитель прорусской «партии», которого хан хотел устранить (такая точка зрения имеется в историографии¹³).

⁷ Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 8.

⁸ Бабур-наме... С. 190.

⁹ Летописный свод 1518 // ПСРЛ. Т. 28. С. 338; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 373.

¹⁰ РК 1605. С. 87.

¹¹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 289.

¹² Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. С. 134.

¹³ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 132–133.

Или же наоборот – он мог быть сторонником конфликта с Москвой, а под «делами» могла подразумеваться какая-либо антирусская деятельность, которую фактически одобрял хан и которой не должен был «потакать» московский посол. Некоторым подтверждением этого может быть то, что в последующие годы при дворе Мухаммед-Эмина упоминается некий князь Шах-Юсуф, который может быть тем самым «Шаинс-Юсуфом». Если так, то сомнительно, чтобы после событий 1505–1506 гг. хан оставил при себе лицо, действовавшее против него.

Д.А. Котляров считает, что весной 1505 г. казанский посол на Руси узнавал именно насчёт наследника престола. Исследователь предположил, что до Мухаммед-Эмина дошли вести о расправе над Дмитрием Ивановичем, и посол должен был разузнать на этот счёт как лицо официальное. В ответ послу посоветовали не верить «слухам», но тот, видимо, узнал правду из неофициальных источников. Кроме того, автор предполагает, что Мухаммед-Эмин, до этого владевший уделом в ВКМ, был связан присягой с Дмитрием Ивановичем и не хотел её нарушать¹⁴.

По реконструкции А.В. Аксанова, перед возвращением в Казань в январе 1502 г. Мухаммед-Эмин подписал шерть с Дмитрием Ивановичем, которого уже в апреле Василий Иванович отправил под стражу; тот был выпущен в 1505 г., но после смерти Ивана III снова оказался в заточении. Переговоры между Казанью и Москвой накануне разрыва касались признания Василия, на которое хан не пошёл, предпочтя войну¹⁵.

Несмотря на опасность и серьёзность обвинений в нелегитимности, Василий Иванович не стал торопиться. Тем более, что ситуация вокруг наследования престола оставалась неясной: ещё живой, хотя и очень больной великий князь Иван III мог взять и поменять наследника (ему могли помочь это сделать, пользуясь занятостью Василия войной с Казанью). Поэтому вместо того, чтобы тут же

¹⁴ Котляров Д.А. «Служащий царь» – казанский хан Мухаммед-Амин... С. 27.

¹⁵ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 134.

начать сборы войск и идти на «мятежников», Василий Иванович предпочёл выждать.

Взгляд хана и части казанской элиты на ситуацию передаёт и литовский документ, в котором великий князь литовский обращается к Мухаммед-Эмину и повторяет сообщение казанского посольства: Иван III «почал вышей меры против тебе чинити, и ты того не вытерпевши и не дался ему в обиду и сего минутого лета [1506 года] Великий Князь Московский Василей, сын его, пустил был на тебе войско свое великое водою и сухом с братом своим Князем Дмитрием»¹⁶.

Кроме того, интересное предположение делает А.В. Аксанов. Незадолго до конфликта с Казанью Иван III послал своего наместника в Пермь Великую, и с тех пор эта земля оказалась под непосредственной юрисдикцией Москвы. Но виды на неё были и у сибирских Шибанидов: тюменский Кулук-султан (сын Ибака) совершил набег и побил русских людей на Каме и в Усолье. Поэтому действия казанцев и сибирских татар могли быть согласованы и обусловлены их интересами в Пермской земле¹⁷, «уплывавшей» в руки великих князей. Можем предположить, что это и были те самые «вчынки», которые Иван III принялся чинить хану¹⁸, считавшего Пермь Великую своей подъясачной территорией.

Наконец, определённое влияние могло иметь настроение широких народных масс, которые не устраивало, что их ханов назначают и снимают иноверцы и инородцы.

Таким образом, можно выделить несколько вероятных причин и поводов для разрыва прежних московско-казанских отношений: 1) заточение прежнего наследника Дмитрия, с которым Мухаммед-Эмин мог иметь связь, которому он мог присягать, при том, что он не присягал, как утверждалось, Василию; 2) поддержка Москвой «городского князя» Шаин-Юсуфа, против которого был настроен хан; 3) русское продвижение в Пермь Великую, на которую имели виды казанцы и поддерживаемые ногаями Шибаниды; 4) опасения

¹⁶ Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 44.

¹⁷ Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь... С. 135.

¹⁸ Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 37.

Мухаммед-Эмина за своё будущее (как русский ставленник, он мог опасаться и Москвы, и казанцев). Все четыре причины могли иметь место разом.

Поход Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород

После такого эксцесса Мухаммед-Эмин не остановился, а во главе войска выступил в поход на русские окраины.

Разведка Великого княжества Московского была поставлена достаточно хорошо (о вездесущих русских «шпиках» позже писали литовцы). Вероятно, что какая-то часть касимовских и других служилых татар разъезжала по приграничным районам, собирала сведения и слухи. В августе в Москве стало известно, что Мухаммед-Эмин с войском «возица Волгу» (т.е. переправляется через неё) с намерением идти на нижегородские и муромские места. Великий князь (или, скорее уже его сын и соправитель Василий Иванович) послал в Муром «заставу» под командованием князя И.И. Горбатого и боярина С.И. Воронцова¹⁹.

4 сентября (в день женитьбы Василия Ивановича на С. Сабуровой)²⁰ в Москву была доставлена весть, что 30 августа в субботу казанское войско во главе с ханом переправлялось через реку Суру в полтора сотнях вёрст от Нижнего Новгорода²¹.

Можно приблизительно вычислить дату выступления хана в поход (а пересекал он Волгу, вероятнее всего, на Перевозе в 30 верстах к югу от Казани). Если 30 августа он переходил Суру, то получается около 10–13 дней пути (от Нижнего до Казани русская рать могла пройти за 12–15 дней²²). Таким образом, начало казанского похода можно предположительно отнести к 18–21 августа.

Видимо, ожидалось, что Мухаммед-Эмин ударит по Мурому, почему туда после 4 сентября были направлены дополнительные силы – городецкие «царевичи» Сатылган и Джанай («Салтанак да Заней»), племянники крымского хана Менгли и сыновья его нелю-

¹⁹ РК 1605. С. 87.

²⁰ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 373.

²¹ РК 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33.

²² Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 289–290.

бимого брата Нур-Девлета²³) с князьями, уланами и казаками, и воевода Василий Данилович Холмский с русскими людьми²⁴. Выдвинутую против казанцев рать фактически возглавлял В.Д. Холмский – малоопытный воевода, сын Даниила Холмского, командовавшего конной ратью, участвовавшей во взятии Казани в 1487 г., и муж дочери Ивана III – Феодосии²⁵. Исходя из количества воевод (от 3 до 5) и возможной численности служилых татар можно предположить, что против войска Мухаммед-Эмина было выдвинуто от 2,8 до 4,7 тыс. человек²⁶.

Н.Н. Грибов и П.В. Чеченков считают, что в начале XVI в. Нижний Новгород ещё не играл первостепенной роли в обороне восточной границы, главная линия которой шла через Муром, Владимир и Кострому. Этим и объясняется направление рати в Муром. «Очевидно, военным руководством, невзирая на все негативные последствия такого исхода, допускалась возможность сдачи Нижнего Новгорода, поскольку более тяжёлые последствия как для благополучия московского «мегаполиса», так и для всего Московского государства, могло иметь открытие врагу муромского направления – на г. Владимир»²⁷.

Действительно, в течение большей части XV в. будущий «карман России» являл собой печальное зрелище. В 1408 г. он был сожжён войском Идегея, после чего сплошной застройки на его тогдашней площади практически не фиксируется до конца века. Он почти запустел, а великокняжеская администрация и гарнизон располагались в Нижнем Новгороде Новом (в полутора километрах от самого города – Нижнего Новгорода Старого). В 1439, 1444–1445 гг. поросшие бурьяном пустоши и старый нижегородский кремль с древо-земляными укреплениями захватывал и в общей сложности несколько месяцев удерживал хан Улуг-Мухаммад (прадед Мухаммед-Эмина). Только с конца 1460-х гг. старому городу с

²³ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 57.

²⁴ РК 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33.

²⁵ РК 1605. С. 28, 43–44, 69; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 112; РК 1598. С. 16.

²⁶ Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 18–19, 35.

²⁷ Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 255.

портом и укреплением на горе русские власти стали уделять внимание, поскольку это был важный пункт на границе с Казанским ханством. К началу XVI в. укрепления старого кремля восстановили, и даже появилась местная служилая корпорация детей боярских²⁸.

Мухаммед-Эмин, возможно, раньше бывал в Нижнем Новгороде проездом из Москвы в Казань и наоборот. Возможно, хану казалось простым взять этот важный, но ещё сравнительно слабозащищённый пункт, который, к тому же, когда-то неоднократно захватывал его прадед...

На пути следования казанского войска, надо думать, были пожены и пограблены русские и мордовские сёла. Если войско двигалось вдоль Волги, то оно проходило и мимо крепости в Лысково (вблизи современного одноимённого городка). Неизвестно, что в её отношении могли предпринять казанцы: укрепление на высоком мысу было достаточно мощным, чтоб его не тронули во время похода 1536 г., и достаточно большим для сохранения в нём окрестного населения²⁹. Вероятно, и в этот раз её проигнорировали. Других укреплений в районе не было, и жителям оставалось прятаться только в лесах и оврагах.

Наконец, взору хана и его основных войск открылся вид на Новгород Нижний. Белеющий новыми брёвнами верхний посад, вероятно, уже огораживали вал и ров, но его несложно было подпалить стрелами...

Это было первое за 60 лет (после захвата Улу-Мухаммедом) нападение на город³⁰. Описание осады известно по нескольким источникам. Подробно и эмоционально описывает её «Казанский летописец», живописуя «кровожадность» Мухаммед-Эмина:

«Ещё не удовольился Казанский царь богатством взятых людей Руских в Казани, (ни)же крови их напився, текущая реками, и большою яростью свирепосердый разжётся. И собрався с Казанцы своими, и призва ещё к себе на помощь 20.000 Нагаи, и воюя, хре-

²⁸ Об этом подробнее см. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М., 2018.

²⁹ Кирьянов И. Старинные крепости Нижегородского Поволжья... С. 63–65.

³⁰ Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 253.

стьянство убивая, и прииде к Нижнему Нову граду, и взяти его хотяше, и пожже около грады все посады, стояще у грады 30 дней, по вся дни приступая ко граду. Воевода же был тогда во граде Хабар Симский и мало с ним бойцов, токмо народ градцкий, страшливыя люди. И не успеха бо к нему с Москвы воя притти, вскоре бо царь, безвестно, пришёл, и мало града не взял»³¹.

Общая численность ханского войска по «Казанскому летописцу» равнялась 60 тыс. воинов (40 тыс. татар, 20 тыс. ногаев). Как уже говорилось выше, для Казанского ханства эта численность нереальна даже с учётом ногайских союзников. Ханство могло выставить тысячи три конников, включая хорошо вооружённую гвардию, а ногайский отряд вряд ли превышал 1–2 тыс. (войска биев редко насчитывали больше нескольких тысяч, а тут и не бий, а сын Мусы или Ямгурчи – «шурин хана»). Таким образом, с Мухаммед-Эмином могло быть до 4–5 тыс. войска. Для малонаселённой восточной окраины Московского государства это немало.

Небольшой гарнизон Нижнего во главе с Хабаром Симским и горожане спрятались за деревянно-земляными укреплениями старого кремля. Опасность для города была очень высокой, поскольку гарнизон был невелик, а местная дворянская служилая корпорация только начала формироваться и также была малочисленна (даже в 1563 г. город выставлял для войны ок. 350 чел.)³². Рассчитывать можно было только на отсутствие опыта у татар в осаде укреплений и на подход великокняжеских полков.

Но на удачу горожан в темницах кремля томились литовские жолныри («стрельцы») – пленники с Ведрошской битвы. Случилась она ещё в 1500 г., и считается одной из крупнейших побед и образцовых военных операций в истории Руси XV–XVI вв. Литовское войско было разгромлено, а весь высший командный состав попал в плен. И вот, как утверждает «Казанский летописец», на 1505 г. в Нижнем Новгороде осталось в живых около трёхсот жолнырей. Насколько это соответствует действительности – неизвестно. С одной стороны,

³¹ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 24.

³² Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 258; Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст)... С. 127.

Нижний не был местом массовой ссылки военнопленных, и в его казематах не могло томиться больше 10–20 чел. Но с другой – последние годы город начали отстраивать, и как раз для этих работ туда могли отправить сотни военнопленных литвинов (не обязательно жолнырей или даже этнических литовцев). Могло среди них быть и несколько умелых стрелков. Рисковый воевода по прозвищу Хабар³³ выпустил их и вооружил рушницами или пищалями для обороны города. И литвины «превыдоша бо многочисленных храбростию и побиха много Казанцов и Нагаев огненным своим стрелянием».

Как утверждает далее в источнике, Мухаммед-Эмин и его шурин–мурза стояли «за некою церковью христианскою, думающи о взятии града, и понужающая воя своя ко приступу». И тут меткое, то ли шальное ядро убило ногайского мурзу, пробив ему грудь в районе сердца. Автор «Казанского летописца» живописует картину того, как лишённые предводителя, ногаи «возмутишася... аки птичьа стада, оставше своего вожа и пастыря». После этого между казанцами и ногаями вспыхнула ссора, после которой сперва ногаи, а затем и казанский царь отошли от города³⁴. За это литовских пленников освободили, одарили и отпустили восвояси. Убиение ногайского мурзы изображено на картине Г.П. Мальцева (1881–1953) «Подвиг Феди Литвича».

На первый взгляд может возникнуть сомнение в достоверности сведений о расположении хана и ногайского мурзы с войсками на том месте, где позже построят церковь Ильи Пророка – почти наверху Ильинской горы, в Започаинье. И дело не столько в том, что до тогдашних стен кремля по прямой было не более 260–270 м (иной раз могла и стрела долететь), а в глубоком Почаинском овраге, отделявшем татар от осаждаемого ими города и шедшего на юг почти на полтора км. Выходит, пришедшие с ровной юго-восточной стороны татары вместо подхода прямо ко рву и стенам, обошли овраг и встали на противоположной стороне. Поэтому, если этот эпизод – не легенда, то объяснение может быть таким: татарские войска охватили кремль с ровной юго-восточной стороны (от спуска к Волге до Поча-

³³ Что говорит об удачливости.

³⁴ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 24–25.

инского оврага), а хан с гвардией встал на Ильинской горе во избежание внезапной вылазки гарнизона, которая могла угрожать его стану. Защитники города также не смогли бы предпринять скольконибудь удачного нападения на ставку татар, если бы она располагалась на соседней горе. Связь же между «ставкой» и остальными войсками можно было поддерживать как пешими гонцами, пересекавшими овраг за пределами досягаемости русских стрел, пуль и ядер, так и конными, для которых объехать овраг было недолго (ныне пешком от кремля до начала оврага – около 15 минут ходу).

Другие источники описывают эпизод с осадой Нижнего Новгорода куда более лаконично. «Того же месяца сентября приходил царь Магмед-Аминь казанской под Новгород Нижней и стоял под городом два дни, а городу не успе ничтоже, а на третий день прочь поиде»³⁵. Кроме того, говорится, что город не понёс значительного ущерба. Видимо, автор «Казанского летописца» в очередной раз приукрасил своё повествование. Летописи говорят о двух днях осады, и вероятно, что так и было. Впрочем, эпизод с литовскими стрельцами от этого не становится более невероятным.

В некоторых источниках также отмечается, что наместник Хабар «зъ гражданы» выходили из города «и многих людей биша»³⁶. Думается, что атаке могли подвергнуться разве что отставшие караулы казанского войска, иначе выход за стены был бы безрезультатным и самоубийственным для защитников города.

«Казанский летописец» отмечает, что войска с Москвы на помощь городу прийти не успели³⁷, а татары к тому же повоевали соседние с Нижним волости³⁸. О грабеже волостей говорит и другой источник³⁹. Возможно, что татарские разъезды или даже крупные контингенты грабили окрестности Мурома, в то время, как воеводы с полками отсиживались в городе. По крайней мере на это указыва-

³⁵ Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 9.

³⁶ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 245.

³⁷ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 24.

³⁸ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

³⁹ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

ет «Казанский летописец»⁴⁰. Видимо, тогда же был сожжён и запустел Нижний Новгород Новый: в поздних слоях этого т.е. Городка зафиксированы следы сильного пожара, обнаружены наконечники стрел (в т.ч. имевшие хождение в Казанском ханстве) и человеческие останки⁴¹. Подвергся нападению, вероятно, и Печерский Вознесенский мужской монастырь, располагавшийся тогда примерно в 3,5 км⁴² от современного кремля близ волжского берега.

Почему-же стоявшие в Муроме воеводы не пошли к Нижнему Новгороду? Возможно, у них действительно не было сведений о походе татар именно туда, а потом они попросту не успели (если принять версию о двухдневной, а не месячной осаде). Однако в источниках озвучена и другая точка зрения, согласно которой стоявшие в Муроме воеводы, при которых, якобы, находилось 100 тыс. воинов (против таких же мифических 60 тыс. татар и ногаев), не прибыли к Нижнему Новгороду, поскольку «Они же паче себя стражеху, а не земля своя, и великим страхом объята быша, безумни, убояхуся, и трепетаху»⁴³.

Можно, конечно, согласиться с тем, что воеводы опасались выступать против казанцев. Точную численность татар они не знали, но могли полагать, что их значительно больше (раз сам хан с ними). Сравнительно небольшая рать, стоявшая в Муроме (ок. 2,8–4,7 тыс. чел.), выйдя в поле против превосходящих или равных казанских сил, имела не так много шансов на успех. В конце концов, воевод великий князь послал в Муром. Цель хана была им неизвестна, а даже если они и получили сообщение об осаде Нижнего Новгорода, то, во-первых, не успели бы до него дойти за два дня, после которых казанцы ушли, и во-вторых, видимо, не решались действовать без одобрения великого князя. Характерно, что не указаны имена этих «безумных» – видимо, автор опасался навлечь на себя гнев потомков реальных воевод, стоявших тогда в Муроме.

⁴⁰ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 25.

⁴¹ Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 147–149, 267, 277.

⁴² Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке... С. 237.

⁴³ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 25.

Итак, как видим, Мухаммед-Эмин отступил восвояси, не добившись никаких успехов, кроме грабежа русских и мордовских деревень и, судя по всему, уничтожения Нового Нижнего Новгорода, не решив никаких стратегических задач (если они были, кроме желания запугать Москву своей решительностью).

К.В. Базилевич считал, что отступление татар вызвано успешными вылазками защитников города и угрозой с тыла от большой муромской рати. С.Х. Алишев, соглашаясь с этим, добавляет также ссору с ногаями после гибели их князя и опасность удара со стороны касимовских татар⁴⁴. С рядом этих утверждений нельзя согласиться. Так, судя по количеству воевод в Муроме и присутствию хана в казанском войске, соотношение сил было, вероятно, не в пользу русской стороны (или же они были равны). Хан мог этого не знать, однако Муром располагался не в том месте, чтоб быть удобной базой для нанесения удара по казанцам с тыла – он значительно западнее Нижнего Новгорода и вообще на другом берегу Оки. Численность касимовских татар в начале XVI в. едва ли могла сильно превышать тысячу человек (скорее всего, их было меньше), что опять же делало их неопасными для большого ханского войска. Немногочисленный «гарнизон» города также не мог представлять большой угрозы для татар. Однако казанцы не умели брать хорошо укрепленные города, а кроме того, гибель ногайского предводителя вполне могли вызвать отступление ногаев, составлявших значительную часть войска. Всё это, возможно, вместе с поступавшими сведениями о русских воеводах в Муроме, чьи силы не были точно известны, могло заставить Мухаммед-Эмина отступить после разорения Окско-Сурского междуречья.

Тучи сгущаются

Ответный поход против Казани готовился долго. Рати были собраны, распределены по полкам, а воеводы получили назначения только к апрелю следующего, 1506 года. Чем это могло быть вызвано?

⁴⁴ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 539; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 52–53.

М.М. Щербатов объяснял это тем, что престарелый и ослабевший Иван Васильевич хотел прежде всего увидеть свадьбу наследника. Такая позиция только «ободрила казанского царя в бунте его»⁴⁵. В действительности Иван III был уже недееспособен и государственными делами заправлял Василий Иванович. А.А. Зимин предположил, что отсутствие в походе двух главных политических фигур на Руси – нового великого князя Василия Ивановича и дмитровского князя Юрия Ивановича (его брата) – «очень многозначительно. Оно говорило о неустойчивом равновесии сил на политической арене, когда великий князь не рисковал сам покинуть столицу и ещё менее склонен был доверить командование огромной армией своему главному политическому противнику»⁴⁶. Если так, то и затягивание похода можно объяснить внутривнутриполитической неясностью. Сперва долгая болезнь Ивана III (до 27 октября, когда он преставился); из-за неё Василий Иванович не мог отвлечься от первостепенного для себя дела – вопроса о престолонаследии. А затем приблизилась зима, когда Волга замерзала, не позволяя доставить под Казань осадную артиллерию. По весне же Василий III собрал большое войско и под начальством своего брата Дмитрия (по прозвищу Жилка) отправил на Казань.

Великий князь московский Иван Васильевич умер 27 октября. Смерть монарха многое меняла. Исчезли прошлые личные договорённости с соседями. Впрочем, Мухаммед-Эмин ещё ранее заявил о том, что его наследник нелегитимен. Крымский хан Менгли-Гирей также не склонен был считаться с новым московским князем. Поэтому в декабре 1505 г. в Крым был направлен русский посол В. Наумов. Он вёз известие о вступлении на престол нового великого князя и должен был напомнить о дружбе между Менгли-Гиреем и Иваном Васильевичем, дабы не допустить поддержки тем Мухаммед-Эмина⁴⁷.

Осенью 1505 г. сводный брат Мухаммед-Эмина по отцу – «царевич» Худайкул (Кудайхул) прислал к московскому митрополиту Си-

⁴⁵ Щербатов М.М. История Российская... С. 358–359.

⁴⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 77.

⁴⁷ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 74–75.

мону бить челом о просьбе к великому князю разрешить ему креститься. По просьбе митрополита Василий III принял «царевича» лично, и тот слёзно просил разрешения перейти в христианство. Князь разрешил. Архимандрит Афанасий крестил Худайкула 21 декабря в Москве-реке «у тайника» в присутствии Василия III и боярства. В крещении Кудайкул б. Ибраһим стал Петром Ибрагимовичем. А 25 января 1506 г. он женился на сестре великого князя – Евдокии⁴⁸.

Есть предположение, что крестился «царевич» дабы выйти из «нютства» – он находился на положении почётного пленника, а уже 28 декабря, дав присягу на верность Василию III, был выпущен на свободу⁴⁹. Вероятнее же, сделано это было не по собственному его желанию и с расчётом на предстоящий казанский поход⁵⁰. Видимо, задумывалось смещение Мухаммед-Эмина и замена его православным царём, да ещё «родственником» великого князя (с возможной перспективой передать позже трон в Казани потомку не только Улу-Мухаммеда, но и Ивана III). Если обратить внимание на то, какие обещания давал Василию III и на чём крест целовал Пётр Ибрагимович (быть верным и не вредить ни словом, ни делом Василию, его будущим детям и землям, не ссылаться с другими государями и докладывать об их послах и письмах великому князю⁵¹), то выходит, что потенциальный казанский хан становился холопом великого князя московского.

К счастью для Мухаммед-Эмина у Московского государства был ещё один могучий противник – Великое княжество Литовское. Литовцы хотели вернуть города, отобранные у них Иваном III. В феврале 1506 г. в Москве побывало посольство, озвучившее требование их возврата. Назревал военный конфликт. Тем не менее, в ходе затянувшихся (видимо, специально) переговоров удалось его отсрочить, что позволило заняться Казанью⁵². Что происходило в

⁴⁸ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 1–2.

⁴⁹ Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 82.

⁵⁰ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 75; Филюшкин А.И. Василий III... С. 108.

⁵¹ Запись Казанского Царевича Петра Ибрагимовича о его подданстве // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. III. М., 1788. С. 1–4.

⁵² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 76.

это время в столице ханства и какими приготовлениями занимался хан, нам, к сожалению, неизвестно.

Русское военное руководство имело значительный опыт походов на Казань, а казанское – по противодействию им. Правда, в основном неудачный. Русские пешие рати приплывали к столице ханства по Волге, а иногда заходили на Каму, конница шла Горной стороной – правым берегом Волги; важно было, чтобы обе группировки войск оказались на месте одновременно. Защитникам Казани было необходимо не допустить самой осады, поскольку имевшие численный перевес и опыт взятия укрепленных городов русские воины могли взять город если не штурмом, то измором. К тому же источник экономической силы ханства – Волга, была одновременно и его военно-стратегической слабостью, поскольку позволяла основному противнику сравнительно легко доставить под Казань значительное количество войск, боеприпаса и провианта.

Судя по большому числу воевод в русском войске (свыше 30), его численность была очень большой для того времени – приблизительно 18–22 тыс. человек (включая мещерских служилых татар во главе с «царевичем» Джанаем). Не желая оставлять Москву при всё ещё неясной внутривнутриполитической ситуации, Василий III назначил командовать всей операцией своего брата – Дмитрия Ивановича по прозвищу Жилка. Тот уже имел кое-какой воеводский опыт, правда, осада Смоленска под его началом в 1502 г. провалилась – во многом из-за того, что дети боярские его плохо слушали, постоянно отлучались на сторону пограбить сельскую округу⁵³.

Наиболее многочисленна была основная судовая (т.е. пешая) рать, которая везла осадную артиллерию («наряд»); в ней же находился и Дмитрий Жилка. Небольшая судовая группировка была направлена также на Каму – в тылы казанцев. Поддерживать осаждающих должна была многочисленная конница князя Ростовского (до 8 тыс. чел.)⁵⁴.

⁵³ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 428–429; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 214–215.

⁵⁴ Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 45–64.

Жаркий день

Судовая рать достигла Казани в жаркий день 22 мая, «в пяток» (пятницу). Воеводы решили тут же приступить к городу, не дожидаясь подхода конницы. Но вышли они из судов «на поле градное с небрежением, вскоре и не осмотряся, и поидоша к городу пеши»⁵⁵. Казанцы, а, может быть, сам Мухаммед-Эмин (бывший участник русского вторжения в литовские земли) подготовили для русских ратников ловушку. Зная падкость тех до добычи и неумение командовавшего войском князя Дмитрия Ивановича пресекать нарушения порядка, на Арском поле, что к востоку от центра Казани, татары разбили не то ярмарку, не то военный лагерь, полный всякого скарба, еды и питья.

Грозно, должно быть, выглядели сотни русских судов, подплывавших с северо-запада по Волге. Раньше, во времена внутриказанских интриг и иноземных вторжений, их прибытие всегда вселяло надежду в Мухаммед-Эмина, но теперь это были враги – многочисленные, хорошо вооружённые, с пушками. Оставалось уповать на военную хитрость и высокий воинский дух казанских защитников, которых хан поднял на борьбу с иноземцами и иноверцами. Ханская гвардия, бии, уланы и их казаки, а также ополчения татар и черемис, наверно, готовились к этому с осени.

И вот, русские ратники высадились на берег, перешли речку Булак и оказались у стен города. Увидев многочисленные шатры и разбегающихся татар и черемис, они устремились за добычей.

Как писал С. Герберштейн, казанцы, «которым предстояло биться с москвитами за свою жизнь и свободу», пошли на хитрость и заманили врагов в ловушку, поскольку понимали невозможность противостоять такому большому воинству. «Они разбили лагерь на виду у врага, тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады. Затем, будто поражённые страхом, они вдруг бросились вон из лагеря и пустились в бегство. Москвиты... увидели бегство татар и, позабыв о строе, стремительно ринулись на лагерь неприятеля. Пока они, полагая себя в безопасности, были заняты грабежом лагеря, татары вместе с лучниками-черемисами

⁵⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3.

выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив орудия и пушки»⁵⁶.

Сообщение Герберштейна подтверждается известием в Новгородской летописи: «На первом (при)ступе царь побежал, а пометав весь живот, и Москвичи учили грабити, и царь их тут многих побил, а иные в реце истопли»⁵⁷.

В «Казанском летописце» история о «лести» (хитрости, обмане), с помощью которой Мухаммед-Эмин побил судовую и конную рати, представлена в наиболее объёмном варианте. Якобы на Арском поле была устроена ярмарка (С.Х. Алишев предположил, что это мог быть сабантуй⁵⁸). «На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1.000 шатров на праздники своя, и велможи его в них же кормчествоваше, и пьюще, и веселящися всякими потехами царскими, честь празднику своему творяще; тако же и гражания вси, мужи и з женами гуляюще по их, пиюще в корчемницах царевых, покупающе на цены похлажахуся. Много же народу збирающися, Черемисы на праздники тыя с рухлом своим из далних улусов и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще. И в тех же корчемницах испивающе, веселящися царю и велможамъ его и всему достадному люду Казанскому – а ни ведающе они на себя ничего же – и праведного Николы чудотворца умолением, аки с небеси, падоша вои Руския на поганых варвар Казанцов и побиша напрасно Казанцов, ових же плениша, ини же во град со царем убежаша, ови же в лесы, кождо их избыти. И от великия тесноты во граде задыхахуся и задавляющися добре людие: аще бы три дни едины постояли у града вои Руския, тогда бы взяли град волею, без нужды. И ошастася на лузех стояща у града все царевы шатры и катарги велмож его со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом; воя же Руская от путного шествия нужного, уже аки взяша град Казань, и оставя дело Божие и приклонишася на дело диявольское – и начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися,

⁵⁶ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 172.

⁵⁷ Новгородская четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. С. 468, 536.

⁵⁸ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 54.

играти, и спати до полудня. Царь же ис стрельницы зряще с Казанцы безчинство Руских вои, безумного их шатания, и узна царь, яко все Руския воя пьяни, от мала и до велика, яко и до самих воевод, и помышляше же царь подобна искати времени, како бы напасти на Руских вои. И разгневая Господь на Руских вои, отня у них храбрость и мужество, и дал Бог поганому царю храбрость и мужество. В третий же день пришествия силы Руския х Казани, в 2 час дни, отвори царь врата градныя и выехав со 20.000 конными, а 30.000 пешцов, Черемисы злыя, и нападе на полки Руския. Руским же воям всем спящим, от труда путного опочивающим... И покрыся лице земли трупьем человеческим, поле Арское и Царев луг, кровию черленившися. И едва сами воеводы болшие возмогоша убежати, а иных же избиша, и на Русь прибегоша с великою тщетою, и много добре язвенных [сильно израненных] прибегоша». Многие русские воины утонули в оз. Кабан, рр. Волге, Булак и Казанке⁵⁹.

Татары ударили с двух сторон (как и в прошлых войнах, их конница оставалась вне стен города): из Казани и со стороны судов, куда заехала «потаённая» рать. Был бой, и, как обычно в таких случаях сетует русский летописец, «за грехи наши» побили татары воевод пеших и детей боярских. Многие русские люди были убиты на поле, кто-то утонул в Поганом озере, а кто-то попал в плен⁶⁰.

Разгром и бегство русских полков

Русские потери были впечатляющими. Автор «Казанского летописца» говорит о гибели 93 тыс. из 100 (что, конечно, есть многократное преувеличение, но всё же счёт должен был вестись на тысячи) и сравнил это с Мамаевым побоищем (Куликовской битвой)⁶¹. Были убиты даже трое больших воевод, один из которых (Дмитрий Васильевич Шеин, бывший некоторое время «наместником» в Казани при Мухаммед-Эмине в 1487 г.) был захвачен и умер

⁵⁹ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 26–28.

⁶⁰ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3; Илюшин Б.А. Казанский поход 1506... С. 99–101; Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 69–75.

⁶¹ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 26–28.

в плену от ран, или, быть может, казнён по велению хана (замучен «злогорькими муками», как написано в «Казанском летописце»⁶²).

В литовско-русской хронике Быховца написано о гибели многих русских судов от бури, разразившейся сразу после первого приступа к городу⁶³. В других источниках такие сведения отсутствуют, поэтому нельзя сказать, насколько оно соответствует действительности. При этом есть информация, что один из воевод русской судовой рати, действовавшей на Каме, утонул⁶⁴. Произойти это могло из-за несчастного случая с ним самим, в следствии морского боя с казанцами или катастрофы, вызванной непогодой (если буря пронеслась тогда над Казанским ханством и потопила русские суда на Волге и Каме).

После поражения в Москву воеводами был отправлен гонец, прибывший только 9 июня (видимо, задержался в дороге, или же первые дни воеводы не были уверены в посылке такой вести в столицу). В тот же день великий князь направил на подмогу к городу рать с князем Холмским, а брату передал строгий наказ дожидаться эту рать⁶⁵.

Всё это время русские ратники, видимо, как и в прошлые кампании ютились на Гостином острове на Волге (совр. островок Маркиз, сильно уменьшившийся после поднятия уровня реки в XX в.), где обычно проводилась ярмарка. Их можно было наблюдать с казанского берега.

Затягивание стоянки под боком у казанцев и истощение съестных припасов могли повлиять на последующие решения воевод, или же они снова проявили самонадеянность и неосмотрительность. И 22 июня, когда к Казани, преодолев волжский Перевоз ниже по течению, подошла конница князя Ростовского, все полки снова пошли на приступ и потерпели второе поражение, после чего обратились в бегство⁶⁶.

⁶² Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 9; История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 28.

⁶³ Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. С. 170.

⁶⁴ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. IV... С. 76–82.

⁶⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 389.

⁶⁶ Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. 28. С. 339; Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 75–78.

Вернее, обратилась в бегство конница, основную часть которой казанцы не преследовали, а судовая рать спешно поплыла против течения к Нижнему Новгороду. Мухаммед-Эмин направил погоню за конным отрядом во главе с неким «царевичем» (Джанаем – ?) и князем Фёдором Михайловичем Киселёвым, отступавшими Подем к Мурому. Хан, судя по всему, мог «иметь зуб» на Фёдора Киселёва за некоторые прошлые «обиды» (о чём говорилось выше). За 40 вёрст (примерно 42,6 км) до Суры казанцы нагнали отступающих, но были побиты⁶⁷.

«Казанская история» рисует мрачную картину разгрома под Казанью: русские воины «мечем посечени, ови же в водах сами напрасно истопоша, бегаюице от страха варварского. Волга утопшими людьми заграде, и озеро Кабан, и обе реки, Казань и Булак, наполнишася побитыми телесы христианскими и течаства по 3 дни кровию, и сверх людеи, аки по мосту, ездити и ходити Казанцом. И толик бысть плачь о сих паче того, еже бысть плачь о прежних побитых людей в Казани живушция Руси, понежи бо ту все падоша воинския главы избранныя, княжия и боярския, и храбрых воевод, и воин, яко же от Мамаи на Дону побитых. И обогатися Казански царь велми узорочьи безчисленными драгими, златом и серебром, и конми, и доспехи, и оружием, и полоном, и кто может число тому дати или счести или сметити, еже тогда взял Казански царь, точию гору златую»⁶⁸. Действительно, разгромив врага, казанцы и лично хан значительно обогатились и пополнили конный парк и запасы вооружения, пусть и пороченного (казанские ремесленники могли без проблем их починить). В руки татар попала часть артиллерии. Теперь её можно было попытаться приспособить на нужды обороны города.

Что сделали казанцы с таким в любом случае немалым количеством трупов – неизвестно. Оставить их на Арском поле и в озёрах было опасно для здоровья самих казанцев; к тому же по крайней мере часть из озёр представляла большую хозяйственную ценность (в системе озёр Кабан добывалась рыба для ханского двора). Казан-

⁶⁷ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 3–4; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. С. 216.

⁶⁸ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 26–28.

цы или бросили их в Волгу, или же где-то в районе Казани должно быть место захоронения⁶⁹.

Несмотря на большую численность, отработанную стратегию и опыт командования у большей части воевод, русские рати потерпели полное поражение. Причин было несколько: неопытность и отсутствие полководческих способностей у главнокомандующего – Дмитрия Жилки, попустительство других воевод (которые могли бы образумить князя), вероятно также излишняя самоуверенность и недооценка противника (после Казанского взятия 1487 г.). Отчасти виноват и сам великий князь, доверивший командование своему брату, несмотря на его неудачу 1502 г. Не менее важными факторами были решительность и высокий боевой дух казанских татар и черемисов, удачно осуществлённая военная хитрость и правильная стратегия – совместные действия войск, засевших в городе и оставшихся в поле, не позволивших начаться осаде.

Поиск союзников

Мухаммед-Эмин мог ликовать: он наголову разгромил сильно-го противника, дал отпор сыну того, кто десятилетиями указывал казанцам и менял их ханов по своему усмотрению. Как писал М.Г. Худяков, «две блестящих победы в 1506 г. дали полнейшее удовлетворение национальному самолюбию. Хан мог не опасаться упреков в измене родному народу: кто бы осмелился бросить ему обвинение после этих событий? ... Эта война... окружила Мухаммеда-Эмина ореолом победителя, укрепила его на престоле, прославила казанское войско и обогатила граждан добычей»⁷⁰.

Но М.Г. Худяков был неправ, считая Мухаммед-Эмина русофилом, остановившимся после этой бойни и постаравшимся уладить отношения с Русью. «Хан не являлся фанатиком; воспитанный и долго живший в России, он не питал к русским какой-либо вражды – это доказывают, как первое его царствование, так и дальнейшие годы. Вспышка антирусской политики обуславливалась у него не постоян-

⁶⁹ В связи с этим было бы интересно обследовать дно городских озёр Казани – там могли сохраниться какие-то артефакты и даже останки.

⁷⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 68–69.

ными взглядами, а желанием удовлетворить восточную партию и тем предохранить себя от вторичного низложения»⁷¹. Похожим образом характеризовал политику хана А.А. Зимин: «сам победитель Мухаммед-Эмин понимал временный характер своих успехов и стремился только к тому, чтобы добиться сохранения завоеванных позиций, и не помышлял о дальнейшем развитии событий»⁷².

Однако летом 1506 г. Мухаммед-Эмин так не думал. Напротив, окрылённый успехом хан снарядил посольство в Крымское ханство и Великое княжество Литовское с предложением военного союза против Московского государства⁷³.

Главой посольства, насчитывавшего 56 человек, был Аиким-Бердей. Через крымские владения они прибыли в Великое княжество Литовское, где ещё застали прежнего великого князя – Александра Казимировича (тот умер 19 августа). Посол привёз подарки от хана: атласную ткань на золоте и тесьму «черленую». В ответ он получил кунью шубу, крытую атласом, лисью шубу, отрезы сукна, серебряный ковш с 2 рублями без 6 золотников и коня. Одарили и его свиту: каждому дали дорогой ткани (по несколько отрезков разного сорта) и денег⁷⁴.

Мухаммед-Эмин через посла напомнил литовцам о прежней дружбе между великим князем литовским Витовтом (Витольдом, 1392–1430) и своим прадедом – Улу-Мухаммедом. Последовавший перерыв в отношениях между литовскими князьями и утвердившимися в Казани ханами объяснялся «приязнью» с Иваном III, окончившейся, когда последний «некоторые начал вчинки чинити» (видимо, имеются в виду какие-то притязания или указания 1505 г., после которых и случился русский погром в Казани). Далее следовал рассказ о майско-июньском разгроме брата Василия III и других воевод под Казанью. Великий князь московский Василий Иванович «прислал к нам войско свое; и мы тое войско, с Божью помочью

⁷¹ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 68.

⁷² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 78.

⁷³ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым... С. 167.

⁷⁴ Литовские упоминки татарским ордам... С. 55.

побили...». По заявлению послов, «десять тисечей людей его [Василия III – Б.И.] в наших руках померли»⁷⁵.

Литовцам предлагалось совместно с Крымом и Казанью атаковать Московию. Все три государства испытывали опасения из-за усиления Москвы, и удар с запада, юга и востока мог бы, по замыслу авторов проекта, положить конец посягательствам московских князей как на русские земли в составе Великого княжества Литовского, так и на Казань.

Новый великий князь литовский Сигизмунд отправил послом к крымцам некоего дворянина Сороку. От них тот должен был поехать в Казань. Послание к казанскому хану, судя по дошедшей документации, начиналось так: «Жигимонт, Божью милостью Король Польский, Великий Князь Литовский, Русский, Княжа Прусской, Жомойтский и иных, Тобе Магмет-Амину, Цару Казанскому, велел поклониться». Затем повторялись вести, сообщённые казанским послом и рассматривалась идея совместного удара по Московии, заинтересовавшая литовцев (они надеялись вернуть земли и города, захваченные у них Иваном III). В конце послания Мухаммед-Эмину говорилось следующее: «и если ты, брат наш, в правде стоишь, свое крепкое Царское слово полнишь, и ты бы перед тем нашим человеком присягу нам вчинил на том, штож приятелю нашему маеш быти приятелем, а неприятелю неприятелем, везде на всякого нашего недруга с нами быти заодин и как вжо дело свое с неприятелем своим почнешь, так бы еси нас без мешканья обослал»⁷⁶. В подарок казанскому хану Сорока вёз 13 локтей червленого на золоте аксамита⁷⁷, сукно, серебряную посуду и 3 рубля⁷⁸. Однако ответа от Мухаммед-Эмина Сорока не привёз, поскольку умер в Казани⁷⁹.

⁷⁵ Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 37; Волков В.А. Войны и войска... С. 53.

⁷⁶ Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 43–44.

⁷⁷ Плотная ворсистая, часто узорчатая ткань из шёлка и золотой или серебряной нити, напоминающая бархат.

⁷⁸ Литовские упоминки татарским ордам... С. 56.

⁷⁹ Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над

В феврале или марте 1507 г. литовский посол прибыл в Ливонию. От лица великого князя Сигизмунда он сообщил о прибытии крымского и казанского посольств, о планах по совместному нападению на Московию, а также о событиях под Казанью в 1506 г. По версии литовцев, казанцы сперва наголову разбили 40 тыс. москвитов, а затем ещё 50 тыс. (уже под командованием брата Василия III)⁸⁰. О конкретных потерях не сообщается, а численность разбитого войска преувеличена раза в четыре. Разумеется, Сигизмунд хотел тем самым убедить магистра в серьёзном ослаблении «москвиты» дабы склонить Ливонию к военному союзу. Но магистр, помня трудности войны с русско-татарскими войсками в 1501–1503 гг., отказался⁸¹.

Крымский хан Менгли-Гирей также был на стороне Мухаммед-Эмина. Как передавал его посол литовцам, «Василей князь Великий Московский нам присяги своей не сдержал, на Казанского царя без нашей воли войско пустил: и мы за тот его выступ присягу с себя сложили есьм»⁸². Старого хана беспокоило усиление Москвы и русское засилье в чингизидском юрте (Казани). Первого августа 1506 г. в Москву прибыли крымские послы – князь Казимир (Казы-эмир?) Кийат и Магмедша, и привезли шерстные грамоты о дружбе и о братстве, но, как осторожно замечает летописец, «не таковы как великому князю надобны». Василий III составил свой вариант и отправил с ним послов назад к Менгли-Гирею⁸³. Видимо, в привезённых грамотах крымский хан жёстко поставил условия «дружбы» между Крымом и Москвой, и касалось это Казани.

Хотя упорный отказ литовцев расправиться с их «почётным пленником» – бывшим ханом Большой Орды Шиг-Ахметом и врагом Менгли-Гирея, привел к грандиозному набегу крымских татар

войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы (18 июня 1516)... С. 921–922.

⁸⁰ Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 37; Посольство польскаго короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу... Док. 15. С. 13–14.

⁸¹ Пенской В.В. От Нарвы до Феллина... С. 16.

⁸² Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 28.

⁸³ Продолжение по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т.8. С. 247.

на Киевщину, Подолье и Волынь летом – осенью 1506 г., крымский посол присутствовал вместе с казанским на церемонии восхождения на трон нового великого князя литовского⁸⁴. Более того, ему (Сигизмунду I) Менгли-Гирей даже выдал ярлык на владение несколькими русскими городами – причём как недавно захваченными у литовцев Иваном III, так и имевшими отношение к ВКЛ весьма формальное или никакое – Новгород, Тулу, Рязань, Псков и др.⁸⁵

Таким образом, вокруг Московского государства начинал складываться опасный военный союз, в чём важную роль играл казанский хан. Вряд ли тут сказалось какое-то влияние Менгли-Гирей: источники рисуют действия Мухаммед-Эмина вполне самостоятельными, да ещё он был в союзе с ногаями, отнюдь не дружественными Крыму.

Этого-то важного союзника Казани Василий III и попытался отговорить от военной поддержки Мухаммед-Эмина. В грамотах, адресованных ногайским лидерам, он заочно упрекал Мухаммед-Эмина: «Да ведаете сами, сколько добра отец наш да и мы Магмед-Аминю царю чинили и как есмя его на Казани учинили. И он, забыв бога да и свою душу, наше добро и свою правду, да нам много лиха учинил и недругом ся нам учинил»⁸⁶. Однако послы доехали только до Алчагир-мурзы. Тот, имея немалые амбиции и значительную воинскую силу, не пустил посольство ни к формальному главе ногаев – бию Хасану, ни к Алач-мурзе (племяннику Мусы)⁸⁷. Алчагир отправил послов назад с ответом, хотя и учтивым, но не таким положительным, как рассчитывали в Москве: «А с казанским царём учнешь миритися, усердствовати рад есмя, и тогды в правом братстве будем». Впрочем, о помощи Мухаммед-Эмину Алчагир также ничего не сказал.⁸⁸

⁸⁴ Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым... С. 165–166.

⁸⁵ Филошкин А.И. Василий III... С. 118.

⁸⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 55–56; Моисеев М.В. «Казанский вопрос»... С. 108.

⁸⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской орды... С. 143.

⁸⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 57.

Переговоры и заключение мира (1507–1508 гг.)

Хотя лето и осень прошли для Московского государства в тревоге и ожидании нового вторжения, для противодействия которому были отправлены полки в пограничные города, военные действия не возобновились.

Возможно, сказалась потеря союзника – Ногайской Орды. В ней после смерти авторитетного Мусы не было единства, а в 1508 г. вообще случились междоусобные столкновения. К осени 1506 г. Менгли-Гирей склонился было к союзу с Великим княжеством Литовским. Этому способствовали такие факторы, как отсутствие общего с Москвой врага (Большая Орда была добита в 1502 г.), близость к Казанскому юрту в династическом, культурном, религиозном и историческом аспектах, громкая победа Мухаммед-Эмина. Крым вёл интенсивные переговоры с литовцами, которые планировали совместный поход на Великое княжество Московское весной 1507 г. Великий князь Сигизмунд допускал возможность уладить дело миром, если Василий III вернёт литовско-русские города, для чего просил Менгли-Гирея надавить на Москву⁸⁹. В итоге совместный поход на Московию так и не произошёл, Крым и Вильно тянули с ним, тем самым упустив удобный момент. Начавшаяся в 1507 г. русско-литовская война показала силу русской стороны, а набег крымцев на русские окраины был отбит. Таким образом, план по совместному удару по Московии литовцев, ливонцев, крымцев и казанцев так и не был реализован.

В марте 1507 г. от Мухаммед-Эмина в Москву прибыл доверенный человек Абдула с грамотой, и бил челом о том, «чтоб князь великий пожаловал, проступку его ему отдал, а взял бы с ним мир». Уже 25 марта Абдулу отпустили обратно в Казань. С ним поехал Алексей Лучин. Хану нужно было напомнить о задержании посла «с товарищи». Освобождение посла было важным пунктом в переговорах.

Затем от хана в Москву поехал Бозек бакши («дьяк», т.е. секретарь). Он передал, что Мухаммед-Эмин бьёт челом о том, чтоб великий князь взял с ним мир по старине и дружбе, как было при

⁸⁹ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым... С. 167–168.

Иване III. Кроме того, хан обещал отпустить и посла, и военнопленных. Василий III обсудил ситуацию с братьями и боярами. Как сообщает летопись, было решено пойти на мир с Казанью ради христиан, томившихся в плену и страдавших из-за войны. Насколько это соответствовало действительности, сказать трудно. Вместе с Бозеком в Казань был послан дьяк Елка (Елизар⁹⁰) Суков с сообщением: для мира нужно отпустить посла и отправить «доброго человека» в Москву для переговоров.

После этого хан отпустил Михаила Кляпика и русских купцов, захваченных на торгу. Вместе с послом они вернулись на Русь. С ними или следом в Москву приехал казанский посол – Бараш-сеид (бить челом о мире, братстве и дружбе, как было при Иване III)⁹¹.

Хотя шли переговоры, русские полки были выдвинуты на восток на случай казанского вторжения⁹².

Бараш-сеид выехал с Москвы 8 сентября 1507 г. С ним в Казань ехали великокняжеский посол – боярин и окольничий И.Г. Поплевин и дьяк Алексей Лукин со свитой⁹³. В январе 1508 г. («лета 7016») И.Г. Поплевин вернулся из Казани, привезя шертные грамоты. По ним хан давал шерт о дружбе и братстве, как было при Иване III⁹⁴. Кроме того, Мухаммед-Эмин отпустил военнопленных⁹⁵ (М.Г. Худяков ошибочно писал, что были отпущены только купцы, а военнопленные остались⁹⁶).

Привоз шертных грамот, можно сказать современным языком, означал ратификацию нового мирного договора (по старым условиям). Текст «докончания» не сохранился, но можно приблизительно восстановить его содержание. Основные пункты такие: 1) не воевать против Москвы и не заключать союз с её противниками, 2) не сажать на ханство лиц, не согласованных с Москвой, 3) соблюдать

⁹⁰ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 379.

⁹¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 5.

⁹² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 112; РК 1605. С. 98.

⁹³ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 6.

⁹⁴ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 5–8.

⁹⁵ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 382.

⁹⁶ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 68.

интересы русских людей и других подданных великого князя Московского на территориях ханства⁹⁷.

Пойти на переговоры при возврате к прежнему докончанию Василий III вынужден был не только из-за тяжести поражения под Казанью, но и по причине назревающей войны с Великим княжеством Литовским и Русским, а также из-за позиции Крыма. В марте 1507 г. (в том же месяце, когда из Казани приехал Абдула) прибыло литовское посольство с требованием возврата захваченных Иваном III литовско-русских городов и угрозой войны в случае отказа. Как отмечали И.И. Смирнов, а ранее – ещё С.М. Соловьёв, приезд литовских послов вынудил Москву столь быстро и без традиционных долгих препирательств пойти на мир с ханством. Литовцы приехали 21 марта, а уже 25 марта Василий III отпустил казанского посла с ответом о мире при известных условиях⁹⁸. Из Крыма также, судя по поздним документам, прибывали послы с требованием помириться с Казанью⁹⁹.

Почему же Мухаммед-Эмин, несмотря на такую победу над русским воинством, так скоро запросил мира? Примирительная позиция Крыма тут не могла быть определяющей: Менгли-Гирей в 1506 г. приказывал отступить от войны Василию III, а сам готовил союз с Литвой, да и набег крымцев на московские окраины состоялся уже после начала московско-казанских переговоров. В полученной от Нур-Султан в Москве в 1509 г. грамоте приводились её «поучительные речи» царственному сыну: «А которые тебя [Мухаммед-Эмина] на лихо учинили и которые тому лихому делу помочь учинили, тех есмя слуг видели, великого князя Иванова хлеб соль им не попустила, божий гнев на них пришёл, да их потребил»¹⁰⁰. Исходя из этого, а также литовских документов о посольстве к Мухаммед-Эмину, авторы раздела в «Истории татар...» делают предположение, что в Казани произошёл переворот, а настроенные на войну с Москвой представители знати и литовский посол Сорока были убиты¹⁰¹.

⁹⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 52.

⁹⁸ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 22–23.

⁹⁹ Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма // Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. Док. 4. С. 77–78.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ История татар... С. 302.

Мухаммед-Эмин мог как-то переосмыслить ситуацию, мог удовлетвориться достигнутым, опасаясь новых вторжений. Смерть литовского посла, возможно, не позволила вовремя договориться с литовцами о совместных действиях, а в ногайских степях назревала смута. Д.А. Котляров полагает, что даже «неудачный поход 1506 г. продемонстрировал казанцам всю мощь вооруженных сил Русского государства, превосходившего казанское войско и численно и в отношении вооружения»¹⁰². Хотя последующие десятилетия показали, что в условиях военной угрозы со стороны Крыма и Великого княжества Литовского Москве было трудно решать и проблемы с Казанью, которые начались после первого воцарения в ней крымского Гирея – Сахиба (1521 г.). Так что однозначно ответить на данный вопрос затруднительно.

Последствия войны

Трудно однозначно сказать, какими были последствия войны для Казанского ханства. С одной стороны, казанцы показали Москве, что не потерпят прежнего русского засилья, а Василий III впредь и не пытался развязать новую войну с Мухаммед-Эмином. Ханство ждало 15 лет мира (если считать от окончания военных действий в 1506 г.). С другой – немалые, видимо, людские потери. Более того – прямое вмешательство Москвы в дело выбора преемника Мухаммед-Эмина при непосредственном участии прорусской «партии» показало непрочность достигнутой независимости.

Для ногаев и сибирских Шибанидов Казанский юрт оставался вассалом Москвы. В августе 1508 г. в составе ногайского посольства приехал Ак-Девлет – сын Ак-Курта и внук одного из бывших сибирских ханов – Ибака или его брата Мамука. Он интересовался возможностью выезда отца на службу к великому князю за испомещение в Мещерском юрте (Касимове) или Казани. Но Ак-Девлету ответили, что «ино казанский царь Махмет Аминь ныне

¹⁰² Котляров Д.А. «Служащий царь»... С. 28.

нам друг и брат, а в городке Мещерском Янай царевич»¹⁰³, так что Ак-Курту негде было сесть по статусу. Иными словами, Казанский юрт тут фактически приравнен в глазах москвичей и ногаев к Мещерскому юрту (сугубо подконтрольному Москве административному образованию). Такое же положение Казани отводили московский великий князь и дипломаты в переговорах с литовцами в 1517 г.: «ещё было от прародителей наших и предкех наших и при отце нашем и ныне при нас, в наших государствах по тем местом живут цари и царевичи нашим жалованьем, да иным многим царем и царевичем, которые нам служат, даём в своих государствах места своё жалованье»¹⁰⁴. Более того, в 1517 г. в заявлении литовцам великий князь московский договорился до того, что казанские цари исстари ставились на царство его предками, даже, якобы, Алегам был посажен в Казани «милостью» Ивана III!¹⁰⁵

Тем не менее, как справедливо подчёркивал И.И. Смирнов, несмотря на мир «по старине», в данном случае вряд ли можно говорить о сохранении зависимости Казани от Москвы, как было при Иване III. На следующие десять лет ханство избавилось от контроля со стороны русских послов, приставов и самого Кремля, о чём писал и Сигизмунд Герберштейн («казанцы отложились от государя московского»)¹⁰⁶. С этим согласен и С.Х. Алишев: «Речь идет здесь только о братских (то есть равноправных) и дружеских отношениях. После этих событий при Мухаммед-Эмине мы не видим ни советчиков-воевод, ни русского отряда воинов»¹⁰⁷.

¹⁰³ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 78, 83.

¹⁰⁴ Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство... С. 134; Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича... Док. 85. С. 530.

¹⁰⁵ Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу... // Сборник РИО. Т. 35. Док. 85. С. 530–531.

¹⁰⁶ Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 23.

¹⁰⁷ Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 54.

Эхо громкой победы над «неверными» долетело и до Средней Азии: поэт и узбекский хан Мухаммед Шейбани посвятил этому событию стихотворение¹⁰⁸.

Таким образом, решительность, удачная стратегия и военная хитрость казанцев и их хана при безалаберном командовании и недисциплинированности русских воев привели к фактическому, хотя и сравнительно непродолжительному освобождению ханства от власти инородцев. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, будто Мухаммед-Эмин был слабохарактерным и неспособным к самостоятельному правлению¹⁰⁹. Всё-таки источники рисуют именно его зачинателем войны, пусть и якобы находившимся под влиянием «лихих людей»; думается, он вполне осознанно пошёл на это и смог сделать то, что не удавалось казанским правителям в течение трёх десятилетий – победить большое русское войско.

Вообще, в историографии и, кажется, некоторых более поздних нарративах встречается мнение, что правление Мухаммед-Эмина было чем-то вроде золотого века в истории ханства¹¹⁰. Вот и придворный мастер Насыри, живший и работавший в конце XV – начале XVI вв. оставил на изящном латунном кувшине надпись, восхваляющую хана Эмина (а также его военачальника – некоего Кубика). Причём она включает поэтические строки на татарском (в адрес военачальника), и пожелания хану в прозе на персидском языке¹¹¹.

¹⁰⁸ История татар... С. 13. Примечание и ссылка на: Togan Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1981. С. 133. К сожалению, нам не удалось найти текст стихотворения. В издании говорится о победе над войсками Василия III в 1505 г.

¹⁰⁹ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 225–226.

¹¹⁰ Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея... С. 34.

¹¹¹ История татар... С. 536, 635; Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар... С. 26; см. также Хэйри Э. Жиз савытка язылган борынгы язү // Мирас. 1994. №11–12.

Большим везением можно считать то, что этот интересный артефакт сохранился и попал в руки исследователей...

Избавился Мухаммед-Эмин, видимо, и от русского контроля над своей перепиской с другими правителя. Однако в контактах с Крымом возникли иные трудности – ногаи враждовали с крымцами и грабили крымских гонцов, о чём в конце 1508–1509 гг. сообщал великому князю Менгли-Гирей. Ещё ранее от Мухаммед-Эмина в Крым приехал доверенный человек – Абдулла (видимо, тот же, что участвовал в переговорах с Василием III) и просил прислать в Казань барса (тигра или леопарда). Однако, как сообщал Менгли-Гирей, барса у него в ту пору не было, а на юге, где водился этот зверь, шла война. Поэтому Абдула отправился обратно, но его сопровождал посланец крымского хана, Абелек, которому было поручено спросить о здоровье Мухаммед-Эмина. Ехать они должны были через русские владения. Тогда же к Мухаммеду-Эмину должен был прибыть человек от крымского «царевича» Мухаммед-Гирея (сына Менгли) с запечатанным письмом¹¹² (судя по русскому документу, оно не подвергалось досмотру при «транзите»).

В ответ Мухаммед-Эмин также отправил в Крым посла Курман-дербыша справиться о здоровье Менгли-Гирея, а к «царевичу» Мухаммед-Гирею – Тюнюша¹¹³.

На протяжении всего московско-казанского конфликта крымский хан занимал явно антимосковскую позицию, поддерживал Мухаммед-Эмина и призывал Василия Ивановича с ним примириться. Однако всё ограничивалось в основном гневными письмами. На открытый конфликт крымцы долго не решались, не только опасаясь больших потерь, но и не имея уверенности в том, что крымско-московский союз себя изжил. К тому же в русском плену оставался

¹¹² Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с князем Магметшой с товарищами // Сборник РИО. Т. 95. Док. 2. С. 29–30, 34–35.

¹¹³ Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма... // Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 75–76.

Абдул-Латиф. Он провёл 1502–1508 гг. в белоозёрской ссылке, но потом был отпущен для улучшения отношений с Крымом.

Особенно должна была ратовать за улучшение отношений между Крымским, Казанским юртами и Москвой Нур-Султан. Среди грамот, полученных в Москве 12 сентября 1509 г. из Крыма, была и одна от Нур-Султан. В ней она благодарила за отпуск из ссылки Абдул-Латифа и сообщала о посылке «поучительных слов» Мухаммед-Эмину. Из текста документа следует, что ранее крымские «царь» и «царица» приказывали Василию III отпустить Абдул-Латифа и помириться с Мухаммед-Эмином. Ныне же Нур-Султан поучала казанского хана так: «И ты потому себя помысли, лихих людей и речей не слушай, моё поучение у себя в мысли крепко удержи, с братом своим с великим князем с Василием мысль ваша не пряма будет, ино и от царя твоего к тебе сердце не прямо будет, тамо от брата от своего от великого князя Василия отстанешь, а здесь от царя от отца своего отстанешь, тебе которое добро будет?». Далее идёт обращение к Василию Ивановичу: «И ныне у тебя, у брата своего у великого князя, прошение наше то: межи вас лихих людей речи откинув, день от дни з братом своим с Магмед-Амином царём дружбы и братства прибавляйте, а яз бы, послышав, весела и радостна была». Посланник с поучительными речами (Бетей) и посол от Менгли (Идрис) ехали в Казань через Москву в сопровождении возвращавшихся людей Мухаммед-Эмина¹¹⁴.

В Московском государстве не были уверены в долгом сохранении мира на восточной окраина, и в 1508–1509 г. в Нижнем Новгороде разворачивается интенсивное строительство нового, каменного кремля для обороны от возможных казанских нападений. Опасение эти, как потом оказалось, были обоснованными¹¹⁵.

¹¹⁴ Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма... // Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 77–78.

¹¹⁵ Селезнёв Ф.А. История Нижегородского края... С. 150; Пудев А.А. О дате закладки Нижегородского кремля XVI в.

Интересно, что в новой шертной грамоте от Абдул-Латифа имеются слова о запрете посылать ему своих мурз и казаков в набеги на казанские земли¹¹⁶. Говорит ли это об имевшихся в казанско-московских отношениях проблемах мелких конфликтов в приграничных землях или это место лишь формальность и включено в документ по традиции? ...

Вообще, эта война с Казанью, судя по всему, заняла значительное место в общественном сознании нескольких последующих десятилетий и отразилась в русском фольклоре, хотя и была затменена последующими конфликтами¹¹⁷.

¹¹⁶ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с князем Магметшой с товарищами (октябрь 1508 – январь 1509 гг.) // Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895 г. Док. 3. С. 51.

¹¹⁷ Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России...; *Он же*. О ком плачет часовой?... С. 29–30; *Он же*. Отражение взаимоотношений Руси со Степью в памятниках русского фольклора... С. 61–79, 92; Илюшин Б.А. «Война лета 7014»... С. 103–106.

ГЛАВА VII. СПОКОЙНЫЕ ГОДЫ

Приезд Нур-Султан

Проживавшая в Крыму престарелая Нур-Султан тосковала по сыновьям. Переписка с ними, хотя и велась, протекала очень медленно из-за больших расстояний и перипетий жизни казанских султанов. Наконец, Нур-Султан решилась на долгое, трудное и опасное путешествие: она отправилась сперва на Русь, а затем в Казань.

Случилось это после нормализации отношений между Крымом, Москвой и Казанью, весной 1510 г. Сопровождали Нур-Султан свита и охрана, а также девятилетний пасынок – Сахиб-Гирей.

В Москву царицын поезд прибыл 21 июня¹ или июля². Там мать уже встречал Абдул-Латиф, не видевший её около 15 лет. Она не задержалась в Москве надолго, и 20 августа выехала в Казань³, куда должна была прибыть до середины сентября. Впервые за 30 с лишним лет она увидела старшего сына и казанскую землю, где прожила большую часть своей молодости.

Как произошла эта необычная встреча матери с сыном спустя долгие годы разлуки? Что они оба могли чувствовать, о чём думать? Последний раз Нур-Султан видела Мухаммед-Эмина, когда тот был ещё почти ребёнком. Теперь же это был зрелый мужчина. Более того, он был ханом, правителем Казанского юрта, основанного его прадедом. Он был правителем, разгромившим русское воинство в 1506 году. Мухаммед-Эмин был женат, имел двух жён, правда детей от них не было, или же они рано умерли.

¹ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 391.

² Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 13.

³ В книге Р.Ю. и И.Н. Почекаевых ошибочно написано, что 20 августа Нур-Султан в Казань приехала [Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 227].

Есть предположение, что Нур-Султан, зная о бездетности сыновей, представила в качестве наследника казанского престола папынка – Сахиб-Гирея (разумеется, в Москве об этом не знали)⁴.

Пробыв в Казани около 9 месяцев, ханша отбыла в Москву, куда приехала 22 июня 1511 г. Тут она задержалась с младшим сыном, и выехала в Крым только 5 декабря⁵.

Худой мир

Беседы с матерью, позиция Менгли-Гирея, трезвая оценка соотношения русских и казанских сил, а также успехи московских войск в войне с Великим княжеством Литовским должны были определять всё более смягчающуюся позицию Мухаммед-Эмина в отношении с Великим княжеством Московским.

Зимой 1511/1512 гг. в Казань из Москвы прибыл в качестве великокняжеского посла боярин И.Г. Морозов с дьяком А. Харламовым. Они привезли хану шертную грамоту, данную ранее на Москве ханским послом Шаусейн-сеитом (Шах-Хусейн-сеидом). Видимо, такой вариант договора устраивал великого князя, и теперь Мухаммед-Эмин должен был её подтвердить. Что тот и сделал: «И в Казани царь Магмет-Аминь перед великого князя послы на той грамоте шерть дал, и мешень свою к ней приложил». Под «мешенью» подразумевается ханская печать – *нишан*. Образцов печати Мухаммед-Эмина не сохранилось, но известна печать другого казанского хана – Сахиб-Гирея (крымского, временно правившего в Казани в 1521–1524 гг.). Она имела квадратный штампель со стороной 13,5 см, внутри которого имелась надпись, но, в отличие от известных крымских печатей, отсутствовал герб Гиреев⁶.

На одной из миниатюр Лицевого свода, созданного при Иване Грозном, изображена дача шерти Мухаммед-Эмином. Подобных

⁴ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 227.

⁵ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 391, 393; Никонская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 13.

⁶ Никонская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 14; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства... С. 220.

сцен в книге несколько, и они, вероятно, отображают особенности ритуала присяги у татар в XVI в. Существовало несколько его разновидностей. На рассматриваемой миниатюре хан присягает на земле (?), кучка которой лежит перед ним на столе, двух клинках (на железе?) и на воде (?), которую он пьёт из сосуда⁷.

После нескольких лет, прошедших с войны, Мухаммед-Эмин уже не помышлял о противоборстве с соседом, только беспокоился о сохранении мира и существующего положения. Поэтому 8 февраля 1512 г. в Москву от хана приехал бакши («дьяк») Бозюк, передавший его просьбу о присылке в Казань верного человека великого князя, которому можно было поведать о нынешнем видении войны 1505–1506 гг. Мухаммед-Эмин хотел видеть у себя именно боярина Ивана Андреевича Челяднина. Василий III отправил Челяднина в Казань в сопровождении дьяка Е. Сукова и ещё нескольких человек.

Мухаммед-Эмин заверил Челяднина в своих намерениях впредь быть с великим князем «в шерти и в вечном миру и в дружбе». Вполне возможно, русская летопись честно передаёт настроение хана, сожалевшего о том, что между Казанью и Москвой было «лихое дело». Вернулся в Москву «верный человек» Челяднин уже в марте и в сопровождении ханского посла Шаусейн-сеита. По этому случаю в летописи говорится, что Мухаммед-Эмин «мир вечной взяли с великим князем и любовь неподвижму, доколе Бог даст»⁸.

Но, несмотря на заключение вечного мира между Мухаммед-Эмином и Василием III, некоторое напряжение на границе двух государств имелось. В 1513 г. на пограничную Суру даже были выдвинуты русские полки на случай прихода казанских людей⁹. А между Галичем и Вяткой чинили разбой подданные Казани – северные черемисы (марийцы)¹⁰. Однако сколько-нибудь значительных столкновений, видимо, не наблюдалось.

Разгром московских войск под Казанью способствовал росту реваншистских настроений у литовцев, однако последовавшая в

⁷ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник... С. 128.

⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 394.

⁹ РК 1605. С. 131, 156; История татар... С. 302.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 162.

1507–1508 гг. московско-литовская война показала значительное военное преимущество Москвы. Новая война вспыхнула через шесть лет. Великий князь Сигизмунд не хотел отказываться от плана многостороннего удара по Московии. Поэтому в 1514–1516 гг. он направил к Мухаммед-Эмину гонцов с посланиями и просьбой о военном союзе.

В письме от 18 ноября 1514 г. Сигизмунд писал казанскому хану о том, что Василий III без причины напал со всем своим воинством на земли Великого княжества Литовского, но был бит и заключил мир, который затем нарушил, и снова потерпел поражение (имеется в виду разгром под Оршей летом 1514 г., после чего, видимо, литовский князь воодушевился на активную борьбу с Московией с привлечением соседей). Сигизмунд просил Мухаммед-Эмина быть с ним на этого недруга заодно, т.е. предлагал военный союз, в рамках которого предполагалось нанесение ударов по Московскому государству с запада и востока. Причём в случае посягательств москвитов на одну из сторон союза, другая должна была атаковать их с тыла и «чинить škоды»¹¹.

Ответа, видимо, не последовало, и в июне 1516 г. Сигизмунд отправил в Казань более пространное письмо, в котором напомнил, что именно Мухаммед-Эмин сам присылал в 1506 г. Аиким-Бердея, вспоминал об отношениях Витовта и Улу-Мухаммеда, описывал победу над князем Дмитрием и предлагал Вильне союз. Сигизмунд писал, что тогда его посол Сорока умер, но были и другие послы, которые, правда, тоже ничего не добились. Повторяя свои прежние обвинения Василия III в вероломстве, литовский государь предлагал Мухаммед-Эмину совместно бороться с ним, и даже допускал захват казанцами Нижнего Новгорода и взимание дани с Московии (чего, правда, никогда не бывало)¹².

¹¹ Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы [18 ноября 1514] // История татар... С. 920.

¹² Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы [18 июня 1516] // История татар... С. 921–922.

В итоге, как Сигизмунд не старался, антимосковского союза не получилось – ни Мухаммед-Эмин, ни ливонский магистр не горели желанием испытать новое нашествие многочисленных ратей московского князя.

В апреле 1515 г. скончался крымский хан Менгли-Гирей. Это была крупнейшая фигура на политической карте Восточной Европы последних тридцати с лишним лет. Он оставался в более-менее мирных отношениях с Великим княжеством Московским, несмотря на некоторые противоречия и эксцессы последних лет, а также покровительствовал Мухаммед-Эмину. До Казани скорбная весть могла дойти не ранее лета.

После смерти мужа Нур-Султан утратила прежнее высокое положение, а её брат Хусаин даже перебрался в Казань, подальше от недоброжелательного хана Мухаммед-Гирея¹³. Однако «царица» продолжала переписываться с Василием III и сыновьями.

«Смерть настигнет вас, где бы вы ни находились»¹⁴

В 1515 или 1516 гг. Мухаммед-Эмин тяжело заболел (хотя проблемы со здоровьем, возможно, начались и раньше – вспомним, что ещё несколькими годами раньше об этом вопросе должен был разузнать крымский посол). Написанный несколько десятилетий спустя «Казанский летописец»¹⁵ объявляет это божьим наказанием за восстание против великого князя и разгром его войска. Почему оно так запоздало, автор не придумал, но достаточно подробно описывается сам недуг: «порази его Бог язвою неисцелимою от главы, и люте боляше, 3 лета на одре лежаша, весь кипя гноем и червми, и врачеве же и волхвы ево не возмогоша от язвы тоя исцелити, ни царица прелстившия его, ни болшия его рядцы, смрада ради злаго, исходящего от него. И все смерти его желающе; токмо те вхожаху к нему, неволею царя кормити приставленные его, но хотяху скоро бежати от постелница его, ноздри свои заемши». Далее автор при-

¹³ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 228.

¹⁴ Коран. Сура 4.

¹⁵ Для оправдания захвата Казанского юрта и русской колонизации среднего Поволжья, т.е. весьма пристрастный.

писывает Мухаммед-Эмину покаяние за выступление против великого князя, чей отец взял Казань, отняв её у Алегамы, и передал ему, «варвару»¹⁶.

Конечно, опасно заболев, суеверный человек мог подумать, что это – наказание за грехи. Но уж очень заявление и без того заведомо ангажированного источника схоже с официальной, идеологизированной позицией Москвы по казанскому вопросу. Да и мог ли Мухаммед-Эмин считать свои действия на престоле – грехом? ...

Зато более точные сведения мы знаем из дипломатической переписки между Москвой, Казанью и Крымом.

Кстати, не факт, что пронизанный библейскими аллюзиями «Казанский летописец» рисует реальные симптомы болезни хана, а не очередную фантазию. Конечно, под такое описание подходит ряд тяжёлых болезней – проказа, какая-то форма рака, но современных событиям данных о проявлении болезни хана у нас нет.

К весне 1516 г. недуг уже совсем разобрал Мухаммед-Эмина. Видимо, ему уже трудно стало заниматься государственными делами, и он «одиначества своего для» стал просить великого князя отпустить к нему в товарищи его брата – Абдул-Латифа. С таким запросом поехали ханские послы во главе с Шаоусен-сеитом (Шах-Хусейн-сеитом), бием Шах-Юсуфом и бакши Бозюком. В Москву они прибыли в июне и сообщили, что «вся земля Казанская» бьёт челом великому князю об отпуске Абдул-Латифа, ведь у Мухаммед-Эмина не было сыновей, других братьев, а теперь и здоровья. Одновременно казанцы направили гонцов в Крым, прося повлиять на Москву, грозя, в противном случае взять себе хана хоть из Астрахани, нелояльной Москве и враждебной Крыму.

Василий Иванович, вроде бы начал этот вопрос решать, и направил в Казань видных послов – окольничего М.В. Тучкова и оружейничего М.И. Карпова с дьяком И. Телешовым. После переговоров они вернулись в Москву, а с ними, видимо, снова поехал Шах-Усеин-сеит.

Узнали о просьбе Мухаммед-Эмина с казанцами и в Крыму, и также принялись просить московского государя за братьев. С при-

¹⁶ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 28–29.

бывшим в ноябре посольством среди прочих вопросов рассматривался и этот. Об отпуске Абдул-Латифа в Казань просили хан Мухамед-Гирей, Нур-Султан и калга (второе лицо в Крымском ханстве) Ахмат-султан. В ответ крымцам великий князь дал туманное обещание этот вопрос вскоре решить.

О здоровье Мухаммед-Эмина беспокоилась прежде всего мать, а также Сахиб-Гирей, которые той же осенью послали своих доверенных в Казань проведать его¹⁷.

В мае 1517 г. вопрос об отпуске Абдул-Латифа ещё «решался». Василий III, видимо, тянул время, заявляя, что без вехом Мухаммед-Гирея Абдул-Латифа в Казань не отпустит, на что тот отвечал, что всегда «за», как был и его покойник-отец, да и мачеха (Нур-Султан) ему докучает по этому делу¹⁸.

Наконец, Абдул-Латиф был отпущен от великого князя (при дворе которого он был на положении почётного пленника), но не в Казань, а в Каширу, которую ему с сёлами дали на прокорм. Однако уже в ноябре 1517 г. Абдул-Латиф неожиданно скончался, о чём тут же было сообщено в Крым. В грамоте крымскому хану и Нур-Султан Василий III скорее всего лукавил, заявляя, что собирався

¹⁷ При издании документов №22, 23 были допущены ошибки в датах. В док. 22 они переведены с мусульманского на христианский календарь с ошибкой: 922 г.х. это не 1517, 1516 от Р.Х. Отсюда ошибка и с док. 23, хотя в нём на стр. 414 указан декабрь лета 7025, что соответствует именно 1516 г. В библиографических данных мы оставили оригинальную ошибочную датировку: Бумаги посольства к великому князю Василью Ивановичу от царя Магмет-Гирея с Авдыл-Авель-Шихом с товарищами // Сборник РИО. Т. 95. Док. 22. С. 386, 388–389, 390, 392, 395; Отпуск от великого князя Василия Ивановича посольства Ильи Челищева к царю Магмет-Гирею в ответ на посольство Авдылавельшиха // Сборник РИО. Т. 95. Док. 23. С. 406, 411, 415–416; Летописный свод 1518 // ПСРЛ. Т. 28. С. 351.

¹⁸ Приезд из Крыма казаков великого князя с грамотами от Василия Шадрина и Ильи Челищева и бумаги посольства к великому князю Василию Ивановичу от царя Магмет-Гирея с Кудояром князем // Сборник РИО. Т. 95. Док. 25. С. 444.

отпустить Абдул-Латифа в Казань, теперь был с ним в дружбе, но вот де по божьему промыслу того не стало¹⁹.

Конечно, внезапная болезнь действительно могла погубить нестарого ещё «царевича» (при том то уровне медицины), но... Много лет великий князь был глух ко всем просьбам выпустить Абдул-Латифа из ссылки, отпустить в Крым. В связи с болезнью Мухаммед-Эмина бывший казанский хан был будто бы освобождён и получил Каширу, но подозрительно быстро умер. Возможно, его устранили по велению великого князя²⁰, поскольку опасались озлобленного на бывших тюремщиков хана, уже успевшего показать себя не самым верным вассалом.

Мухаммед-Эмин должен был получить скорбную весть раньше, чем мать. Он, возможно, испытывал какие-то братские чувства к умершему, хотя они за всю жизнь почти и не виделись. Ещё вероятнее, что эта внезапная кончина поставила его в тупик – некому стало передать отцовский трон. У него ещё оставались на Руси братья, но они все были крещены и не могли быть ханами.

Известно, что в лето 7026 (1517/1518 гг.) от Мухаммед-Эмина в Москву прибыл посол Шахбердей по каким-то вопросам (возможно, с распросами о судьбе брата). В ответ в Казань был направлен Иван Филиппов сын Наумов²¹.

Видимо, больной хан терял контроль над подданными, и черемисы с татарами продолжали совершать набеги на русские окраины. По крайней мере, известно, что летом 1517 или 1518 гг. на Суру выдвигались русские полки «для козанских людей приходу»²². Возможно, это было в 1518 г., и сделано было в ожидании негативной реакции Мухаммед-Эмина на смерть брата.

...Лето 924 года Хиджры окончилось. Русские в это время отмечали начало нового года, встречали «лето 7027-е от Сотворения».

¹⁹ Отправление великим князем Василием Ивановичем в Крым грамот со своими казаками // Сборник РИО. Т. 95. Док. 28. С. 488.

²⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 72; Смирнов И.И. Восточная политика... С. 25; Алишев С.Х. Казань и Москва... С. 57. В историографии, однако, существует и противоположное мнение.

²¹ Опись архива Посольского приказа... Л. 365. С. 226.

²² РК 1605. С. 156.

Прошло ещё несколько месяцев, таких же болезненных для казанского хана, как и все последние годы. Голые леса занесло снегом – пришла зима, месяц зу-ль-када. А 29 декабря 1518 г. в Москву из Казани прибыл посол Кулдербыш (Кул-Дербыш) с грамотой от сеита, уланов, князей, мирз, шихзад²³, карачей, мулл, и от всех казанских людей. В ней сообщалось, что «Божия воля сталася, Магмет-Аминя, царя Казанскаго, в животе не стало»²⁴.

Летом гонец со срочной вестью мог добраться от Казани до Москвы за 11 дней²⁵. Думается, что зимой путь занял раза в два дольше, к тому же послание составлено было скорее всего не сразу, поэтому можно предположить, что Мухаммед-Эмин скончался в начале декабря, или даже конце ноября.

В летописи утверждается, что казанцы просили у великого князя дать им нового хана. Для решения данного вопроса 6 января 1519 г. в Казань выехал русский посол Михаил Юрьевич с дьяком И. Телешовым. Решали его, впрочем, в Москве, а по приезде великокняжеская делегация заявила, что Василий Иванович казанцев жаловать и беречь хочет, и даёт им в «цари» малолетнего Шигалей, или Шах-Али (тат. Шаһғали) – отпрыска бывшей большеордынской (теперь – астраханской) династии, врага крымских Гиреев. Поставленные перед фактом, казанцы били челом на том. В Москву для подтверждения присяги выехали Абибазей, карача Булат (бий клана Ширин), «земский князь» Шаисуп, бакши (дьяк, секретарь) Бозюк.

Малолетнего «царевича» быстро привели к присяге. Великий князь заверял, что будет с ним в дружбе, как был с Мухаммед-Эмином. И 8 марта Шигалей в сопровождении князя Д.Ф. Бельского, Тверского дворецкого Михаила Юрьевича и Ивана Телешова выехал в Казань. Ехали неспешно, прибыв на место только в апреле²⁶.

²³ Вообще, шихзаде (шахзаде) это дословно «сын шаха», принц. Однако его использование в этом значении в Казанском ханстве нам неизвестно, как и наличие детей у Мухаммед-Эмина.

²⁴ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 266; Ермолинская летопись. Приложение 2-е // ПСРЛ. Т. 23. С. 202.

²⁵ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 389.

²⁶ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. С. 266–267.

Вдова Мухаммед-Эмина Фатима (дочь ногайского бия Мусы) была в том же 1519 г. с подачи Москвы выдана замуж за Шах-Али. Сделано так было для его подкрепления прав на казанский престол²⁷. Вряд ли Фатима была согласна на такой брак – мало того, что она была намного старше 14-летнего хана (её отец умер в глубокой старости ещё в начале XVI в.), так тот, как писал Сигизмунд Герберштейн, ещё и отличался весьма непрезентабельной внешностью²⁸.

Весть о кончине Мухаммед-Эмина дошла до Крыма очень не скоро. В январе 1519 г. к казанскому хану Мухаммед-Гирей отправил «Ичку слугу», а Нур-Султан – Бетейя. Сперва посольство прибыло в Москву, где посол Апак-бей просил Василия III не задерживать торопившихся в Казань гонцов. Приехали послы в Москву в марте, но тут их ждала печальная весть. Причём оказалось, что великий князь уже послал в Казань на ханство Шах-Али. На замечания посла, почему Василий III не позвал в Казань кого-либо из сыновей или братьев Мухаммед-Гирей-хана, тот заявил, что якобы вся земля Казанская просила у него именно этого «царевича», а никак не крымского, грозя в случае отказа позвать на трон человека из Астрахани или ногаев²⁹ (что выглядит особенно сомнительно, поскольку ногайские бии не были Чингизидами и не имели права на ханский титул). По-видимому, в действительности, из казанской элиты никто, кроме сеита, Шах-Али в ханы и не хотел³⁰.

Не ранее середины лета 1519 г. в Крыму могли узнать от своих послов о смерти Мухаммед-Эмина. Его старая мать Нур-Султан, видимо, тяжело переживала смерть сыновей, совсем сдала и больше не писала в Москву, а вскоре (не позже 1523 г.) тоже умерла³¹.

²⁷ Беляков А.В. Чингисиды... С. 61, 92; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских... Ч. I. С. 247–262, 277–258

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 172.

²⁹ Посольство от царя Магмет-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с Апаком князем с товарищами, прибывшими с шертною царскою грамотою // Сборник РИО. Т. 95. Док. 36. С. 639–640, 661.

³⁰ Худяков М.Г. Очерки по истории... С. 85.

³¹ Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 229.

Погребение

Из полутора десятков казанских ханов только семеро окончили свои дни в Казани. Среди них и Мухаммед-Эмин (а также его прадед, дед и отец). С ним пресеклась и династия основателя Казанского ханства. Правда, у него оставались братья и сёстры, но женщины не могли наследовать трон, как и христиане, а все потомки Улу-Мухаммеда, что оказались на Руси, вследствие близорукой политики Ивана III и Василия III были крещены³².

Какое место стало последним пристанищем Мухаммед-Эмина? Как уже говорилось во введении, вероятно он был захоронен в ханском мавзолее, рядом с дворцом (хотя и нет полной в этом уверенности). Совпадает датировка погребений (по первую четверть XVI в.), более-менее совпадает возраст погребённого в захоронении №2 и Мухаммед-Эмина. Добавляют уверенности и некоторые письменные источники. А.М. Курбский писал, что в Казани у ханского дворца и мечетей захоронены ханы³³. Действительно, в самом центре столицы должны были быть погребены первые лица государства. При этом захоронений немного, как и ханов, умерших в Казани.

Фундаменты двух мавзолеев с несколькими погребениями были выявлены возле башни Сююм-бике и Введенской церкви в 1977 г. Судя по этим остаткам, это было прямоугольное (6 на 18 м) двухкамерное здание из белого камня, первая часть которого была построена ещё в 1460-е гг. (там, видимо, был погребён хан Махмутек).

В погребении №2 был обнаружен костяк мужчины 45–50 лет. Сопроводительный инвентарь почти отсутствовал (что соответствует исламской традиции). Установлено, что гроб был оббит дорогими тканями и кожами с помощью серебряных гвоздей и накладок³⁴. Богатое убранство ханских гробниц описывается и в «Казанской истории»³⁵.

³² Беляков А.В. Чингисиды в России... С. 292.

³³ Курбский А. История о делах великого князя... С. 36–37.

³⁴ Курбский А. История о делах великого князя... С. 530–531; История татар... С. 619.

³⁵ История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. С. 163.

Отметим, что погребённый страдал остеохондрозом грудного отдела позвоночника и при движении испытывал острую боль. Имелись также изменения в форме затылка и других костей, что говорит о многолетних нагрузках профессионального наездника.

Удостовериться в принадлежности останков из казанского мавзолея можно с помощью генетической экспертизы. Если полученные данные выстроят родственные связи погребённых в генеалогическое древо, схожее с таковым у потомков Улу-Мухаммеда, а также окажутся родственными Кудайкулу (Петру Ибрагимовичу, похороненному в Архангельском соборе Московского Кремля), то можно считать установленной и их принадлежность определённым казанским ханам.

Существует точка зрения, что Мухаммед-Эмин был погребён не в своей столице, а в древнем Булгаре, бывшем центре болгарского государства, который после всех перипетий XIV–XV вв. был больше похож на руины. Основана она на стихе казанского поэта первой половины XVI в. Мухаммедьяра, который называет себя смотрителем гробницы Мухаммед-Эмина³⁶. Конечно, старинный и разрушенный город Булгар мог считаться неким сакральным центром, где можно было погребать ханов, но это противоречит сведениям о гробницах ханов в Казани, да и в самом стихе Мухаммедьяра не всё так однозначно (особенно, если учесть возможность нарушения порядка слов в поэтических текстах):

Болгар шәһре Казан дәрвасасында
Кеше күптер хәер дәрвасасында.
Мөхәммәд Әмин хан кабрәндә, и шәһрийяр,
Мөжәвир ирермән бәси булып зар.

Вероятно, тут имеется в виду «булгарский город Казань», в воротах которого «толпится народ». Это как раз согласуется с сообщением А. Курбского и археологическими находками.

³⁶ Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства... С. 30, 171.

Татарский историк XIX в. Х. Амирханов также приводил легендарные сведения о кончине и захоронении Мухаммед-Эмина в Булгаре³⁷. Впрочем, если учесть массу додуманных деталей жизни Эмина и неточностей в источниках Х. Амирханова (наличие сына Мамука, 66 лет жизни и др.), вряд ли можно всерьёз воспринимать такое свидетельство.

Останки же из казанского мавзолея (включая те, что вероятно и принадлежат Мухаммед-Эмину и его деду Махмуду) недавно, 19 мая 2017 г. были торжественно перезахоронены в новом помещении, недалеко от прежнего места³⁸.

После Мухаммед-Эмина

Как считает А.В. Беляков, политика Москвы в отношении находившихся в её руках потомков Улу-Мухаммеда была явно недальновидной, ведь они все были крещены и лишались права на престол. И если какие-то надежды на утверждение в Казани Худайкула – Петра Ибрагимовича ещё могли быть (иначе зачем такое поспешное крещение накануне войны с Казанью?), то в 1518 г. стало ясно видно, что никакой действительно подходящей кандидатуры у великого князя на замену Мухаммед-Эмину нет. Крымских «царевичей» в Казань пускать опасались. Если Мухаммед-Эмин поддерживал худой мир с Русью и беспокоился о благе своего юрта, то Гирей, особенно в условиях ухудшающихся крымско-московских отношений, могли принести много проблем. Но случилось это в любом случае, поскольку кандидатура Шах-Али не устроила ни Крым, ни многих казанцев. Хотя сам новоиспечённый «царь» в течение своей долгой жизни в основном вёл себя как преданный великому князю слуга.

В Крыму прочили Казанский юрт молодому и энергичному Сахиб-Гирею. Однако в 1519 г. в ханстве резко обострилось внутриполитическое положение: острая борьба между разными представителями правящей династии и аристократии пошатнула положение

³⁷ Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа... С. 85.

³⁸ <http://kazan-kremlin.ru/new/v-kazanskom-kremle-proshla-tseremoniya-perezahoroneniya-kazanskih-hanov/>

Мухаммед-Гирей и не позволяли ему в тех условиях пойти на конфликт с Москвой из-за Казани³⁹. Но когда положение стабилизировалось, а в Крым прибыла делегация из Казани с просьбой избавить их от Шах-Али, Сахиб-Гирей с тремя сотнями отборных воинов отправился добывать престол (что и сделал в 1521 г.).

В том же году на Московское государство обрушился с большим войском Мухаммед-Гирей. В отличие от прошлых набегов, это был крупномасштабный разорительный поход, принёсший много бедствий русским землям, а казанцы в это время ходили на Нижний Новгород и Владимир. Спустя два года, в преддверии крымского похода на союзного Москве астраханского хана, Сахиб-Гирей устроил в Казани новый погром русских купцов и стал готовиться к войне. Однако крымский хан внезапно был убит в захваченной уже Астрахани ногайскими мурзами, его войско рассеяно, и ногаи хлынули в Крым, програбив его целый месяц.

Оставшись один на один с Великим княжеством Московским, и адекватно оценивая ресурсы Казанского юрта, Сахиб-Гирей вызвал себе на замену племянника – малолетнего Сафа-Гирей, а сам отправился просить помощи у родственников и османского султана. Больше на север он не возвращался⁴⁰. Зато Сафа-Гирей всю последующую жизнь боролся за казанский престол, и пробыл казанским ханом до смерти в 1549 г. с перерывами в 1531–1536 и 1546 гг. Отношения его с Русью были открыто враждебными.

³⁹ Смирнов И.И. Восточная политика... С. 30–31.

⁴⁰ И стал впоследствии одним из наиболее успешных ханов Крыма.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, мы проследили судьбу казанского хана Мухаммед-Эмина. Зачастую историки позволяли себе судить о Мухаммед-Эмине вполне однозначно, причём всё больше преобладают негативные суждения – его обвиняют в жадности, вероломстве, одновременно и в безволии, даже глупости. Это касается как ранних русских историков, так и некоторых современных. Можно встретить и иную точку зрения, когда Мухаммед-Эмин представляется эдаким мудрым просвещённым правителем, покровителем культуры и поэтом. Но в действительности многое в его биографии остаётся неясным и, видимо, не прояснится никогда. Слишком мало осталось свидетельств, позволяющих говорить определённо о том, когда точно он родился, какой имел характер, писал ли он стихи, насколько действия его были самостоятельны в тот или иной период. Многие такие вопросы в очерке обрисованы нечётко, оставляя простор для интерпретаций. Думается, что это верно. Большинство исторических персонажей неоднозначны, и чаще всего невозможно точно сказать, в какой степени они могли отвечать за свои поступки и как точно отразился их характер в источниках. Да что там исторические деятели, если зачастую о современном и даже лично знакомом человеке судить бывает очень трудно. Поэтому и в данном очерке мы лишь привели факты из жизни Мухаммед-Эмина, пояснили некоторую логику событий, обрисовали возможные причины и интерпретации, и не ставили глобального вопроса о роли личности в истории.

Некоторые важные вопросы, всё же, остались слабо разработанными. Будем надеяться, что в будущем биография Мухаммед-Эмина будет рассмотрена во всех деталях, с подробным источниковедческим и историографическим разбором¹.

¹ Автор будет благодарен за замечания и дополнения к очерку. Писать можно на адрес электронной почты: tuguhun16-30@yandex.ru

БИОХРОНИКА МУХАММЕД-ЭМИНА

- Осень 1467 [872]¹** – Ибрагим стал ханом в Казани, женился на вдове брата (Нур-Султан) и отразил вторжение русских ратей.
- 1468–1474 [872–878]** – родился Мухаммед-Эмин.
- 1478 [882/883]** – набег войска Ибрагим-хана на Вятку; ответный поход русских ратей на Казань; мир с великим князем.
- 1478–1482 [883–886/887]** – смерть Ибрагим-хана.
- 1478–1484 [883–888/889]** – отъезд из Казани матери Мухаммед-Эмина с его младшим братом.
- 1478–1484 [883–888/889]** – отъезд Мухаммед-Эмина из Казани и прибытие в Московское кн-во. Иван III пожаловал ему на прокорм г. Каширу.
- 1484/1485 [888/890]** – просьба казанских князей к Ивану III защитить их от хана Алегам. Поход русской рати на Казань. Алегам бежал, а на казанский трон воссел Мухаммед-Эмин [*ПСРЛ. Т. 6. С. 332; ПСРЛ. Т. 28. С. 318; РК 1598. С. 20; РК 1605. С. 26–27*].
- 1485/1486 [889/891]** – ссора Мухаммед-Эмина с казанскими князьями, его бегство из города и приход русской рати; мир с князьями и возвращение в Казань [*РК 1598. С. 20; РК 1605. С. 27–28*].
- Лето 1486 [891]** – Алегам с ногайской поддержкой выгнал Мухаммед-Эмина из Казани. Мухаммед-Эмин уехал в Москву просить помощи у великого князя [*РК 1598. С. 20*].
- 11 апреля 1487 [7 раби́у аль-ахир 892]** – выступление русских полков на Казань.
- 24 апреля 1487 [20 раби́у аль-ахир 892]** – выступление к Казани Мухаммед-Эмина [*ПСРЛ. Т. 12. С. 218*].
- Май 1487** – прибытие Мухаммед-Эмина под осаждённую Казань.

¹ Даты в квадратных скобках даются по мусульманскому календарю. Курсивом выделены предположительные даты (или события). Для перевода дат использован интернет-ресурс. (Для перевода дат использован интернет-ресурс www.iranchamber.com/calendar/converter/iranian_calendar_converter.php).

- 9 июля 1487 [8 раджаб 892]** – капитуляция Казани, захват хана Алегамы с родственниками. Мухаммед-Эмин вернулся на трон [*ПСРЛ. Т. 12. С. 219; Сборник РИО. Т. 41. Док. 18. С. 61–62*].
- Осень 1487 – лето 1496 [892–901]** – второе правление Мухаммед-Эмина в Казани.
- Октябрь 1487 – весна/лето 1488 [шавваль 892 – джумада аль-ахира 893]** – планирование (несостоявшегося) похода мещерских и казанских татар на Орду [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 19. С. 62–71; С. 63, 65–66*].
- Весна – лето 1488 [893]** – прибытие из Крыма через Москву в Казань Усеина – человека Нур-Султан к Мухаммед-Эмину; вопрос о выезде Абдул-Латифа на русскую службу [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 20. С. 75*].
- Лето 1488 [893]** – Мухаммед-Эмин послал к ногайскому бию Мусе Хошкилдей-дувана с просьбой о выдаче за себя его дочери – Фатимы.
- Лето 1488** – Мухаммед-Эмин справлялся о мнении Ивана III относительно его женитьбы на Фатиме [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 32*].
- Лето 1489 [894]** – отправка Мухаммед-Эмином по запросу Ивана III 700 чел. конницы на Вятку в помощь московским ратям. Захват Вятки Москвой [*ПСРЛ. Т. 37. С. 50; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 293–303*].
- Сентябрь 1489 [рамадан 894]** – отряды беглых казанских князей Аль-Гази, Бегиша, Утеша, Чета и Кайсыма вместе с ногаями грабят казанские земли [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 23. С. 84*].
- Ноябрь 1489 [зуль-каада 894]** – ногайско-сибирские послы требуют от Ивана III выпустить из плена бывшего казанского хана Алегамы с его людьми, но получают отказ; Мухаммед-Эмин сообщает в Москву о набегах на его земли, и великий князь предьявляет послам претензии [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 18–22, 25–27, 34; Сборник РИО. Т. 41. Док. 23. С. 80–87*].
- 1489/1490 [894/896]** – приём Мухаммед-Эмином московского посла М. Погожего и получение от него претензий к казанским купцам, пытающимся проскользнуть мимо Нижнего Новгорода во

избежание уплаты пошлин [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 27*].

Лето 1490 [895] – опасения ногайских набегов на казанские земли [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 27. С. 98*].

Лето 1490 – Муса направил «Семен Багатыря» к Мухаммед-Эмину с ответом о замужестве дочери [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 28–29; Сборник РИО. Т. 41. Док. 25. С. 89–91*].

Лето–осень 1490 – продолжение «сватовства» ногайского Алач-мурзы к сестре Мухаммед-Эмина [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 33*].

Октябрь 1490 [зуль-каада 895] – Мухаммед-Эмин через посла Аларкуша предъявил Ивану III претензии к кн. Ф. Киселёву на притеснение казанских подданных [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 31, 33; Соловьёв С.М. История России... С. 1419; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 51*].

Май/июнь 1491 [896] – прибытие в Казань Усеина с письмами к Мухаммед-Эмину от Нур-Султан и Менгли-Гирея; радость Нур-Султан по случаю планов сына о женитьбе; Менгли-Гирей сообщает о походе ордынцев на свои улусы [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 28. С. 108–109*].

Лето 1491 [лето 896] – посылка в Поле Мухаммед-Эмином казанского отряда для совместных с русскими ратями действий в тылах ордынцев, шедших походом на Крым [*ПСРЛ. Т. 25. С. 332; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 313; Сборник РИО. Т. 41. Док. 30. С. 114–118; ПСРЛ. Т. 18. С. 274; Аксанов А.В. Казанское ханство... С. 111*].

Январь 1492 [сафар 897] – в обстановке особой секретности московский посол передал Мухаммед-Эмину намерения Ивана III принять к себе и пожаловать беглых казанских князей, если они перестанут чинить козни против казанского хана; решение вопроса с великокняжескими гонцами в Ногайскую орду, оставшимися в Казани после внезапной смерти сопровождаемого ими ногайского посла; ответ Мухаммед-Эмина об отсутствии

сведений из ногайских улусов [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой...* С. 41–42].

Январь 1492 [сафар 897] – Мухаммед-Эмин написал и отослал письмо к Менгли-Гирею и Нур-Султан; сетования на ногайские набеги [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 34. С. 146–147*].

Конец 1491 – начало 1492 [зима 897] – брак Мухаммед-Эмина и Фатимы.

Июнь 1492 [раджаб 897] – Менгли-Гирей отправил к Мухаммед-Эмину письмо [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 35. С. 154*].

До 1493 – сестра Мухаммед-Эмина выдана за ногайского Бикеч-мирзу [*Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой...* С. 46].

Начало 1493 [начало 898] – Абдул-Латиф прибыл в Москву; сопровождавший его Усеин проехал в Казань к Мухаммед-Эмину [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 37. С. 169; Док. 39. С. 174, 176–177*].

Лето – осень 1493 [вторая половина 898] – приезд в гости к Мухаммед-Эмину его сестры из ногайских кочевий; послание Мухаммед-Эмина к Менгли-Гирею [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 45. С. 202, 207*].

1493 – осложнение внутривосточной ситуации и ослабление позиций Мухаммед-Эмина в Казани [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 42. С. 194; Бережков М.Н. Нур-салтан, царица Крымская... С. 9; Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 224*].

1495/1496 [900/902] – Нур-Султан сообщила Мухаммед-Эмину о намерении отправиться в хадж [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 48. С. 222*].

Весна 1496 [901] – Мухаммед-Эмин узнал о выступлении на Казань сибирского хана Мамука с ногайскими мирзами, и заговоре против него казанских князей, после чего послал в Москву просьбу о помощи [*ПСРЛ. Т. 28. С. 328*].

Июль 1496 [рамадан 901] – прибытие в Казань московских воевод с ратью для обороны от Мамука [*Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 360–361*].

Август–сентябрь 1496 [зиль-каада – зиль-хиджа 901] – сибирский хан повернул назад, после чего Мухаммед-Эмин отпустил в

Москву русский контингент; Мамук развернулся и занял Казань, вынудив Мухаммед-Эмина бежать на Русь.

Ноябрь 1496 [сафар 902] – Мухаммед-Эмин прибыл в Москву [ПСРЛ. Т. 28. С. 328].

1496–1502 [902–907] – проживание Мухаммед-Эмина в ВКМ, владение Серпуховом, Каширой и Хатунью. Жёсткое управление Мухаммед-Эмина и жалобы на него от населения [ПСРЛ. Т. 28. С. 328; ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. С. 349].

Конец 1496 [начало 902] – Мухаммед-Эмин отправил послание бию Мусе.

1497 [902/903] – послания из Крыма с просьбой к Ивану III помочь Мухаммед-Эмину [Сборник РИО. Т. 41. Док. 51. С. 236–237].

1497 – Мамук изгнан из Казани и умер; казанские князья просят Ивана III не отпускать к ним Мухаммед-Эмина из-за его притеснений казанцев [ПСРЛ. Т. 28. С. 328].

Март 1497 [джумада аль-ахира 902] – от Мусы прибыл в Москву посланник к великому князю и Мухаммед-Эмину; бий сообщал о своём несогласии с политикой братьев [Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 49–50].

Апрель 1497 [раджаб 902] – великий князь послал в Казань нового «царя» Абдул-Латифа с воеводами; отправка великим князем и Мухаммед-Эмином через Казань ответного послания бию Мусе [Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой... С. 50–52].

9 мая 1497 [27 шаабан 902] – выезд Мухаммед-Эмина из Москвы в пожалованные ему Иваном III земли (Серпухов, Кашира, Хатунь) [ПСРЛ. Т. 28. С. 328].

Лето/осень 1498 [конец 903 – начало 904] – к Мухаммед-Эмину прибыл от Менгли-Гирея Абалак-Азей [Сборник РИО. Т. 41. Док. 58. С. 270].

16 ноября 1498 [22 раби аль-авваль 904] – Мухаммед-Эмин выдал игумену Троицкого Белопесоцкого монастыря Владимиру жалованную, данную, тарханную (освобождавшую от налогов) грамоту на пустые леса в Каширском уезде [АСЭИ. Док. 618. С. 530–531].

1500–1501 гг. – участие Мухаммед-Эмина в войне Московского государства с Великим княжеством Литовским [*ПСРЛ. Т. 32. С. 168; ПСРЛ. Т. 24. С. 214*].

3 мая 1500 [24 рамадан 905] – Мухаммед-Эмин как бывший казанский «царь» вместе с ратью Якова Захарьича выступил из Москвы.

Лето 1500 – рать Якова Захарьича и Мухаммед-Эмина взяла Брянск.

6 августа 1500 [30 зуль-хиджа 905] – взят Путивль.

Август–сентябрь 1500 [начало 906] – рать Якова Захарьича и Мухаммед-Эмина огнём и мечом прокатилась по Северской земле. Удару подверглись Дорогобуж, Завидов, Торопец, Драков, Трубческ, Радогож, Почап и другие города и их округа [*ПСРЛ. Т. 12. С. 252; ПСРЛ. Т. 28. С. 334; ПСРЛ. Т. 32. С. 168; ПСРЛ. Т. 23. С. 196; Кром М.М. Меж Русью и Литвой... С. 258*].

Конец 1500 – начало 1501 – Мухаммед-Эмин покинул полки Якова Захарьича.

Август–сентябрь 1501 [мухаррам – сафар 907] – Мухаммед-Эмин с В. Ноздреватым, русскими и татарскими ратниками совершил рейд по тылам Большой Орды, отвлекая ордынцев от союзного Москве Крыма [*РК 1598. С. 32; Сборник РИО. Т. 41. Док. 75. С. 369–372*].

Октябрь 1501 [раби аль-авваль 907] – возможное участие Мухаммед-Эмина в походе против ливонцев [*Алексеев Ю.Г. Походы русских войск... С. 408–412; Псковские летописи. Вып. 1. С. 86*].

До 1502 – умер Алегам; его вдова Каракуш выдана за Мухаммед-Эмина [*ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Сборник РИО. Т. 41. Док. 88. С. 461*].

Конец 1501 – в Москву прибыл казанский князь Кель-Ахмет с просьбой помочь в смещении Абдул-Латифа.

Январь 1502 [джумада аль-ахира 907] – Кель-Ахмед при поддержке московских воевод захватил и увёз на Русь Абдул-Латифа; Мухаммед-Эмин отправлен в Казань и снова стал ханом [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 88. С. 461; Док. 92. С. 495; ПСРЛ. Т. 28. С. 335; ПСРЛ. Т. 37. С. 99*].

- 1502–1518 [907–924]** – третье, последнее правление Мухаммед-Эмина.
- 1502 [907/908]** – Мухаммед-Эмин в мире с ногаями [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 79. С. 386*].
- Между 1502 и 1505 [907–910]** – Мухаммед-Эмин казнил своего недоброжелателя Кель-Ахмеда [*Смирнов И.И. Восточная политика Василия III... С. 21; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства... С. 60; ПСРЛ. Т.37. С. 99*]. Подготовка к выступлению против Москвы.
- Лето 1503 [конец 908 – начало 909]** – Мухаммед-Эмин сообщил в Москву о передвижениях и намерениях недружественных ногайских мурз и Ахматовичей [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 92. С. 490*].
- До 1504** – посылка Мустофара Мангыта к Ямгурчи разузнать его позицию в отношении к Шейх-Ахмету [*Сборник РИО. Т. 41. Док. 94. С. 503–504*].
- 1502–1510?** – контакты Мухаммед-Эмина с узбекским Мухаммедом Шейбани-ханом; присылка последним казанскому хану композитора и музыканта Гуляма Шади [*Бабур-наме... С. 190*].
- Весна 1505 [конец 910]** – Мухаммед-Эмин через посла сообщил в Москву о неких делах бия Шаин-Юсуфа. Неудовлетворительный ответ великого князя [*ПСРЛ. Т. 34. С. 8*].
- 24 июня 1505 [11 мухаррам 911]** – Погром русских купцов на торгу под Казанью; пленение русского посла [*ПСРЛ. Т. 30. С. 140; ПСРЛ. Т. 33. С. 134; ПСРЛ. Т. 34. С. 8; ПСРЛ. Т.28. С. 338; Софийская вторая летопись... С. 373; РК 1605. С. 87*].
- 13 (10?) июля 1505** – весть о погроме получили в Москве.
- 18–21 августа 1505 [7–10 раб' аль-авваль 911]** – выступление Мухаммед-Эмина походом на русские окраины.
- Август 1505** – в Москве стало известно, что казанское войско переправляется через Волгу. В Муром посланы полки [*РК 1605. С. 87*].
- 30 августа 1505 [19 раб' аль-авваль 911]** – войско Мухаммед-Эмина переходит Суру [*РК 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33*].

- 4 сентября 1505** – на Москву пришла весть о переправе казанцев через Суру. В Муром направлены дополнительные силы под командованием касимовских «царевичей». Свадьба будущего вел. кн. Василия Ивановича [*PK 1605. С. 87; Древнейшая разрядная книга... С. 33*].
- Начало сентября 1505 [конец месяца раби аль-авваль]** – татары и ногаи подошли к Нижнему Новгороду, и после 2/3 дней (или месяца?) осады ушли [*ПСРЛ. Т. 34. С. 9*].
- Зима 1505/1506** – подготовка казанцев к войне с Московским государством (?).
- 22 мая 1506 [18 зуль-хиджа 911]** – приход судовой рати Дмитрия Жилки к Казани, первый приступ и поражение на Арском поле [*ПСРЛ. Т.13. С. 3*].
- 22 июня 1506 [20 мухаррам 912]** – приход конной рати кн. Ростовского под Казань.
- 25 июня 1506 [23 мухаррам 912]** – второй приступ русских войск к городу, окончившийся их поражением и бегством [*ПСРЛ. Т. 28. С. 339*].
- До 19 августа 1506** – прибытие в Великое княжество Литовское казанских послов с предложением о совместном ударе по Великому княжеству Московскому [*Литовские упоминки татарским ордам... С. 55; Книга посольская Великого княжества Литовского... С. 37; Волков В.А. Войны и войска Московского государства... С. 53; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым... С. 167*].
- Март 1507 [шавваль 912]** – в Москву от Мухаммед-Эмина прибыл Абдула с предложениями мира.
- 25 марта 1507** – отъезд Абдулы и А. Лучина с ответом к хану.
- Весна 1507 [конец 912]** – переговоры между Москвой и Казанью.
- 8 сентября 1507 [20 рабиу аль-ахир 913]** – Бараш-сеид, окольный И.Г. Поплевин и А.Лукин выехали из Москвы в Казань (до этого, возможно, летом были отпущены русские пленники в Казани).
- Январь 1508 [шаабан 913]** – возвращение И.Г. Поплевина с шертными грамотами от Мухаммед-Эмина; хан отпустил военнопленных [*ПСРЛ. Т. 13. С. 5–8; ПСРЛ. Т. 6. С. 382*].

- Осень 1508 [середина 914]** – Мухаммед-Эмин направил посла к Менгли-Гирею с просьбой прислать в Казань тигра.
- Конец 1508 – начало 1509** – прибытие к Мухаммед-Эмину посла от крымского хана [*Сборник РИО. Т. 95. Док. 2. С. 29–30, 34–35*].
- Начало 1509** – ответ Мухаммед-Эмин отправлен в Крым с Курман-дербышем и Тюнюшем [*Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 75–76*].
- Осень 1509 [915]** – Нур-Султан прислала Мухаммед-Эмину письмо с «поучением» о мире с великим князем [*Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 77–78*].
- 20 августа 1510 – начало июня 1511 [5 джумада аль-уля 916 – сафар 917]** – Нур-Султан приехала в Казань и гостила у Мухаммед-Эмина 9 месяцев [*ПСРЛ. Т. 6. С. 252; ПСРЛ. Т. 13. С. 13; Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии... С. 227*].
- Зима 1511/1512 [конец 917]** – в Казань из Москвы прибыл И.Г. Морозов с шертной грамотой, одобренной великим князем; Мухаммед-Эмин заверил её своей печатью [*ПСРЛ. Т. 13. С. 14*].
- 8 февраля 1512** – в Москву от хана приехал бакши Бозюк с просьбой Мухаммед-Эмина послать к нему в Казань И.А. Челяднина для беседы с ним о прошедшей войне [*ПСРЛ. Т. 6. С. 252*].
- Февраль 1512 [зуль-ка‘да 917]** – И.А. Челяднин приехал в Казань.
- Март 1512 [зуль-хиджа 917]** – И.А. Челяднин вернулся в Москву с казанским послом Шаусеин-сеитом; Мухаммед-Эмин «мир вечной взяли с великим князем и любовь неподвижиму, доколе Бог даст» [*ПСРЛ. Т. 6. С. 252*].
- 1513** – северные черемисы разбойничают между Галичем и Вяткой; на Суру выдвинуты русские полки на случай казанского набега [*РК 1605. С. 131, 156; Герберштейн С. Записки о Московии... С. 162*].
- 18 ноября 1514** – великий князь литовский Сигизмунд написал письмо Мухаммед-Эмину с предложением военного союза против Москвы; когда оно дошло Казани и дошло ли вообще – неизвестно [*Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с*

предложением военного союза против Москвы (18 ноября 1514) // История татар... С. 920].

Июнь 1516 – Сигизмунд отправил в Казань новое послание [*Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы (18 июня 1516) // История татар... С. 921–922].*

Не ранее лета 1515 [921] – в Казань дошла весть о смерти Менгли-Гирея.

1515 или 1516 [920–921] – Мухаммед-Эмин тяжело заболел.

Весна 1516 [начало 922] – обострение болезни.

Июнь 1516 [раби́у аль-ахир 922] – от Мухаммед-Эмина и «всей земли Казанской» к великому князю прибыли послы с просьбой отпустить в Казань брата хана – Абдул-Латифа. Нур-Султан и Сахиб-Гирей направили в Казань послов узнать о здоровье хана [*Сборник РИО. Т. 95. Док. 22. С. 386, 388–389, 390, 392, 395; Док. 23. С. 406, 411, 415–416; ПСРЛ. Т. 28. С. 351].*

Ноябрь 1517 [шавваль 923] – внезапная смерть Абдул-Латифа [*Сборник РИО. Т. 95. Док. 28. С. 488].*

Осень 1517/1518 – от Мухаммед-Эмина в Москву прибыл посол Шахбердей. В ответ Василий III отправил в Казань Ивана Филиппова сына Наумова [*Опись архива Посольского приказа... Л. 365. С. 226].*

Конец ноября – начало декабря 1518 [вторая половина месяца зуль-каада 924] – кончина Мухаммед-Эмина.

29 декабря 1518 – в Москву с вестью о смерти хана прибыл Кудербыш [*ПСРЛ. Т. 8. С. 266; ПСРЛ. Т. 23. С. 202].*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М., 1952. Т. I.

Никоновская летопись – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РК 1598 – Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК 1605 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I.

Сборник РИО. Т. 35 – Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Ред. Г.Ф. Карпов. СПб., 1882. 952 с.

Сборник РИО. Т. 41 – Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505). Ред. Г.Ф. Карпов. СПб., 1884. 631 с.

Сборник РИО. Т. 95. – Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Часть 2-ая (годы с 1508 по 1521). СПб., 1895. 706 + 109 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Архангелогородский летописец. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
2. Бабур-наме / пер. М.А. Салье (1958). Ташкент, 1992.
3. Бумаги посольства к великому князю Василью Ивановичу от царя Магмет-Гирея с Авдыл-Авель-Шихом с товарищами [10–18 ноября 1517 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 22. С. 384–402.
4. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. 240 с.
5. Вологодско-пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.-Л., 1959. 413 с.
6. Второе несостоявшееся посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Иваном Никитичем Беклемишевым [23 февраля 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 88. С. 453–465.
7. Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина. М.: изд. МГУ, 1988. 430 с.
8. Грамота великаго князя Ивана Васильевича в Путивль к Ивану Ощерину [1 декабря 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 94. С. 503–504.
9. Грамота великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею [4 марта 1487] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 16. С. 57–59.
10. Грамота жида Захария, таманского князя, к великому князю Ивану Васильевичу с Богданом армянином // Сборник РИО. Т. 41. Док. 20. С. 71–75.
11. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы [18 ноября 1514] // История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. IV. Татарские государства в XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 920.
12. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза

против Москвы [18 июня 1516] // История татар с древнейших времён (в семи томах). Т. IV. Татарские государства в XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 921–922.

13. Грамота Крымского царя Мингли-гирея к Казанскому царю Магмед-Аминю; Ответная грамота Казанского царя Магмед-Аминя к Крымскому царю Менгли-гирею // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 275–277.

14. Грамоты великаго князя Ивана Васильевича в Крым [21 июня 1491 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Ч. 1. Док. 30. С. 114–118.

15. Грамоты из Крыма к великому князю Ивану Васильевичу [27 октября 1492 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 37. С. 165–169.

16. Грамоты к великому князю Василию Ивановичу из Крыма [12 сентября 1509 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 4. С. 69–83.

17. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма [27 июня 1492 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 35. С. 148–156.

18. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма [октябрь 1493] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 42. С. 192–195.

19. Грамоты от царя Менгли-Гирея и царицы Нур-Салтан к великому князю Ивану Васильевичу [1497] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 51. С. 236–237.

20. Грамоты царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [25 апреля 1491] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 28. С. 104–109.

21. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) / подг. П.Н. Милюков. М.: Университетская типография, 1901. 314 с.

22. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 342 с.

23. Жалованная данная тарханная и несудимая грамота б. царя казанского Магмет-Аминя Троицкого Белопесоцкого м-ря иг. Владимиру на пустые леса – Кстовский под (Старой) Каширой, а также в Туров. вол., и за р. Окой, в Растов. стану // АСЭИ. Док. 618. С. 530–531.

24. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. 108 с.

25. Запись Казанского Царевича Петра Ибрагимовича о его подданстве // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. III. М., 1788. С. 1–4.
26. История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. 19. Под ред. Г.З. Кунцевича. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 530 с.
27. Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004.
28. Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 г. // Сборник князя Оболенского. № 1. 1838. 120 с.
29. Курбский, А. История о делах великого князя московского / подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.
30. Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963. 411 с.
31. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1963. 411 с.
32. Литовские упоминки татарским ордам. Скрабовая книга метрики литовской 1502–1509. Симферополь: Типография Спири, 1898. 94 с.
33. Лицевой летописный свод XVI века. Русь (1510–1536 гг. от В.Х.). Книга 18.
34. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М., Л., 1949. 464 с.
35. Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 12. Под ред. С.Ф. Платонова, С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.
36. Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
37. Новгородская четвёртая летопись (по списку Дубровского) // ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. Вып. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 321–536.
38. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. I. М., 1977. 416 с.

39. Отправление великим князем Василием Ивановичем в Крым грамот со своими казаками [сентябрь – ноябрь 1517 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 28. С. 476–494.

40. Отпуск из Москвы в Крым гонцов царя Менгли-Гирея с грамотами [30 августа 1501 г.] // Сборник РИО. Т. 41. № 75. С. 369–372.

41. Отпуск от великого князя Василия Ивановича посольства Ильи Челищева к царю Магмет-Гирею в ответ на посольство Авдылавельшиха [30 ноября 1517 – январь 1518 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 23. С. 402–426.

42. Первая Псковская летопись // Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. 146.

43. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / ред. В.И. Буганов. М., 1984. 87 с.

44. Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от ногайского мурзы Мусы [3 августа 1490 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 25. С. 89–91.

45. Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея с грамотами [август 1498 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 58. С. 262–276.

46. Посольство короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу с панами Яном Щитом Богушем Боговитиновичем, для переговоров, при посредстве императорского посла Сигизмунда Герберштейна, о заключении мира [июль–ноябрь 1517] // Сборник РИО. Т. 35. Док. 85. С. 500–547.

47. Посольство от великого князя Ивана Васильевича в Крым к царю Менгли-Гирею с боярином Иваном Ивановичем Ощериным [22 сентября 1503 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 92. С. 486–497.

48. Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Алексеем Григорьевичем Заболотским [3 марта 1502 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 79. С. 382–390.

49. Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Василием Васильевичем Ромодановским [28 октября 1490 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 27. С. 98–104.

50. Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Дмитрием Васильевичем Шеиным [23 октября 1487 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 19. С. 62–71.

51. Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Иваном Андреевичем Колычевым [20 марта 1492] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 34. С. 135–148.

52. Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Константином Малечкиным [ноябрь 1493 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 45. С. 199–208

53. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с князем Магметшой с товарищами [октябрь 1508 – январь 1509 гг.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 2. С. 18–51.

54. Посольство от царя Магмет-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с Апаком князем с товарищами, прибывшими с шертною царскою грамотою [март–май 1519 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 36. С. 630–667.

55. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [6 января 1493 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 39. С. 170–180.

56. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу [1495 г.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 48. С. 217–223.

57. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с князем Магмедшей с товарищами [24 октября 1508 – 14 января 1509] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 2. С. 18–51.

58. Посольство польскаго короля Сигизмунда к Ливонскому магистру Валтеру Плеттенбергу // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. Док. 15. С. 13–14.

59. Постниковский летописец / Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 8–30.

60. Приезд в Москву послов от нагайских царя Ивака и мурз, и посольство великаго князя Ивана Васильевича к казанскому царю Магмет-Аминю с Михаилом Погожим // Сборник РИО. Т. 41. № 23. С. 80–87.

61. Приезд из Крыма казаков великого князя с грамотами от Василия Шадрина и Ильи Челищева и бумаги посольства к великому князю Василию Ивановичу от царя Магмет-Гирея с Кудояром князем [30 мая – 8 июня 1517 г.] // Сборник РИО. Т. 95. Док. 25. С. 432–454.

62. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т.8. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. 301 с.

63. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с.

64. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I / ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 188 с.

65. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. 328 с.

66. Сношения великаго князя Ивана Васильевича с Мусой, мурзой нагайским, и Магмет-Аминем, царем казанским [3 августа 1491 – 1492 гг.] // Сборник РИО. Т. 41. Док. 33. С. 128–135.

67. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т.6. Вып. 2 / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. М., 2001. 446 с.

68. Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 608 с.

69. Типографская летопись (Летопись по Типографскому списку) // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. 272 с.

70. Устюжская летопись (Список Мациевича) // ПСРЛ. Т.37. Л.: Наука, 1982. 228 с.

71. Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.

72. Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М.: Наука, 1975. 235 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. Второе издание. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 464 с.
3. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
4. Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (По материалам агиографических сказаний и памятникам фольклора): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1992. 223 с.
5. Амелькин А.О. О ком плачет часовой? // Живая старина. 1996. № 2. С. 29–30.
6. Амелькин А.О. Отражение взаимоотношений Руси со Степью в памятниках русского фольклора. Воронежские народные сказки и предания / Подгот. текстов, сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Кретова. Воронеж, 2004. 310 с.
7. Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 232 с.
8. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 216 с.
9. Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдииков А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 182–201.
10. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1952. 554 с.
11. Балугева Т.С. Реконструкция черепов из мавзолеев Казанского кремля по методу М.М. Герасимова // Музеи Казанского Кремля. Казань, 1997. С. 148–156.

12. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 192 с.
13. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
14. Бережков М.Н. Нур-салтан, царица Крымская // Известия Таврической учёной архивной комиссии. №27. 1897. С. 1–17.
15. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 18–34.
16. Бужилова А.А. Анализ паталогических признаков у погребённых в каменных мавзолеях Казанского кремля // Музеи Казанского Кремля. Казань, 1997. С. 110–121.
17. Бужилова А., Медникова М. Оценки биологического возраста у погребённых в каменных мавзолеях Казанского кремля // Музеи Казанского Кремля. Казань, 1997. С. 122–127.
18. Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990. 216 с.
19. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. XIII, 558 с.
20. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь–М.: Леан, Аграф, 1997. 350 с.
21. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М., 2004. 572 с.
22. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. Серия «Материалы спасательных археологических исследований». Т. 24 / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.
23. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
24. Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (Конец XV – начало XVII века): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 25 с.
25. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. IV. СПб., Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 482 с.
26. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 303 с.

27. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 217 с.

28. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 94 с.

29. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

30. Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников // Археология евразийских степей. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. 2017. №5. С. 196–209.

31. Илюшин Б.А. Казанский поход 1506 г.: анализ подготовки и боевых действий // Российская история. 2018. №3 (3). С. 93–103.

32. Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.

33. История татар Западного Приуралья. Коллективная монография. Т. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 464 с.

34. История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с., 32 ил.

35. Ишболдин Б.С. Очерки из истории татар / Пер. с англ. В.С. Мирзаянова. Казань: Слово, 2005. 166 с.

36. Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 2-е. Т. VI. СПб.: Типография Н. Грача, 1819. 543 с.

37. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.

38. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. 107 с.

39. Кистерев С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 65–88.

40. Котляров Д.А. «Служащий царь» – казанский хан Мухамед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. 2010. С. 23–31.

41. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. Второе изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. 320 с.

42. Калёнов В.Н. История Хатунской волости Серпуховского уезда (Очерки). М., 2002.

43. Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е. М., 2006. 175 с.

44. Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.

45. Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 107–112.

46. Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.

47. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 31–46.

48. Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исхаков, А.А. Бурханов. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с., 4 с. ил.

49. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в XI–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

50. Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008. 256 с.

51. Пенской В.В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕР-РА», 2014. 150 с.

52. Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

53. Похлёбкин В.В. Татары и Русь: 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005. 192 с.

54. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

55. Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.

56. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.

57. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. 238 с.

58. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 18–66.

59. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. I–V. Т. 5. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 1726 с.

60. Татары. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2001. 583 с.

61. Тоган Заки Валиди. Исламско-тюркская культура в Казанском ханстве (Отчет, направленный из Казани в 1550 году во времена Кануни) / [Пер. Б. Ногманова] // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 119–138.

ЛИТЕРАТУРА

62. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002. 752 с.
63. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. 220 с.
64. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 139 с.
65. Филюшкин А.И. Василий III. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
66. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книжное изд-во, 2002. 170 с.
67. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Едиториал УРСС, 2001. 336 с.
68. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.
69. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. Т. IV. Ч. II. СПб., 1783. 544 с.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абалак-Азей, крым. посол в Казань – 73, 139
- Абаш-улан, казанский полководец – 56
- Абдул-Латиф б. Ибрагим, казанский хан, брат Мухаммед-Эмина – 7, 9, 29, 32, 33, 48, 61, 62, 67–69, 73, 80, 81, 83, 118, 119, 120, 125–127, 136, 138–140, 144
- Абдулла (Абдула), доверенный человек Мухаммед-Эмина – 111, 113, 117, 142
- Абелек, крымский посланец в Казань – 117
- Абибазей, важный казанский представитель – 128
- Агалак, сибирский Чингизид, брат Ибака и Мамука – 73
- Агыш, казанский князь – 64, 67
- Аиким-Бердей, казанский посол в Литву – 107, 123
- Айдар-Гази б. Хаджи-Гирей, крым. «царевич» – 32
- Аксанов, А.В., историк* – 10, 25, 57, 88, 89
- Аларкуш, казанский гонец – 48, 137
- Алач, ногайский мурза, сын Ямгурчи – 51, 53, 110, 137
- Алегам б. Ибрагим (Ильхам, Али), казанский хан, брат Мухаммед-Эмина – 8–10, 29–34, 36–38, 40–43, 51, 52, 61, 63, 81, 115, 125, 135, 136, 140
- Алгазы, казан. князь и полководец – 42
- Александр Владимирович, князь Ростовский, русс. воевода – 100, 104, 142
- Александр Казимирович, вел. кн. литовский – 107
- Алказый (см. Алгазы – ?) – 52, 53, 58
- Али, казанский хан (см. Алегам) – 38, 41
- Алишев, С.Х., историк* – 31, 37, 44, 66, 82, 97, 102, 115
- Алчагир, ногайский мурза – 110
- Аль-Гази (см. Алгазы) – 42, 52, 136
- Амирханов, Х.А., имам, просветитель, историк* – 132
- Ахмат, хан Большой Орды – 33 – 35, 40, 51
- Ахмат-султан, крымский калга – 126
- Ахматовичи, сыновья хана Ахмата – 34, 43, 56, 63, 81, 83, 84, 141
- Бабур, Тимурид, завоеватель Индии – 85
- Багай, «детское» имя Мухаммед-Эмина – 3, 62, 63
- Базилевич, К.В., историк* – 82, 97
- Байберь мурза Зезевут, доверенный человек Мухаммед-Эмина – 68
- Бараш, казанский сеид – 56, 67, 112, 142
- Баязит, османский султан – 54, 55
- Бегиш, казанский князь – 52, 58, 136
- Бельской, Д.Ф., князь – 128
- Беляков, А.В., историк* – 8, 45, 72, 32
- Бережков, М.Н., историк* – 67
- Бетей, крымский посланник в Казань, человек Нур-Султан – 118, 129
- Бикеч, ногайский мурза – 61, 62, 138

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН

- Бозек бакши, высокопоставленный казанский «секретарь» (бакши) – 111, 112
- Бозюк (см. Бозек) – 122, 125, 128, 143
- Булат, казанский князь, Ширинский бий – 128
- Бульбуль, среднеазиатский музыкант – 85
- Бураш седи (см. Бараш сеид ?) – 56
- Валиди, Ахмет-Заки (см. Тоган Заки Валиди) – 80*
- Василий II Тёмный, вел. кн. московский – 5, 6, 25, 28
- Василий III, вел. кн. московский – 25, 28, 45, 68, 69, 83, 87–90, 98–100, 107–114, 117, 118, 122–126, 128, 130, 141, 142, 144
- Вернадский, Г.В., историк – 27, 30*
- Витовт, вел. кн. литовский – 107, 123
- Владимир, игумен Троицкого Белопесочного монастыря – 71, 139
- Воронцов, С.И., русс. воевода – 90
- Гаухаршад (см. Ковгоршад) – 9, 33, 51, 61
- Герберштейн, С., австрийский посол и мемуарист – 20, 24, 101, 102, 115, 129
- Горбатый И.И., русс. кн. и воевода – 90
- Грибов, Н.Н., историк, археолог – 91*
- Гулам Шади, среднеазиатский композитор и исполнитель – 85
- Данияр, дядя Мухаммед-Эмина – 34
- Девлет-Салтан, жена Айдар-Гази – 32, 33
- Джанай, служилый татарский «царевич» – 90, 100, 105
- Дмитрий Иванович Внук, внук и соправитель Ивана III – 87, 88
- Дмитрий Иванович Жилка, удел. князь, брат Василия III – 89, 98, 100, 101
- Евдокия Ивановна, сестра Василия III, жена Петра Ибрагимовича – 99
- Загидуллин, Р.Г., художник – 18, 39*
- Зимин, А.А., историк – 98, 107*
- Ибак, сибир. хан – 34, 40, 51–53, 60, 63, 64, 84, 114
- Ибрагим б. Махмуд, казанский хан – 7, 9, 10, 17, 29, 30, 31, 32, 52
- Идегей (Едигей, Эдигей), эмир, основатель Мангытского юрта – 5, 70, 91
- Идрис, крымский посол в Казань – 118
- Ивак (см. Ибак) – 59
- Иван III, вел. кн. московский – 3, 7, 9, 10, 22, 25, 28–33, 35–37, 40–45, 47–49, 51–56, 58, 64, 65, 67, 68, 73, 74, 76, 77, 80–82, 84, 88, 89, 91, 98, 99, 107, 108, 110, 112, 113, 115
- Иван IV Грозный, русс. царь – 19, 22, 121
- Иван Брюхо Верещагин сын Блеклого, русс. посланец в Казань – 86
- Ильхам, казанский хан (см. Алегам) – 8, 9, 29
- Ичка, человек Мухаммед-Гирея – 129
- Ишболдин, Б.С., историк – 30*
- Кадыр Али-бека Джалаира, татар. историограф – 38
- Казимир Кийат (Казы-эмир?), крым. посол в Москву – 109
- Калимет (см. Кель-Ахмед) – 64, 67, 83

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН

- Каракуш, дочь Ямгурчи, вдова хана Алегамы, вторая жена Мухаммед-Эмина – 51, 61, 81, 82, 83, 140
- Карамзин, Н.М., историк* – 29, 43
- Карпов, М.И., посол в Казань – 125
- Касым б. Улу-Мухаммед, служилый «царевич» – 6, 36, 37
- Касым, казанский сеид – 52, 58
- Кель-Ахмед, казанский князь – 64, 67, 80, 83, 140, 141
- Киселёв, Ф., русс. князь – 48, 105, 137
- Кичи-Мухаммад, ордынский хан – 5
- Кляпик, М., русс. дипломат – 86, 112
- Ковгоршад, «царевна» казанская, сестра Мухаммед-Эмина (см. Гаухаршад) – 9
- Кожух, русс. гонец в татарские улусы – 50
- Котляров, Д.А., историк* – 44, 88, 114
- Кудайкул б. Ибрагим (в крещ. Пётр Ибрагимович), сводный брат Мухаммед-Эмина – 9, 98, 99, 131
- Кудаш, русс. гонец в татарские улусы – 59
- Кулдербыш (Кул-Дербыш), казанский посол – 128, 144
- Кулук-султан б. Ибрагим, сын Ибака – 89
- Курбский, А.М., русс. князь, «диссидент» – 130, 131
- Курбский, М.Ф. Карамыш, русс. кн. и воевода – 73
- Курман-дербыш, казанский посол в Крым – 117, 143
- Лукин, Алексей, русс. дьяк – 111, 142
- Лучин, Алексей, человек. вел. князя, посланник в Казань – 111, 142
- Магметша, крымский посол в Москву – 109
- Мальцев, Г.П., художник* – 94
- Мамук (Мамоук), сибирский хан – 59, 64–68, 73, 114, 138, 139
- Махмет-Али, доверенный человек Мухаммед-Эмина, гонец – 68
- Махмуд, казанский хан (см. Махмутек) – 6, 132
- Махмутек б. Улу-Мухаммед, казанский хан – 6, 7, 9, 14, 17, 130
- Менгли-Гирей, крым. хан – 29–32, 40–43, 45, 47, 48, 53–57, 59–62, 64, 66, 69, 73, 76, 77, 81, 83, 90, 98, 109–111, 113, 117, 118, 121, 124, 137–139, 143, 144
- Михаил Юрьевич, русс. посол (тверской дворецкий?) – 128
- Мишай, посланник Мухаммед-Эмина в Крым – 59, 60
- Морозов, И.Г., русс. посол в Казань – 121, 143
- Муса, ногайский бий – 40, 49–52, 55, 58, 59, 61, 65, 68, 73, 83, 86, 93, 110, 111, 129, 136, 137, 139
- Мустофар, Мангыт, казанский князь – 84, 141
- Мухаммед-Гирей, крымский хан – 117, 124, 126, 129, 133
- Мухаммед Шейбани, хан кочевых узбеков – 78, 84, 85, 87, 116, 141
- Мухаммедьяр, казанский поэт – 131
- Наумов, В., русс. посол в Крым – 98
- Наумов Иван Филиппов сын – русский гонец в Казань – 127, 144
- Ноздреватый, В., русс. воевода – 76, 81, 140
- Нурдевет б. Хаджи-Гирей (Нур-Девлет), крым. «царевич», касимовский «царь» – 47, 76

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Нур-Султан, казан. и крым «царица», мать Мухаммед-Эмина – 7–9, 29–32, 40–43, 48, 54, 61–64, 66, 67, 73, 81–83, 113, 118, 120, 121, 124, 126, 129, 135–138, 143, 144
- Оболенский, В.И., кн., русс. воевода – 37, 40
- Оболенский, И.М. Репня, кн., русс. воевода – 56
- Оболенский, П.М., кн., русс. воевода – 56
- Палецкий, Ф.И., кн., русс. воевода – 68
- Пётр Ибрагимович (см. Кудайкул) – 131, 132
- Погожий Михаил, русс. посол в Казань – 47, 136
- Поплевин, И.Г. русс. боярин и посол в Казань – 112, 142
- Репня Оболенский И.М. (см. Оболенский, И.М.) – 56
- Ромодановский, И.В., кн. и русский воевода – 37, 56
- Ряполовский, П.С. Лобан, русс. кн. и воевода – 73
- Ряполовский, С.И., русс. воевода – 42, 65
- Сабурова, Соломония, жена Василия III – 90
- Садырь, казанский князь – 64, 67
- Саид-Ибрагим (см. Ибак) – 52
- Сатика, «детское» имя Абдул-Латифа – 62
- Сатылган, татарский служилый «царевич» – 56, 57, 77, 90
- Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей, крым. «царевич» – 46, 114, 120, 121, 126, 132, 133, 144
- Семен Багатырь, посол бия Мусы – 50, 137
- Семён Борисович, кн. Суздальский – 81
- Семён Романович, кн. Ярославский – 37
- Сигизмунд, вел. кн. литовский – 108–111, 123, 124, 143, 144
- Сиди-Ахмед (Сидяхмед) б. Ахмат, ордынский хан – 54
- Симский, И.В. Хабар, русс. воевода – 93–95
- Смирнов, И.И., историк* – 113, 115
- Соловьёв, С.М., историк* – 29, 43, 44
- Сорока, литовский дворянин, посол в Казань – 108, 113, 123
- Суков Елизар (Елка), русс. посланец в Казань – 112, 122
- Тамерлан, среднеаз. завоеватель – 5, 79
- Тевекель, казанский сеид – 52
- Телешов, И., дьяк – 81, 125, 128
- Темир б. Мансур, ордынский бек-лербек, отец Нур-Султан – 7, 40
- Тоган Заки Валиди, историк* – 80
- Токтамыш (Тохтамыш), хан Золотой Орды – 5, 70
- Трепавлов, В.В., историк* – 41, 49, 61
- Тростенский, Т.А., русс. воевода – 40
- Тулупьев, В.Д., русс. воевода – 40
- Тучков, М.В., окольничий, посол в Казань – 125
- Тюнюш, казанский посол в Крым – 117, 143
- Улу-Мухаммед, Олуг-Мухаммед, ордынский и казанский хан – 5, 6, 9, 12, 14, 25, 28, 91, 92, 99, 107, 123, 130–132
- Урак, казан. князь и полководец – 51, 73

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Урак (Оурак), оппозиционный казанский князь (см. Урак?) – 64, 67
- Усеин, доверенный человек Нур-Султан, посол в Казань – 48, 49, 54–56, 59, 60, 62, 64, 66, 136–138
- Усманов, М.А., историк* – 78
- Утеш б. Бегиш, казанский князь – 52, 58, 136
- Фатима, жена хана Ибрагима – 7, 9, 29, 31
- Фатима, дочь Мусы, жена Мухаммед-Эмина – 49, 61, 66, 85, 129, 136, 138
- Хабар Симский (см. Симский И.В.)
- Хайдар (см. Айдар-Гази) – 32
- Халиль б. Махмуд, казанский хан – 6, 7, 15, 68
- Харламов, А., дьяк – 121
- Хасан, ногайский бий – 110
- Холмский, В.Д., русс. воевода – 91, 104
- Холмский, Д.Д., русс. воевода – 42
- Холмский, С.Д., русс. воевода – 68
- Худайкул (см. Кудайкул) – 98, 99, 132
- Худяков, М.Г., историк* – 30, 32, 36, 38, 41, 44, 67, 83, 106, 112
- Хусаин б. Темир, брат Нур-Султан – 124
- Челяднин, А.Ф., кн. и русс. воевода – 74
- Челяднин, И.А., боярин – 122, 143
- Чеченков, П.В., историк* – 91
- Шаинс-Юсуф, казанский «городовой» князь – 86–89, 141
- Шаисуп, казанский «земский князь» (Шаинс-Юсуф?) – 128
- Шаусейн-сеит (Шах-Хусейн), казанский сеид – 121, 125, 143
- Шах-Али (см. Шигалей) – 128, 129, 132, 133
- Шахбердей (Шах-берди) – казанский посол – 127, 144
- Шах-Юсуф, казанский князь (см. Шаинс-Юсуф?) – 88, 125
- Шеин, Д.В., русс. боярин, полковонец, дипломат – 43, 103
- Шейбани-хан (см. Мухаммед Шейбани)
- Шейх-Ахмат (см. Шиг-Ахмат)
- Шиг-Ахмат б. Ахмат, ордынский хан – 54, 76, 84, 109, 141
- Шигалей, казанский «царь» – 128
- Щербатов, М.М., историк* – 29, 43, 98
- Юрий Захарьич, русс. воевода – 37, 74
- Юрий Иванович, кн. Дмитровский, брат Василия III – 98
- Яков Захарьич, русс. воевода – 74–76, 140
- Ямгурчи, ногайский бий – 32, 34, 40, 51, 52, 59, 61, 65, 73, 82–84, 93, 141
- Янай (см. Джанай) – 115

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Алныш, р. – 44, 48
Арский городок – 13, 18, 67
Арское поле – 17, 101, 102, 103, 105, 142
Астрахань – 66, 86, 125, 129, 133
Банное, оз. в черте совр. Казани – 16
Белёв, г. – 5
Белое, оз. близ Казани – 16
Белоозеро, г. – 42, 81
Большая Орда – 7, 11, 22, 25, 33, 34, 44, 47, 54, 56, 57, 58, 60, 61, 76, 80, 81, 109, 111, 136, 140
Брянск, г. – 75, 140
Булгар, г. – 4, 18, 131, 132
Васильсурск – 11
Ведрошь, р. – 75, 93
Великое княжество Литовское – 6, 11, 74, 90, 99, 107, 108, 114, 123, 142
Великое княжество Московское – 7, 11, 21–25, 33–35, 48, 52, 61, 111
Владимир, г. – 36, 91, 133
Волга, р. – 7, 11–14, 16, 25, 26, 28, 42, 45, 48, 52, 65, 86, 90, 92, 94, 98, 100, 101, 103–106, 141
Вологда, г. – 42, 50
Вязьма, г. – 74
Вятка, земля и г. – 9, 22, 50, 51, 65, 122, 135, 136, 144
Галич, г. – 122, 143
Горная сторона Волги – 11, 12, 13, 42, 45, 100
Городок Мещерский – 25, 34, 47, 114, 115
Гостиный о-в – 16, 104
Днепр, р. – 54, 74
Дорогобуж, г. – 75, 76, 140
Драков, г. – 76, 140
Завидов, г. – 76, 140
Западная Двина, р. – 75
Золотая Орда – 5, 7, 12, 21, 79
Казанка, р. – 16, 17, 67, 103
Казань, г. (упомянут свыше 300 раз)
Кама, р. – 11, 42, 89, 100, 104
Карголом, г. – 42
Каргополь, г. – 50
Касимов, г. – 18, 34, 114
Кашира, г. – 34–36, 45, 68, 70, 71, 73, 126, 127, 135, 139
Киров, см. Вятка
Крым, п-ов – 12, 28, 29, 31, 33, 34, 41–44, 46–48, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 66–68, 76, 80, 84, 98, 108–114, 117, 118, 120, 121, 125–127, 129, 132, 133, 136–140, 142, 143
Крымское ханство – 4, 18, 107
Ливония, гос-во – 22, 74, 76, 109
Луговая сторона Волги – 11, 12, 45
Лысково, крепость – 92
Можайск, г. – 74
Москва, г. (упомянута свыше 200 раз)
Московское государство – 4, 20, 21, 24, 27, 32, 52, 56, 73, 83, 91, 93, 99, 107, 110, 111, 118, 123, 133
Муром, г. – 48, 90, 91, 95–97, 105, 141, 142
Нижний Новгород, г. – 6, 36, 42, 48, 53, 90–97, 105, 118, 123, 133, 136, 142

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Новгород Великий, г. – 9, 10, 22, 23,
50, 74, 110
- Ногайская Орда – 4, 11, 28, 34, 40,
86, 111, 136
- Перевоз, переправа через Волгу под
Казанью – 90, 104
- Пермская земля – 22, 89
- Перь Великая (см. Пермская земля)
- Поганое, оз. в черте совр. Казани –
16, 17, 103
- Почап, г. – 76, 140
- Псков, г. – 22, 23, 110
- Радогож, г. – 76, 140
- Рязанское княжество, Рязань, г. – 22,
25, 76, 110
- Серпухов, г. – 34, 68–71, 139
- Суздаль, г. – 6
- Сура, р. – 11, 52, 90, 105, 122, 127,
141–143
- Трубчевск, г. – 76, 140
- Чёрное, оз. в черте совр. Казани – 16
- Хлынов – см. Вятка – 9, 50, 51
- Хатунь (Хотунь), г. – 68–70, 139
- Цивиль, р. – 44, 48

SUMMARY

This essay is the result of a study of the biography of Mohammed Amin, one of the most famous rulers of the Kazan Khanate. The writing and publication of this essay are timed to the 500th anniversary of this outstanding person's death.

Mohammed Amin was one of the sons of Ibrahim-Khan, and after his father's death, he was transported to the Grand Principality of Moscow, because the throne passed to his older half-brother, Ali. During the confrontation between Moscow and Kazan in the second half of the 1480s, the Grand Prince Ivan III managed to subdue the weaker Kazan Khanate and put Mohammed Amin on its throne in 1487.

However, the new khan was unpopular among many Kazan aristocrats and part of the Nogai Horde's rulers. Consequently, Mohammed Amin was displaced from the throne. His brother, Abdul-Latif, became the new khan. It was advantageous for Ivan III to have a candidate for the Kazan throne near at his hand – this allowed him to interfere in the state affair of the Kazan khanate on “legitimate” reasons. Living in the Grand Principality of Moscow, Mohammed Amin owned several Russian towns, and took part in the wars with the Great Horde and the Grand Principality of Lithuania.

In 1502, the Kazan aristocracy displaced Abdul-Latif, and Mohammed Amin returned to the throne by the will of Ivan III. This time, however, Mohammed Amin dramatically changed his relations with the Russians, because staying in the line with the policy of foreigners and non-Muslims threatened his political future and life. He went to break up with Moscow, which led to the war in 1505–1507. In the course of this war, the Russian army was defeated under the walls of Kazan and dependence on Moscow was largely eliminated. At the end of the war the peace was concluded, which lasted until the death of Mohammed Amin in 1518.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО	5
Прадед и дед	5
Родители	7
Рождение	8
Имя	8
Братья и сёстры	9
Детство	9
ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН.....	11
Казанское ханство и его жители	11
Политическая и административная структуры	14
Социально-экономические особенности.....	15
Столица ханства – Казань	16
Вооружённые силы	18
Великое княжество Московское	21
Московско-казанские отношения в XV в.	25
ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ	29
Первый отъезд Мухаммед-Эмина из Казани	29
В Кашире	34
Первое восхождение на трон	36
Великое взятие Казанское	42
Ханское «житьё»	45
ГЛАВА IV. ВТОРОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ МУХАММЕД-ЭМИНА	47
Дела ханские	47
Начало долгих хлопот о женитьбе.....	49
Вятка (1489 г.)	50
Проблемы с ногаями	51
Письма из Крыма (1491 г.)	54
Против Большой Орды (1491 г.)	56
Беглые князья, ногайские набеги, переписка с Крымом (1491–1492 гг.).....	58
Женитьба Мухаммед-Эмина и приезд Абдул-Латифа на Русь (1492–1493 гг.).....	61

ГЛАВА V. НОВОЕ ИЗГНАНИЕ И НОВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ	64
Третий отъезд из Казани.....	64
Серпухов, Кашира, Хотунь (1496–1500 гг.).....	69
На чужой войне: участие Мухаммед-Эмина в московско-литовском конфликте (1500–1502 гг.)	74
Хан – поэт?	78
Третье возвращение на казанский трон (1502–1505 гг.).....	80
ГЛАВА VI. ВОЙНА ЛЕТА 7014-го	86
Русский погром	86
Поход Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород.....	90
Тучи сгущаются	97
Жаркий день	101
Разгром и бегство русских полков.....	103
Поиск союзников	106
Переговоры и заключение мира (1507–1508 гг.).....	111
Последствия войны	114
ГЛАВА VII. СПОКОЙНЫЕ ГОДЫ.....	120
Приезд Нур-Султан.....	120
Худой мир.....	121
«Смерть настигнет вас, где бы вы ни находились»	124
Погребение	130
После Мухаммед-Эмина.....	132
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	134
БИОХРОНИКА МУХАММЕД-ЭМИНА.....	135
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	145
ИСТОЧНИКИ.....	146
ЛИТЕРАТУРА.....	152
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЁН	158
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....	163
SUMMARY	165

Б.А. Илюшин, кандидат исторических наук,
инженер-исследователь Лаборатории гуманитарных
исследований Новосибирского государственного университета
E-mail: tuguhun16-30@yandex.ru

Илюшин Борис Анатольевич

**Мухаммед-Эмин – «царь» казанский:
биографический очерк**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева,*
Л.С. Гиниятуллина, А.Р. Тухватуллина
Подписано в печать 15.03.2019 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71,
231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://tataroved.pf/departments/6>
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>